

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

5 '87

Главные рубрики журнала:

Люди подвига

Следопытский телеграф

Страницы прозы и поэзии

Адреса романтики

Человек и природа

Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

Краеведческая копилка

Приключения и фантастика



ОБУВЬ С «ТРЕМЯ КАБЛУЧКАМИ»



(СКАЗЫВАЕТСЯ ЛИ ФАКТОР
МОЛОДОСТИ НА РАБОТЕ
КОНВЕЙЕРА?)

Фото Игоря Горячева

Решения XX съезда комсомола — повод не для абстрактных споров, а для конкретного осмысления своей работы.

Перед молодыми рабочими из производственного объединения «Уралобувь» стоит вопрос: «Как конвейер заставить работать не механистически, а с душой?»

Комсомольско — молодежная бригада Наташи Горбунцовой делает детскую обувь. Её «нужно выпускать так же, как для взрослых, только лучше». Ответственность большая...

Читайте стр. 10—13



УРАЛЬСКИЙ

Следопыт



5 '87

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В НОМЕРЕ:

- 2/ Н. Сыромятников
ВЕСНА ЗВАЛА В ДОРОГУ. Стихи
- 3/ Н. Мыльников
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ МАРШАЛА
- 8/ П. Нефедьев
РУЖЬЕ Г. К. ЖУКОВА
- 9/ А. Викторов
РОМА-ЯСТРЕБОК
- 10/ Ю. Шинкаренко
ОБУВЬ С «ТРЕМЯ КАБЛУЧКАМИ»
- 14/ И. Алебастров
ВЕЛИКИЙ РАТОБОРЕЦ
- 20/ С. Другаль
ОБОСТРЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ
- 30/ ПОДУМАЕМ, ПОСОВЕТУЕМСЯ!
- 31/ О. Уроженко
СТУПЕНИ КРАСОТЫ
- 33/ В. Крапивин
ОСТРОВА И КАПИТАНЫ. Роман.
Книга первая «ХРОНОМЕТР». Начало
- 62/ В. Клочков
ТАНЯ-ПАРТИЗАНКА
- 64/ Е. Разумов, А. Махмудов, А. Рахвалов
ЛЕТО, В ДОБРЫЙ ПУТЬ! Стихи
- 65/ «ОСТАЮСЬ ВАШИМ ЧИТАТЕЛЕМ...»
- 70/ В. Миронов
ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ГОДА. Май
- 74/ Ю. Блинов
ЗАЙКА-ГОРБУН. Сказка
- 76/ М. Салимов
ПИЛАТ. Сказка
- 77/ МЫШОНОК. Сказка
- 78/ Б. Давлетбаев
САБЛЯ САЛАВАТА ЮЛАЕВА
- 79/ МИР НА ЛАДОНИ
- 80/ В. Попугайло
ШКОЛА ИСКУССТВ

На 1-й стр. обложки рисунок Зои Баженовой



В крупнейших сражениях Великой Отечественной войны принял участие Николай Иванович Сыромятников, выпускник Уральского политехнического института. Он воевал под Сталинградом, командовал взводом артиллерийской разведки. В Курской битве возглавлял гаубичную батарею. В числе первых форсировал Днепр, за этот подвиг был удостоен звания Героя Советского Союза. Фронтовые дороги его пролегли через Румынию, Венгрию, Австрию и Чехословакию. Николай Иванович — участник Парада Победы в Москве.

После войны он вернулся в родной институт, занялся научной работой, стал заведующим кафедрой теоретической теплотехники, профессором, доктором технических наук, заслуженным деятелем науки и техники. К военным наградам прибавились ордена — Ленина, «Знак Почета», Дружбы народов. Ему присвоено звание «Почетный гражданин города Свердловска».

Николай Иванович почетный председатель правления Свердловского отделения Общества советско-чехословацкой дружбы.

Такая вот и трудная и яркая жизнь у этого человека.

Мало кто знал, что для себя, для памяти сердца Николай Иванович с юности пишет стихи. Мы попросили у него несколько стихотворений, написанных на фронте и в последние годы, чтобы познакомить с ними наших молодых читателей.

ВЕСНА ЗВАЛА В ДОРОГУ

Николай
СЫРОМЯТНИКОВ

ВОЙНА!

Сегодня, как всегда, заря
Взошла над синим морем,
И росы, травы серебря,
Рассыпалась над полем.

Последний сон приснился мне:
Весна звала в дорогу...
И вдруг: — Отечество в огне.
Горнист поет «Тревогу».

1941 г.

СТАЛИНГРАД В ОГНЕ

О песчаный берег Волги
Плещется волна.
Я спросил ее, как долго
Будет здесь война?
И спросил еще о письмах
От тебя ко мне...
Черный дым над Волгой висит —
Сталинград в огне.
Обгорели здесь березы,
В парке стонет клен,
И роса, как будто слезы
Каплет с редких кроны.
На Мамаевом кургане
День и ночь бои.
Я храню блокнот в кармане,
Где стихи мои.
Мы пойдем сейчас в атаку
На врага — вперед.
Нас на подвиг и отвагу
Юность поведет.

1943 г.

МЕДСЕСТРА

Я выживу, выстою: должен я знать,
Как девушку ту,
что спасла меня, звать.
Ту, в серой шинели
и с красным крестом,
Что снилась в палате
мне часто потом.
Я ранен осколками был тяжело:
В глазах потемнело,
хоть было светло...
Не помню,
что стало со мною потом, —
Одно лишь запомнил —
повязку с крестом.

...Я выживу, выстою: должен я встать.
Чтоб в схватке смертельной
врага наказать.
За девушку ту, что, спасая солдат,
Однажды сама не вернулась назад.

1943 г.



ВЕСНЫ МГНОВЕНЬЕ

Голубое небо, розовая даль,
Нарядилась верба в золотую
шаль.

И стоит, любуясь в зеркало пруда,
Отражает ветки синяя вода.
Отражает в небе стаю журавлей:
То весны мгновенье
Родины моей!

1984 г.

ВЕЧЕРНИЕ ЗОРИ

Солнце клонится тихо к закату,
Угасает безоблачный день,
И легла далеко за ограду
От березы кудлатая тень.
А в лугах из волокон тумана
Вечер выткал пуховый ковер,
И укрылась им на ночь поляна,
И померк возле речки костер.
В этот час тишины и покоя,
После знойного летнего дня,
Вспоминается с грустью былое:
Беспокойная юность моя.
Вспоминаются рощи родные
И под звездным шатром вечера,
И дороги мой фронтовые...
Это было как будто вчера.
Была в юности нашей далекой
И любовь, а не только война.
И сейчас мне о ней, синевой,
Вновь напомнила в небе Луна.
Годы, годы — они пролетели,
Словно чайки над гребнем волны.
Все ли сделать, друзья, мы сумели,
Чтобы не было больше войны?

1986 г.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Николай
МЫЛЬНИКОВ

Фото
Германа Чертополохова



МАРШАЛА

Автор публикуемых ниже документальных новелл о прославленном советском полководце военный журналист Н. Н. Мильников был специальным корреспондентом окружной газеты «Красный боец» и корреспондентом «Красной звезды» по Уральскому военному округу в годы, когда округом командовал Г. К. Жуков.

МАРШАЛ И ФОТОРЕПОРТЕР

Военный корреспондент газеты «Правда» Виктор Темин со своей безотказной «лейкой», которую в 1929 году подарил ему Алексей Максимович Горький, не расставался всю Великую Отечественную войну.

По-особому памятным событием для Виктора Темина явилось фотографирование Знамени Победы над немецким рейхстагом и доставка снимка в Москву.

Тридцатого апреля в 21 час 50 минут сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитон Кантария над главным куполом немецкого рейхстага водрузили Знамя Победы. Командующий 8-й Ударной армией генерал-полковник В. И. Кузнецов, лично наблюдавший за тем, как его солдаты брали рейхстаг, немедленно позвонил командующему 1-м Белорусским фронтом Георгию Константиновичу Жукову, взволнованно сообщил:

— На рейхстаге — Красное знамя! Ура, товарищ маршал!

Не менее взволнованно Жуков ответил:

— Дорогой Василий Иванович, сердечно поздравляю тебя и всех твоих солдат с замечательной победой. Этот исторический подвиг войск никогда не будет забыт советским народом!

Однако немцы еще продолжали сопротивляться. Обреченные на смерть, они удерживали Тиргартен и правительственный квартал, в котором располагались имперская канцелярия и подземный бункер ставки Гитлера.

Второго мая, в три часа дня, когда по Берлину разносилась весть о капитуляции гарнизона, оборонявшего фашистскую столицу, Виктор Темин сделал снимки, которым суждено было стать историческими.

Через два часа после падения Берлина на городской площади против парка Тиргартен он сфотографировал митинг воинов корпуса С. М. Кривошеина.

А в шесть часов вечера запечатлел колонну пленных немцев, проходивших через Бранденбургские ворота.

Военный корреспондент «Правды» знал, что сегодня, второго мая, будет написан приказ Верховного Главнокомандующего о взятии Берлина, а завтра этот приказ опубликует газета, и поэтому решил во что бы то ни стало срочно отвезти снимки в Москву.

Неподалеку от Берлина фотокорреспондента ожидал самолет «По-2», принадлежавший 16-й воздушной армии. Летчик Иван Вештак быстро доставил фотокорреспондента в штаб фронта.

— Товарищ маршал, докладывает фотокорреспондент газеты «Правда» майор Темин, — сообщил Темин Жукову по телефону. — Мною сфотографированы Знамя Победы над рейхстагом, митинг танкистов в Берлине и колонна военнопленных немцев около Бранденбургских ворот. Я прошу вас отправить самолет со снимками в Москву.

Маршал выслушал корреспондента, узнал, где он находится, ответил:

— Ждите моего звонка.

Спустя несколько минут Г. К. Жуков распорядился отправить Темина на самолете «Ли-2» до города Янува, что в Польше, а там предоставить корреспонденту советский ночной бомбардировщик.

В девять часов вечера Виктор Темин вылетел с прифронтового аэродрома 1-го Белорусского фронта. Все складывалось так, как было задумано. Но время неуступчиво торопило. С карандашом в руке майор рассчитал свои часы на дорогу до Москвы и пришел к заключению: пересадка в Януве может выбить его из графика.

Темин отважился лететь в Москву напрямик. Согласно на беспосадочный полет командир корабля запросил по радио у старшего начальника. Но ответа не последовало.

— В таком случае, — распорядился майор, — я принимаю ответственность на себя. Будем продолжать полет без пересадки.

Летчик подчинился приказу старшего по званию офицера, и это вызвало в пути большие осложнения.

Чтобы перелететь границу Советского Союза, командир корабля должен иметь необходимый пароль. Так как маршрут задания кончался в Януве, дальнейшего пароля авиатор не знал.

Примерно за час до подхода к советской границе майор Темин передал радиogramму в Ставку Вер-

ховного Главнокомандующего: на борту самолета «Ли-2» — важный материал о взятии Берлина, просим дать указание зенитчикам о пропуске нас через границу. Однако ответ на радиogramму где-то задержался.

Соблюдая бдительность, зенитные войска открыли по неизвестному самолету сильную стрельбу. Пришлось отвалить назад и, ожидая приказа, не менее получаса барражировать на положенном удалении от зенитчиков.

Транспортный самолет, получивший, как было установлено позже, свыше шестидесяти пробоин, приземлился на Центральном аэродроме Москвы. От этого аэродрома до редакции газеты «Правда» — самое кратчайшее расстояние. Время, потерянное при барражировании вдоль границы, будет возмещено и, по-видимому, даже с запасом.

В четвертом часу утра Виктор Темин вошел в кабинет редактора «Правды» Петра Николаевича Поспелова, отрапортовал:

— Снимок Знамя Победы над рейхстагом доставлен.

Петр Николаевич пожал руку фотокорреспонденту и от имени редколлегии газеты поблагодарил его за оперативность.

Снимки «Знамя Победы над рейхстагом в Берлине», «Митинг танкистов генерала Кривошеина» и «Колонна пленных немцев проходит Бранденбургские ворота» были срочно проявлены, обработаны в цинкографии и помещены в газете за третье мая 1945 года вместе с приказом Верховного Главнокомандующего о взятии советскими войсками Берлина.

Желая смягчить перед маршалом Жуковым вину фотокорреспондента, который проявил разумную инициативу, связанную с большим риском для жизни, П. Н. Поспелов позвонил Георгию Константиновичу, выразил признательность за большую помощь редакции газеты.

Жуков ответил Поспелову:

— Помощь помощью. Но в армии существует твердая дисциплина. И я принял решение: за самовольный угон самолета строго наказать майора Темина.

Услышав об этом, зная волевой характер Жукова еще со времен событий у реки Халхин-Гол, Виктор Темин сменился в лице, долго молчал, а когда опомнился, заметил:

— А разве я мог поступить по-другому? Я же не для себя старался. Для общего дела. Мне сердце приказало так поступить.

— Я на вашей стороне, — ответил П. Н. Поспелов, — и, пока вы будете возвращаться в Берлин, постараюсь урегулировать конфликт.

В семь часов утра третьего мая, когда типография выдала первые тысячи экземпляров газеты, их погрузили в самолет. Он взял курс на Берлин.

И хотя Петр Николаевич Поспелов заверил фотокорреспондента, что конфликт будет урегулирован, на душе Виктора Антоновича Темина было сумрачно.

«А если где-то и что-то не сработает до возвращения в Берлин? — раздумался фотокорреспондент. — Как это получилось с ответом на радиogramму раз-

решить перелет через границу? Если меня арестуют раньше, чем я встречу с Жуковым?..»

Мысли, одна тяжелее другой, приходили в голову майора. Казалось, он за всю войну не пережил столько печальных часов, как в это весеннее утро, в которое весь мир узнал о падении фашистской столицы под неудержимым напором советских солдат.

Маршал Жуков принял Темина в своем кабинете. Фотокорреспондент прошел к столу, за которым сидел командующий, вручил Георгию Константиновичу «Правду» со своими снимками, принял строевое положение, доложил:

— Чтобы вовремя доставить снимки редакции, мне пришлось нарушить ваш приказ, товарищ Маршал Советского Союза. Я прошу вас учесть создавшуюся обстановку...

Жуков молча прочитал начало приказа Верховного Главнокомандующего по войскам Красной Армии и Военно-Морского Флота. В нем говорилось:

«Войска 1-го Белорусского фронта, под командованием Маршала Советского Союза Жукова, при содействии войск 1-го Украинского фронта, под командованием Маршала Советского Союза Конева, после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлин — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.

Берлинский гарнизон, оборонявший город, во главе с начальником обороны Берлина генералом от артиллерии Вейдлингом и его штабом сегодня в 15 часов прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен».

Потом маршал внимательно всмотрелся в фотоснимки. Его хмурый взгляд заметно потеплел, оживился. Осведомленный уже в том, как нелегко Темину достался полет в Москву, маршал сказал:

— За свою работу ты достоин звания Героя Советского Союза, но за недисциплинированность, за то, что угнал самолет... — Георгий Константинович сделал паузу, глянул на фотокорреспондента, безнадежно махнул рукой и, улынувшись, добавил: — Получишь орден Красной Звезды. И больше так не поступаешь...

— Не придется, Георгий Константинович, — почувствовав добродушие в разговоре, явно не по-уставному ответил майор Темин. — Берлин теперь в надежных руках.

В БОЛЬШОМ И В МАЛОМ

На первой при участии маршала уральской окружной партийной конференции Георгию Константиновичу был задан вопрос:

— Почему вы, прославленный полководец Великой Отечественной войны, с высоким званием Маршала Советского Союза, согласились командовать Уральским военным округом? Неужели вам не нашлось должности в Министерстве обороны?

— Центральному Комитету партии и нашему правительству виднее, где я принесу для обороны стра-

ны пользы больше,— уверенно ответил Жуков.— Со своей стороны считаю: командовать войсками округа, который охватывает весь индустриальный Урал, не меньше почетно, чем служить в Москве.

...Ни в годы фронтовые, ни в послевоенное время в приемных Жукова очередей не бывало. В своем настольном календаре ровным и убористым почерком, похожим на учительский, все дела и встречи с людьми он расписывал и по часам, и по минутам.

Его рабочий кабинет в Свердловске, высокий и просторный, всегда выглядел аскетически неприхотливым. Без украшательств на стенах, без броской для глаза дорогой мебели, без настольных сувенирных изваяний. Сказать по-другому, в кабинете полководца никого и ничто не отвлекало от работы, требующей глубоких размышлений, принятия такого решения, которое является единственно верным, продиктованным командирской пронизательностью.

У прежнего командующего войсками, в его комнате для отдыха, стоял специальный шкаф, заполненный самыми разными медикаментами. Жуков открыл его, увидел скопище заготовленных впрок лекарств, многозначительно покачал головой, заметил:

— Аптечный склад надо убрать отсюда.

— Почему, товарищ маршал? — спросил офицер для поручений.

— Он наводит меня на грустные размышления. Я же приехал сюда не лечиться, а командовать войсками.

Георгий Константинович никогда не забывал, что его, крестьянского сына, закалила на прочность в своем партийном тигле ленинская Коммунистическая партия, что всем лучшим в себе он обязан ее материнскому влиянию. Состоя в той или иной парторганизации, он ни в чем не выказывал свое старшинство в звании, старался держаться вровень со всеми.

Перед тем как провести очередное партийное собрание, на котором должен присутствовать недавно прибывший в Уральский военный округ командующий, секретарь партийного бюро распорядился: рядом со столом, за которым положено находиться президиуму собрания, установить специальное кресло для маршала.

Во всем точный и аккуратный, Г. К. Жуков пришел на собрание за три-четыре минуты до его открытия и сел на свободный стул. Секретарь партбюро пригласил маршала на подготовленное мягкое кресло, но тот махнул рукой, спокойно ответил:

— Здесь, на партийном собрании, мы все равны. И я прошу вас никаких привилегий для командующего не устраивать.

Партийный секретарь вроде бы понял суть мысли командующего, но, как оказалось, не до конца. В день, установленный для уплаты членских партийных взносов, он пришел к маршалу в кабинет. Г. К. Жуков молча уплатил положенную сумму, а потом сказал:

— В будущем прошу меня не подводить. Чтобы уплатить партийные взносы, коммунист, как я понимаю, должен сам приходить к секретарю партбюро.

Выступая на партийных собраниях с докладами и в прениях, коммунист Жуков не однажды призывал сослуживцев подмечать недостатки не только в работе рядовых партийцев, но и руководителей штаба и управлений округа, вплоть до командующего войсками.

За несколько дней до выезда на зимние тактические учения начальник штаба округа и работники тыловой службы направили в район развертывания штаба руководства колонну автомашин, загруженных материалами и имуществом для оборудования служебных и жилых походных палаток. Были тут и металлоконструкции, необходимые при обустройстве палаток, и громадные сундуки, заполненные различными документами, книгами, справочниками, и тяжеловесные ковры, предназначенные заменить полы в рабочих и жилых помещениях генералитета, и массивные кровати с панцирными сетками, и венские стулья, и точеные из мрамора чернильные приборы, и многое другое.

Г. К. Жуков приехал в район учений в тот момент, когда многоступенчатые предбоевые работы были окончены.

Маршала встретили по всем уставным правилам с четким докладом.

— Все ясно,— сказал Жуков.— Прошу показать мне, где я буду жить?

Его проводили заместитель командующего по тылу и начальник штаба округа.

Георгий Константинович по-хозяйски осмотрел свою палатку, загадочно усмехнулся, отметил:

— Чувствуется забота подчиненных о старшем окружном начальнике.

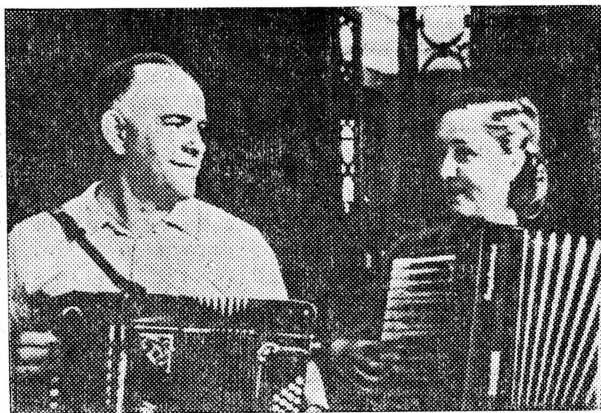
Сказаны были эти слова так, что лица, сопровождавшие маршала, не поняли: или он отнесся к их действиям с одобрением, или отрицательно.

— А как выглядят штабные палатки? Наши рабочие места?

— Пожалуйста, товарищ маршал! — ответил ок-



Маршал Жуков встречается с избирателями в Егоршино. 1949 г.
Фото публикуется впервые.



Георгий Константинович Жуков со старшей дочерью Эрой Георгиевной.

ружной начальник тыловой службы.— На наш взгляд, все готово.

В каждой из палаток стояли добротные письменные столы с чернильными приборами, с телефонными аппаратами, с пишущими машинками. Вместо полов были разостланы разноцветные ковры, на стенах висели картины местных художников.

В последней палатке Жуков присел у стола, решил сидеть всем, кто здесь находился, задал вопрос начальнику штаба округа:

— Мы что же, товарищ Сквирский, приехали сюда на отдых или на учения?

— Прошу уточнить вопрос, товарищ Маршал Советского Союза,— чувствуя недоброе в словах командующего, осторожно обронил начальник штаба.

— Уточняю. Кто давал распоряжение хозяйственникам завести в район полевых занятий такое множество домашнего имущества?

— Воспользовались опытом прошлых учений. Так делалось раньше...

— Как делалось раньше — меня интересует меньше всего. Вы, как я успел заметить, и на служебных совещаниях, и в своей статье, которую недавно опубликовала окружная газета, ругаете за то, чтобы проводить войсковые учения в обстановке, максимально приближенной к боевой действительности, и в то же время обставляете походные палатки под стать стационарному дому отдыха. Разве это дело? Разве так надо учиться тому, что необходимо на войне?

— На этот раз обойдемся без наказаний,— после долгой паузы заключил маршал,— а перед вами ставлю задачу: сегодня же разберитесь в том, без чего нельзя обойтись на учениях, и все излишества отправьте обратно.

К исходу дня приказ командующего был выполнен полностью.

Стремясь сохранить строевую выправку, командирскую статью, маршал ни в одной командировке не расставался с гантелями, в зимнюю пору ни в один гарнизон не выезжал без лыж. Не расставаться с лы-

жами командующий войсками округа приучил и командиров, и политработников. После одного памятного учения.

Перед учением, как и положено, требуется провести рекогносцировку местности. В рекогносцировке участвовал командир соединения, его заместители, командиры частей и сам командующий войсками округа.

Утром, задолго до рассвета, легковые вездеходы взяли курс строго на восток. Миновали совхозный поселок, свернули с шоссейной дороги на проселочную, лесную, и машины забуксовали.

Маршал тут же переобулся в ботинки, встал на лыжи, предусмотрительно захваченные с собой, и легко, проворно устремился вперед.

Ни у кого из местных командиров лыж не оказалось. Но рекогносцировку на полпути не оставишь. И офицеры по лыжне, проложенной маршалом, рассыпались пешей колонной.

Офицеры тонули в снегу по колено, по пояс. Но в район, где предполагался наиболее вероятный прорыв наступавшего «противника», прибыли к сроку. Не опоздал ни один человек.

После того как рекогносцировка была проведена, маршал тут же в поле оценил действия офицеров, затем обратился к ним с вопросом:

— На то, что сегодня пришлось попотеть, на привередливость Жукова есть обиды?

— Никак нет, товарищ Маршал Советского Союза,— ответил командир соединения.— Ваш урок пойдет впрок.

Строгие, неумолимые требования командующего объяснялись не прихотью характера, не властолюбием. Они диктовались интересами государства, пониманием ответственности за боеспособность вверенных ему войск.

В СОЛДАТСКОЙ СТОЛОВОЙ

Инспектирующая группа во главе с командующим войсками Уральского военного округа прибыла в отдаленный гарнизон.

В разгар проверки маршал Жуков взял с собой инспектора окружного управления тыла Акиндина Васильевича Вшивкова и направился в солдатскую столовую. По дороге спросил:

— Как, по-вашему: местные начальники успели или не успели предупредить тыловиков, что Жуков начнет свой обход со столовой?

— Не успели, товарищ маршал,— ответил полковник.— Еще не научились разгадывать ваши мысли.

— Вот и хорошо. Люблю натуральность в делах. Без подслащивания, без припудривания.

Столовая готовилась к завтраку. Жуков появился со стороны кухни, выслушал рапорт дежурного, прошел в столовую, оценивающе глянул на тарелку с гречневой кашей и куском отварного мяса.

— Солдаты не обижаются на питание? — спросил он дежурного по кухне.

— Стараемся, чтобы не обижались,— уклончиво ответил офицер.

По тому, как подпрыгнули брови Жукова, дежурный понял: ответ командующему был не попад.

Маршал велел взвесить на контрольных весах содержимое завтрака.

— Вам часто приходится дежурить по кухне? — поинтересовался командующий.

— Примерно раз в месяц.

— Давно служите в полку?

— Полтора года.

— Придете домой — подсчитайте, сколько за свои дежурства вы недодали продуктов солдатам...

— Непонятная задача, товарищ маршал.

— Тогда запишите вводную. На солдатский завтрак положено выдавать каши четыреста граммов, а не триста пятьдесят, как у вас. Мяса он должен получать сорок два — сорок три грамма, а не тридцать пять, показанных на весах.

Полковник Вшивков, много лет проработавший в интендантском управлении округа, слушал вразумительные замечания Жукова и диву давался: как он, командующий войсками, ежедневно занятый большими государственными делами, мог хранить в памяти все нормы котлового довольствия солдат?

Слух, что командующий проверяет работу солдатской столовой, дошел до ее заведующего, до заместителя командира соединения по тылу. И тот, и другой прибежали на кухню.

Жуков расспросил начальников продовольственной службы о том, как они знают свои обязанности, рассказал про обшеты солдат в столовой, потребовал от заместителя командира по тылу найти виновников и наложить на них взыскание.

На прощание Георгий Константинович вынул блокнот, оторвал чистый листок, написал на нем суворовские слова: «Будь искусным в том, чтобы твои войска никогда не испытывали недостатка в пропитании».

— Вот тут, — сказал маршал, передавая листок заместителю командира по тылу, — ваша главная программа действий на все годы службы, пока не уволитесь из армии. Прошу запомнить давнее требование генералиссимуса и не отступать от него никогда.

ПИСЬМО СТАРШЕКЛАСНИКАМ

В том году, когда были опубликованы «Воспоминания и размышления» Г. К. Жукова, шефы — угольщики города Копейска, что в Челябинской области, подарили ребятам местной школы-интерната книгу великого полководца.

Старшеклассники, прочитав книгу, написали маршалу письмо. Георгий Константинович ответил, завязалась дружеская переписка.

Школьники регулярно докладывали о своих успехах в учебе, в общественной работе, в спортивных достижениях. Письма маршала стали для ребят добрыми напутствиями на хорошие дела.

Вот что он писал Копейской пионерской дружине 27 июля 1972 года:

«Хочется, дорогие ребята, высказать несколько пожеланий, которые будут Вам полезны в жизни.

Овладевайте знаниями, будьте разносторонне образованными людьми. Чтобы быть здоровыми, обязательно занимайтесь спортом.

Когда вы будете взрослыми, ваши отцы вручат вам эстафету дальнейшего строительства коммунистического общества в нашей стране. Эта эстафета должна быть передана в руки сознательных, крепких и трудолюбивых людей, беззаветно преданных нашей Родине.

В вашей школе-интернате создан музей Боевой славы. Мне, старому солдату, участнику четырех войн, приятно знать, что наши дети и внуки свято чтут память тех, кому не довелось вернуться с поля боя, где они отдали жизнь за Родину, за наше светлое будущее.

Вечная им слава!

Крепко обнимаю вас.

Г. Жуков.»

ДОЧЬ КОМИССАРА

Комиссар танкового полка Юрий Семенович Серых, попавший на фронт с первых дней войны, не успел узнать о том, что у него двенадцатого августа сорок первого года родилась дочь Таня. Пока письмо из Свердловска шло в действующую армию, комиссар сгорел в танке неподалеку от города Великие Луки.

Овдовев в тридцать лет, Римма Серых осталась с тремя дочерьми на руках. Семья комиссара жила в военном городке.

...Подрастая, Таня, не по годам серьезная и любознательная, все чаще задумывалась над тем, почему ее отец не вернулся с войны? Как это можно погибнуть в такой железной громадине, какой является танк? Она не мирилась с мыслью, что железо способно гореть. Танки, танкисты завладели ее мыслями. И по рассказам матери, и по собственному разумению девочке представлялось: без боя, просто так отец не мог сложить свою голову.

Когда маршал Жуков приехал в Свердловск, чтобы командовать Уральским военным округом, он поселился в особняке, рядом с городком, в котором жила семья комиссара. Таня не на шутку разволновалась: вот бы расспросить Жукова о танкистах. Ей казалось, что маршал Жуков, как самый высокий начальник на войне, побывал во всех самых главных, самых тяжелых боях. Он, конечно же, воевал и за Великие Луки.

Памятная встреча с Маршалом Советского Союза у Тани состоялась весной сорок девятого, когда она заканчивала первый класс.

Был воскресный солнечный день. В нагретом воздухе военного городка густо плыл горьковато-сладкий запах тополей, набухших жирными осклизлыми почками. Таня знала: сегодня в солдатском клубе связистов покажут картину о войне. Раз про войну — значит, интересно. Знала Таня и другое: на «взрослые» киносеансы в воинском клубе детей пускают только с родителями. Но ее мать занята на работе.

Не доходя до клуба, она увидела, как ее одноклассница вошла в помещение вместе с отцом. Таня позавидовала счастью девочки, заторопилась вперед. Ее тут же нагнал капитан, за руки которого держались мальчик и девочка — не иначе, как близнецы-второклассники. Ворохнулась мысль — пристроиться к капитану. Но у него и без того двое.

Раздался двукратный звонок. Таня осмотрелась по сторонам и, не увидев больше ни одного офицера, расплакалась, утирая слезы пальцами. И тут с ней поравнялся Георгий Константинович Жуков в маршальской форме со всеми орденскими колодками на гужурке, с тремя Звездами Героя.

— Тебя кто обидел?

Таня пошмыгала носом, переступила с ноги на ногу:

— Я не могу пройти в кино...

— Почему?

— У меня нету папы. Он погиб. А одну в клуб не пускают.

— Со мной пойдешь? — продолжал маршал.

— Пойду, — перевела дыхание Таня, и чернявое лицо ее враз переменилось, густые брови выгнулись, глаза заискрились.

Георгий Константинович спросил девочку, как ее зовут, взял за руку, усадил вместе с собой.

Таня чувствовала себя на седьмом небе, позабыв все свои недавние обиды.

Осмотрев на Тане хорошо проглаженное школьное платье с фартуком, маршал заговорил:

— И кем же был твой папа?

— Комиссаром. Только я его не видела.

— А как звали папу?

— Юрий Семенович Серых.

Георгий Константинович нахмурил брови, помолчал. Или потому, что фамилия комиссара показалась знакомой, или по какой другой причине. Таня воспользовалась паузой, серьезно спросила:

— Вы на фронте не видели, как воевал мой отец?

— Нет, Таня, не приходилось.

— А мальчишки в школе говорят: вы знали всех командиров и комиссаров...

После кино Таня проводила Георгия Константиновича до его особняка. Он успел ее расспросить о том, в какой квартире она живет, как зовут маму, с какими оценками закончила третью четверть в школе.

— И кем же ты думаешь стать, когда вырастешь большой?

— Так же, как и мама, буду учить детей, — серьезно ответила школьница.

Прощаясь с Таней, Жуков задержал свой взгляд на том, как она обута, пожелал ей школьных успехов. А в канун праздника Победы в квартиру Серых пришел капитан и вручил дочери комиссара подарок райвоенкомата — хромовые ботинки. Ни дочери, ни матери не дано было знать, что райвоенком выполнил распоряжение маршала Г. К. Жукова.

Своему решению, принятому в детстве, Таня не изменила. Она в 1965 году окончила биолого-географический факультет Свердловского пединститута и с тех пор работает учительницей.

Ружье Г. К. Жукова

Петр НЕФЕДЬЕВ

Фото В. Вохмина

Это ружье много лет хранит у себя дома подпольковник в отставке Георгий Леонтьевич Игнатьев. Ружье — неопишущей красоты. Двести первая модель. Штучное, с двумя парами стволов (12-го калибра), расположенных вертикально. Одна пара стволов несколько укорочена, для стрельбы по близким целям, другая — удлинена и предназначена для стрельбы на дальние дистанции. Ложе и цевье из темно-коричневого орехового дерева, украшенное слоновой костью.

Великолепны гравировка и инкрустации. На одной щеке колодки, покрытой серебром и позолотой, изображены пернатые — утки, вальдшнепы, фазаны, на другой — четвероногие: гончаки, зайцы, лисы. Разрисованы также цевье и шейка приклада — инкрустации и гравировка по дереву.

Ружье фирмы Гебрудер Меркель (братьев Меркель). Мастер штучного ружья поставил на нем только свои инициалы — Л. К.

Возьмешь такое ружье в руки, и выпускать не хочется: легкое, прикладистое. Вертикальный пошиб, как говорят охотники, сделан так, что ось направляющего выстрела точно совмещается с направляющим глазом. Боковой отвод явно сделан для человека с широкими плечами и короткой шеей.

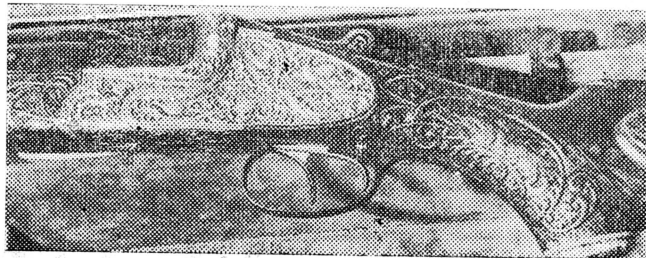
Выходит, что мастер знал, для кого делал ружье, видел маршала, а может быть, и делал замеры. Но то, что ружье изготовлено именно для Г. К. Жукова, не вызывает сомнений.

После окончания войны Г. К. Жуков был и главнокомандующим Группы советских войск в Германии, и главноначальствующим Советской военной администрации.

На серебряной пластине, прикреплявшейся к внутренней стороне крышки ружейного чехла, была такая надпись: «Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову 7 ноября 1945 года от демократических сил Германии».

К сожалению, пластинка не сохранилась. Уезжая из Свердловска в Москву, Георгий Константинович, очевидно, снял ее.

...Георгий Константинович решил на день рождения своей дочери подарить охотничье ружье. Было



это в 1951 году в Свердловске. Маршал, сам заядлый охотник, хотел и дочь приучить к охоте.

Итак, нужно было ружье. В ружейной коллекции Жукова ничего подходящего не нашлось. Тогда он обратился за помощью в окружной совет охотников. Помог Николай Алексеевич Бурденко — знаменитый в то время стендовый стрелок.

Он принес на показ маршалу редкий экземпляр — ружье фирмы Голланд-Голланд, 28-го калибра, с гравировкой и инкрустациями на ружейной колодке. Красивое, прикладистое и легкое. Настоящее дамское охотничье ружье.

Маршалу оно понравилось.

— Ну, сколько просите? — спросил маршал.

— Нисколько, товарищ командующий. Не продаю. Могу отдать так.

— Как это так?

— А вот так. Берите и дарите.

Жуков походил, подумал и говорит:

— Ну вот что, товарищ Бурденко. Вы у нас прославленный мастер стендовой стрельбы. Берите вот это и бейте тарелки, чтоб небу жарко было. И молодые офицеры учите своему мастерству.

Увидел Бурденко ружье Жукова и замер в изумлении — до того было красиво. Только и смог выдать:

— Слушаюсь, товарищ маршал! Постараюсь!

Так ружье Жукова перешло к Бурденко.

Тот, конечно, сразу на стенд, чтобы испробовать дар маршала в деле. Пострелял. И разочаровался. Не получалось у него меткого, точного выстрела. Многие тарелочки улетали вдаль, небитые. Бурденко презирал такую стрельбу, он привык бить так, что летящие тарелки разлетались в пыль.

Однажды он предложил пострелять из подаренного ружья Игнатьеву. И тот поразил все поданные мишени. После такого успеха офицера Игнатьева включили в сборную команду округа. В Ленинграде на стрелково-стендовых соревнованиях он недобрал всего лишь одну тарелку до нормы мастера спорта. После этих соревнований Бурденко и предложил ружье Игнатьеву:

— Раз оно пришлось к твоему плечу — бери и стреляй на доброе здоровье.

И ружье маршала Жукова перешло в третьи руки — к Георгию Леонтьевичу Игнатьеву. На стенде он стрелял из него много раз, но на охоту никогда не брал. Жаль было такую красоту таскать по болотам.

Такому ружью место в музее, что и собирается сделать теперешний его владелец.



Александр
ВИКТОРОВ

Рома- ястребок

Роману Алексеевичу Перову сейчас далеко за девяносто. Живет он, как и прежде, в Ленинграде, не сидит дома сложа руки. Часто выступает перед трудящимися, ездит по стране. Не так давно разыскал в Подмоскovie дом своего деда В. Г. Перова. В скором времени здесь откроется дом-музей известного русского художника-передвижника.

...1906 год. Выборы депутатов в Государственную думу. Кадеты проводят митинг в Народном доме графини Паниной. Панина пригласила на митинг меньшевиков, эсеров, представителей трудовой партии. Собралось много рабочих-железнодорожников. Большевики на митинг пришли без приглашения. Пришел сюда, хотя находился на конспиративном режиме, В. И. Ленин. Он решил здесь выступить.

Владимира Ильича загримировали на даче у Бонч-Бруевича. Но сначала встретились с такой трудностью. После революции 1905 года в парикмахерских и в магазинах было запрещено продавать парики и грим: революция пятого года напугала царское самодержавие. Парик и грим помогла достать мать Романа Перова, актриса Александринского театра. Раздобыли для Ленина и сапоги, и костюм простой, и картуз с блестящим козырьком...

В то время Роман Перов был на связи у В. И. Ленина: выполнял разные поручения, передавал письменные распоряжения через Надежду Константиновну. Владимир Ильич тогда дал ему кличку Рома-ястребок.

До митинга Рома-ястребок со своим отцом перерезали телефонные провода, которые вели к дому графини Паниной. Большевиками были наняты два рысака, стоявшие в переулке, чтобы увести Владимира Ильича после митинга.

Кончились речи меньшевиков и эсеров. Ленин послал в президиум митинга записку.

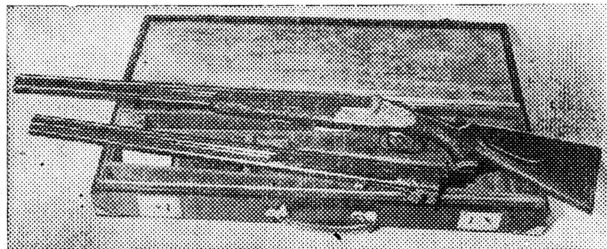
— Рабочий Карпов просит слово! — объявили в президиуме.

Графиня хотела было возразить, ибо заподозрила неладное. А рабочие уже кричали настойчиво:

— Дать слово Карпову!

И вот Владимир Ильич вышел на авансцену...

После выступления, как известно, зачитывалось две резолюции. Первая — меньшевистская. Большинством голосов ее отвергли. Приняли резолюцию большевистскую. Зал приветствовал эту резолюцию громом аплодисментов.



ОБУВЬ

с «Тремя каблучками»

Юрий ШИНКАРЕНКО

СКАЗЫВАЕТСЯ ЛИ ФАКТОР МОЛОДОСТИ НА РАБОТЕ КОНВЕЙЕРА!

ИСТОРИЯ ЭТА С НЕБОЛЬШИМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ СЛЫХАНА НЕСКОЛЬКО РАЗ. ОТПРАВИЛАСЬ ЯКОБЫ ОДНА ДАМА В ТУРИСТИЧЕСКУЮ ПОЕЗДКУ ЗА РУБЕЖ. СОБИРАЯСЬ В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ, ЗАГЛЯНУЛА В СУПЕРМАРКЕТ ЛИ, В ОБУВНУЮ ЛАВЧОНКУ — ЭТИ ДЕТАЛИ РАЗНИЛИСЬ. НО СУТЬЮ ВСЕ РАССКАЗЧИКИ СХОДИЛИСЬ: КУПИЛА НАША ТУРИСТКА САПОЖКИ. МОДНЕЙШИЕ. НА ПОЛИУРЕТАНОВОЙ ПОДОШВЕ. СОЮЗКИ — ИЗ КОРИЧНЕВОГО ВЕЛЮРА, БЕРЧИК — БЕЖЕВЫЙ, С ПРОДОЛЬНЫМИ ПОЛОСКАМИ. ВНУТРИ — ГИГИЕНИЧЕСКАЯ ПРОКЛАДКА. ПРИВЕЗЛА ВАЛЮТОЙ ОПЛАЧЕННУЮ ПОКУПКУ ДОМОЙ, И ТОЛЬКО ТУТ РАЗГЛЯДЕЛА НА ПОДОШВЕ КЛЕЙМО: «ТРИ КАБЛУЧКА». ФИРМЕННЫЙ ЗНАК ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «УРАЛОБУВЬ»...

— Легенда! — оборвал меня секретарь партийного комитета «Уралобуви» В. Г. Яковлев, едва услышал, как «одна свердловчанка в Париже...» — На экспорт наша обувь не идет. В Архангельске на наше клеймо можно наткнуться, во Владивостоке...

Он показывает длинный список оптовых баз, которым поставляется свердловская продукция. География внушительная: Урал, Дальний Восток, Центральная полоса России, Сибирь.

Я наугад попадаю пальцем в список, где-то между Орлом и Пятигорском:

— Отчего же здесь Париж не значится, Владимир Георгиевич?

— Оттого, что за валом гнались... Плелись в конце научно-технического прогресса. Беззаботно относились к психологии кадров... Вы знакомы с работой обувщиков? С технологическим процессом?

— Немного знаком.

Детство гораздо и хитро на праздники... Но не каждому из них суждено пробиться во взрослую жизнь, не погибнуть под гнетом других впечатлений. Но тот праздник запомнился.

Начинался он в преддверье. Из передней комнаты мои родители выносили нехитрую мебель. Потом в пустой, гулкой комнате стучал молоток: отец сколачивал из толстых досок полок. Мама же старалась уместить на печке как можно больше чугунков и ведер, чтобы завтра лишь чиркнуть спичкой — и горячий воды хоть залейся. Уже без меня («школа!

режим! пора спать!») извлекались из дальних чуланов груды деревянных колодок, мешки с шерстью, на стену привешивались «балалайка», малоизящный, но добротный инструмент для взбивания шерсти — натянута на луку струна из бараньих кишок. В комнату проводили несколько переносок, чтобы светлее было.

Там работал дед. Он грузно стоял у «балалайки», неторопливо выбирал из мешка свалывшуюся шерсть. Брякала струна — трень, трень, трень! — и шерсть превращалась в легкий пух. Потом дед становился за полком. Говоря языком технологии, начинал новую операцию: застилал, тщательно выкладывал из шерсти огромный, плоский еще валенок. То и дело он набирал в рот воды и прыскал на заготовку.

Шли дни. Кипа этих заготовок, несуразно больших, похожих больше на чулки, чем на валенки, росла в углу — нам, соседям, дальним и ближним родичам. Конвейер! Но не дед подчинялся этому конвейеру, а конвейер — ему. Он стоял, прислонившись к краю полка, на одной ноге — вторую оставил на фронте. И делал свое дело, которое знал от начала до конца. А начало, может быть, было еще дальше — в умении выходить овцу, сделать на ягнящем ухе свою «родовую» метку, чтобы не спутались овцы в общем деревенском стаде, постричь овец, в той житейской мудрости, которая позволяла на глазок определить, какого барана можно забить, а какого оставить, ибо дарует он своему потомству густую, волнистую, однотонную шерсть; и овцам помогая разъягниться, прикинуть с хозяйской деловитостью, шерсть какого ягненка пойдет на пряжу (это уже бабушкины владения), а какого — сюда, на полком для валения.

Но это сейчас понимаю я дедушкину сведущность. Вернее, подгоняю свои воспоминания под заданную тему конвейера. И прости меня за это, детский праздник... Хотя, впрочем, никакая заданность не сможет лишить полноты то детское ощущение, тот восторг перед всемогуществом человека.

Наступало новое утро. В избе пронзительно пахло мокрой шерстью, клубился пар. Заготовки опускались в кипящую воду, и дедовы руки прохаживались по ним рубельком — дубовым бруском с рубленой поверхностью. Заготовка уменьшалась в размерах, все больше походила на валенок. Здесь умел присоединиться и отец.

Собственно, катание валенок было проще, чем их застилка. Потом валенок насаживался на колодку,

сох. Сох, снимался — расчлняя ту давнюю дедову работу на составные... Сейчас, за пишущей машинкой, я почти физически ощущаю, как уходит из описания то, ради чего я и потревожил память: дедушкин задор в работе, вдохновение. Потому что в этом нестремительном движении от клочков шерсти над струной, к тому моменту, когда валенки смолились над жарким огнем, все делалось не только руками, но и душой еще. В технологический процесс органично включался его долгий взгляд, в окно, на дороге с замерзшими лужами, которая разводила нас из дома в школу, на ферму, в кузницу, в медпункт, и вела дальше — в бескрайние просторы, стынущие, жутковато неприветливые. Может, в прошлое обращен был этот взгляд. В тридцать седьмой роковой год, когда моего прадеда навсегда увезли из деревни. Несколько отроков он обучал катанию валенок, не сообразуясь с классовой обстановкой, а вернее, с тем, что учеников легко причислить к батракам, а учителя-мастера, едва сводившего концы с концами, записать в кулачье отродье... А может, в сорок пятый обращены были дедушкины глаза, когда раньше однополчан навел он блеск на сапоги — один только надо было чистить, и выбирал — плакать ли, смеяться...

Как определить все эти «технологические составные» — ведь они тоже делали зимнюю обувку мягкой, теплой, любовной? Можно ли определить? Ведь виделось лишь внешнее...

На последнем этапе подключали и меня. После того как в бане, в жаркой топке, валенки обсмолят (иначе они походили на котят, вздыбивших шерсть), мне приказывали пробежаться в обновке по свежим, только что нарощим сугробам. Это была вершина праздника! В легких удобных валенках несешься по снежной целине, оставляя за собой цепочку серых следов, легкий запах паленого и чувствуешь свою защищенность от метельной стихии, от любых напастей!

Написать бы однажды «Историю производственных отношений — в детских воспоминаниях». Прием, конечно, чисто формальный, но какой страстной получилась бы книга. В отличие от сухих учебников и монографий она бы требовала не забывать прошлого опыта. Умоляла помнить ошибки былых времен. И обязать бы каждого, кто вершит судьбу производства, прочесть эту книгу. Ибо зримо, со всей пылкостью детства, представится там: за каждой производственной схемой — судьба отдельного человека, и счастье его, и трагедия.

Никакой ретроспективный экономический анализ не сможет вызвать того чувства, какое вызвала одна бесхитростная байка.

— Однажды, — рассказывал пожилой человек, — меня спросили: «Малыш, кем работают твои родители?» — «Батя на фронте погиб, — отвечаю. — А мама... Мама работает... винтиком».

Самые юные из нашей компании из вежливости засмеялись — ничего не поняли. Те, кто постарше, хотели искренне, отнеся историю к разряду анекдотов. Лишь ровесники рассказчика, в деталях помня-

щие время, когда царила концепция «винтика», не улыбнулись. Рассказ отозвался в них болью. Надо ли объяснять, почему?

Уходят концепции, но остается инерция прежнего опыта. Об этом думал я, вглядываясь в современное обувное производство. Праздник оно напоминало мало. Разве только в складских помещениях, где разноцветье кожи, как новогодняя мишура... Или в конце конвейера. Там виден результат труда, обувь пакуется для отправки в магазин. Там захлестнет тебя, если открыть коробку и втянуть в себя запах клея и горячей кожи, радость от обновы.

Но в цехе раскроя, где работает бригада Наташи Горбунцовой, заметно, насколько все же механистичен труд обувщика, насколько выхолостила душу из производства его расчлененность.

Работа у Наташи, если со стороны смотреть, несложная. На кусок кожи она ставит резак, как можно плотнее к краю. Нажимает кнопку — пресс опускается на металлическую формочку. Остается вынуть деталь, которая потом попадет в другие руки, в третьи, постепенно превращаясь в «детский сандалет клевогого метода крепления».

На всей технологической линии я выбрал одну операцию — Наташину, пытаюсь по ней понять, как нынче складываются отношения между рабочим и фабрикой. Потому что банальна истина: качество работы — сумма самых разных тонкостей этих отношений.

Конвейер конвейеру рознь. Один подавляет, превращает операторов в своих покорных слуг. Другой возвышает их, подталкивает: давай учиться, расти, работать творчески! Один равнодушно гонит халтуру. Другой так организован, что начинаешь подозревать: «душа» — термин экономический.

Чтобы обувной конвейер работал с душой, нужно, как это ни парадоксально, людей заменить бездушными автоматами. Тогда не дрогнет стезок на голенище сапога, равномернее покроется клеем подошва. Ни настроение, ни случайности не повлияют на качество работы.

Можно пойти другим путем. Вернуться к кустарному производству, как некоторые западные фирмы.

Руководители «Уралобуви» шлют энергичные «SOS» в свое министерство: нужно новое современное оборудование! Предлагают — давайте расширим цех по индивидуальному пошиву обуви. И пока министерство решает, куда выгоднее вложить средства, работники фабрики пытаются самостоятельно довести до совершенства существующие технологические линии, на которых взаимодействуют две системы: «человек» и «полуавтомат». С полуавтоматами ясно: они свой расцвет уже пережили, они дорабатывают «до пенсии». А вот люди... Лишь они могут принести то, чего не достает жестко отрегулированному конвейеру.

На столе у заместителя начальника цеха Светланы Егоровны Глинских стопка деталей края. Маленький музей брака!

— Посмотрите, на поверхности кожи просматривается пятно. — Светлана Егоровна протягивает кусо-

чек шевро.— Когда-то за животным плохо ухаживали, его тело покрылось коросточками. Они отпали при обработке и возник дефект — «роговина». Здесь раскройщик не заметил стяжки... Здесь границы резака захватили несколько вмятин... Эти детали возвращены, потому что материал оказался отдушистым, пухлым — очень плохая обувь получилась бы. Вот про «авторов» таких деталей можно сказать, что они работают механистически. А про остальных...

В училище девчат из бригады обучали разным хитроумным способам раскрой. Разъясняли, как лучше расположить резаки, чтобы сберечь сырье. Но реальность заставила отказаться от всех этих «идиллических» принципов параллелограмма, круга... Как составить из резаков оптимальную фигуру, коль кожа испещрена дефектами? Выдумать свои принципы, которые позволили бы работать быстро (это отражается на заработной плате), экономно (это тоже отражается!!), без возврата деталей из смежного цеха (учет таких возвратов ведется мастером и тоже отражается!!!).

Открываю записную книжку на той странице, где показатели работы Наташи Горбунцовой: 1986 год — задание года выполнено на 140 процентов, сэкономлено более 54 тысяч квадратных дециметров кожматериалов — из этих запасов можно пошить 4500 пар дошкольных сандалет, то есть обувь около 40 детских садиков.

— Такие цифры конвейер может выжать, — соглашается Светлана Егоровна. — Но он никогда не заставит взяться за организацию комсомольско-молодежной бригады. За шефство над своими юнками коллегами. А у Наташи — двое подшефных... Он не спровоцирует мучительных вопросов: какой быть бригаде? Человеческий фактор — штука разнонаправленная. Он подразумевает и самочувствие рабочего. Мы не должны допустить, чтобы будущий ребенок Наташи ли, Светы Шаниковой, Наташи Лявуковой, других девчат когда-нибудь признался: «Моя мама — всего лишь винтик». Пусть лучше прозвучат в детских рассказах иные слова, иные примеры. Их, этих примеров, десятки.

На нашем предприятии с пятидесятых годов существует лаборатория промышленного моделирования. Опытные модели — загляденье! На уровне задумок мы выдерживаем конкуренцию с самыми модными фирмами. Но вот когда модель приходит на конвейер, вдруг оказывается, что нет того или иного сырья... Однажды раскройщица Ольга Водянова отказалась работать: пошел материал другого цвета. Вроде немного отличается от заложенного в модели, но сапожок такое отличие огрубило бы, сделало бы безвкусным. Раскрой она материал — ЧП бы не произошло, все шло в рамках допустимых отклонений. Но качество-то снизилось бы!.. Ольга кроить не стала.

Или другой пример. Закупили мы в Курске большую партию нового сырья. Искусственная кожа «Вечер». Стали выпускать женские сапожки, нарасхват их брали... И вдруг оказалось, что большая партия курского сырья с браком: «пятнистость». Что делать? Возвращать сырье обратно? Закупать новое? На это

время уйдет, а ложка дорога к обеду, сапожки — к осени... Ждать другого сезона — отстать от моды. Посоветовались с рабочими, пришли к остроумному решению: из пятнистой кожи кроить полностью комплект для пары. Одно дело — когда лишь деталь сапога в пятнышках, другое — когда пара полностью ими покрыта. Да еще отделку сменили — заиграл сапожок! Но ведь это на словах легко... А попробуй за прессом повертеть кожу: здесь — пятнистость, здесь — норма, это — в один комплект, а это — в другой... Предлагая свое решение, рабочие знали, что оно скажется на производительности труда, знали, что и экономить сырье будет гораздо труднее. А что за этим следует? Да рубль короче... Но пошли и на это. Совесть человека вступила в противоречие с конвейером, и производство выиграло от этого...

Понятие «человеческий фактор» в применении к Наташе и ее бригаде подразумевает: возраст молодости, дерзости должен напрямую повлиять на производство. Молодым свойственно свержение авторитетов. В том числе тех, чей социальный опыт пришел в противоречие с реальностью. Недостаток собственного опыта они легко компенсируют нешаблонностью подхода к жизни, бурной фантазией, поиском. Молодые, в конце концов, эмоционально приподнятые... А станку безразлично, о чем думает стоящий за ним: о предпенсионном уединении или об имени для будущего сына... Отстраненно мечтает выпить кружку пива или исступленно прокручивает в голове цветаевское:

Нежно-нежно, тонко-тонко
Что-то свистнуло в сосне.
Черноглазого ребенка
я увидела во сне...

На это надеялись в цехе, создавая комсомольско-молодежную бригаду. Ожидали здоровой оппозиции всему устаревающему. Готовы были подсказать, что самое быстрое, что может бригада (хоть на второй день существования) — создать атмосферу вдохновенности. Состав этой атмосферы даже предсказать не брались — можно ли это сделать лучше молодых? Дружба ли сюда войдет? Как подстраховочный элемент. Чтобы старание одного молодого участника конвейера подхватил другой. Или теплым словом сгладил у коллеги плохое настроение, которое готово спровоцировать брак... Встречи ли с покупателями создадут эту атмосферу? Диспуты ли? Навязывать конкретных предложений не стали, надеясь на фантазию девчат. Сбылись ли надежды?

— Наташа, приходилось ли твоей бригаде конфликтовать с администрацией?

— Однажды диспетчер направила нам сырье в точках. Мы возмутились. Детскую обувь же делаем! Нам сказали, что при растяжке эти точки исчезнут. Ходили, смотрели — действительно, исчезли... Докой надо быть, чтобы слово свое сказать на фабрике. Учинили конфликт ради конфликта и поняли: кроме задора нужен опыт.

— А есть сейчас дела, которые никому, кроме комсомольцев, не осилить? В тридцатые годы, мне говорили, ребята с «Уралобуви» ходили в пеший по-

ход по маршруту Свердловск — Вятка, чтобы испытать качество парусиновой обуви, которая тогда мастерила...

— Нет, необычных дел у нас нет. Все, как в других бригадах. Создали треугольник качества — каждый день с нас стружку снимает... Участвуем в спорах, когда модельеры новую обувь показывают. А остальное обычное — работа.

Почему мы ждали другого ответа? Почему с особой надеждой смотрели и смотрим на молодых? Не потому ли, что апрельские перемены прежде всего должны были коснуться душ неогрубевших, способных еще впитывать новое? И если этот процесс иногда давал сбои, то лишь потому, что молодые уже имели опыт, достаточно консервативный. За их плечами была школа. Это она планомерно отучила их от самостоятельности. Хотя бы теми же грандиозными в своей показушности «Днями самоуправления», которые лишь подчеркивали, что все остальные дни, за рамками праздника, — дни педагогической авторитарности. Это она скомпрометировала нравственное отношение к труду, ибо уроки труда чаще всего на этом нравственном отношении и держались, а законы материальной заинтересованности игнорировались («Какая безнравственность — платить школьникам!»). Да и кто взялся бы платить за выточенные безо всякой связи друг с другом шестерни и цилиндры, за работу, которая словно готовила к бездумности технологических операций, к незаинтересованности конечным результатом труда.

За их плечами были первые комсомольские собрания. Президиум — подготовленные речи — заранее написанные решения. Приобретались навыки формализма, словесной трескотни, «галочных» дел.

Нужно ли удивляться, что не произошло резонанса?

— Какие личные качества нужны в вашем деле? — последний вопрос Наташе.

— Н-ну, тоже обычные, наверное... Усидчивость, глазомер, чувство вкуса. Терпение...

Терпение родственно терпимости. Но лишь языково. Явления, обозначенные этими словами, — непримиримы. Пусть члены комсомольской бригады учатся терпению в работе, в шефстве над новичками. Но пресловутую «покладистость» неплохо бы исключить. Терпимость к своему былому опыту, терпимость ко всем тем мелочам, в результате которых покупатель сапоги стаптывает в поисках импортной обуви на прилавках, а свою, у которой так легко отлетают подошвы, зачастую пренебрежительно зовет «ураллаптем»... Хотя совсем неверен этот пессимизм — лапти, уральские ли, вятские, ладностью славились, как и все то, к чему приложил руку мастеровой люд и душой согрел...

В той же небольшой деревушке моей был еще один умелец. Дед Павел. Летом он возил по полевым станам воду. Его деревянная бочка на колесах была неизменным атрибутом степного пейзажа. А в зазимок совхозный водовоз шел по избам: «Кому валенки подшить?» Брал за работу дороже, чем другие подшивальщики. Но без заказов не сидел. Знали

люди: не только крепко ляжет заплатка на прохудившееся или прожженное голенище, на подошву, но появится в старой обуви новизна...

Песня ли, обувь ли, мебель, книга, станок — это только кажется, что не разглядеть в них душу творца. И даже не по той примете — кустарь делал или конвейер, потому что и на современном производстве любую вещь можно очеловечить, вложив в нее душу.

Как? Пусть бригада думает.

И еще. Упустил я одну деталь в рассказе про деду. Начиная работать, он останавливал часы: брал чугунные гирьки и поднимал их на деревянную коробку «кукушки». Маятник останавливался, словно подчеркивал, что вдохновенность в работе, совесть — понятия вековые.

РАБОЧАЯ ХРОНИКА «УРАЛОБУВИ»

28 МАРТА 1937 ГОДА ПОШИТА ПЕРВАЯ ПАРА ОБУВИ, БРЕЗЕНТОВАЯ, НА РЕЗИНОВОМ ХОДУ.

НАЧАЛО 50-Х: НА ФАБРИКЕ ПОЯВИЛАСЬ НОВАЯ ПРОФЕССИЯ — МОДЕЛЬЕР. НАЧАТО ПРОМЫШЛЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ УРАЛЬСКОЙ ОБУВИ.

1959—1965 ГГ.: ПРОИЗВОДСТВО УРАЛЬСКОЙ ОБУВИ РАСШИРЯЕТСЯ. СОЗДАНЫ НИЖНЕ-ИРГИНСКИЙ, КАМЕНСК-УРАЛЬСКИЙ И НИЖНЕ-ТАГИЛЬСКИЙ ФИЛИАЛЫ.

ФЕВРАЛЬ 1971 ГОДА: ТРУД ОБУВЩИКОВ ОЦЕНЕН ВЫСОКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДОЙ — ОРДЕНОМ ЛЕНИНА.

В ЭТОМ ЖЕ ГОДУ, В ОКТЯБРЕ, КОМСОМОЛЬЦЫ ПРОВЕЛИ СУББОТНИК В ФОНД БОРЮЩЕГОСЯ ВЬЕТНАМА.

9 ИЮНЯ 1977 ГОДА: КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫЙ СУББОТНИК В ЧЕСТЬ ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ. ПОШИТО ОКОЛО 20 ТЫСЯЧ ПАР ОБУВИ. ЗАРПЛАТА ПЕРЕВЕДЕНА В ФОНД ФЕСТИВАЛЯ.

В ОДИННАДЦАТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ СОЗДАЮТСЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ БРИГАДЫ. В НАЧАЛЕ ПЯТИЛЕТКИ ЭТОЙ ФОРМОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ОПЛАТЫ ТРУДА ОХВАЧЕН 131 РАБОЧИЙ. В КОНЦЕ — 3642 ЧЕЛОВЕКА.

В СМОТРЕ-КОНКУРСЕ К 60-ЛЕТИЮ КОМСОМОЛА КОМСОМОЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФАБРИКИ ПРИЗНАНА ЛУЧШЕЙ В КИРОВСКОМ РАЙОНЕ ГОРОДА СВЕРДЛОВСКА.

1987 ГОД... ОБ ИТОГАХ ГОВОРИТЬ РАНО. МОЖНО ЛИ НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО БРИГАДА НАТАШИ ГОРБУНЦОВОЙ ОСТАВИТ СВОЮ СТРОКУ В ЛЕТОПИСИ «УРАЛОБУВИ», В ЛЕТОПИСИ ПЕРЕСТРОЙКИ?



Игорь АЛЕБАСТРОВ
Рисунки Сергея Копылова

ВЕЛИКИЙ РАТОБОРЕЦ

Страницы жизни Мстислава Удалого

«...У Руси южной оставался Мстислав, которого доблести начали с этих пор обнаруживаться самым блистательным образом: ни в русской, ни в соседних странах не было князя храбрее его, куда ни явится, всюду принесет собою победу».

С. М. СОЛОВЬЕВ

Зол и мстителен был полоцкий князь Протей. Низкорослый, широкоплечий, кривоногий, скуластый, узкоглазый, он очень походил на монгольских пришельцев, коих так не любили на Руси. Да и волосы у него были редкие — вместо усов и бороды какие-то перья.

Поговаривали, что особенно свирепым стал Протей после того, как ему отказала в руке красавица Яринка, приходившаяся Протею троюродной сестрой. Предпочла она Протею пинского князя Рогволода — веселого и беззаботного чернобрового красавца. Родила она Рогволоду двух сыновей — Всеслава и Андрея, таких же белозубых, чернявых, шумных и веселых, как отец. А сама Яринка после того вроде бы еще красивее стала.

И радовались, глядя на них, люди. И зеленел от злобы и зависти угрюмый Протей, кидая исподтишка недобрые взгляды на князя Рогволода, а тот иной раз и при Протее обнимал свою красивую женку. Не раз предостерегали Рогволода об опасности, о злых угрозах Протeya, но Рогволод только смеялся: — Где уж кривоногому Протею одолеть трех таких славных воев! — И подбрасывал высоко вверх сына Всеслава, а у ног уже тербил отца, взвизгивая от счастливого нетерпения, дожидаясь своей очереди, младший сын Андрейка.

Но однажды не возвратился с охоты Рогволод. К ночи нашли в лесу зверски искромсанный на части труп князя. И зашлась в крике и окаменела от горя враз постаревшая Яринка. И спрятался под кровать от страха княжич Андрейка, ставший с той ночи сильно заикаться. И поклялся на игрушечном своем кинжале отомстить убийцам княжича Всеслава.

А тут и Протей объявился в княжеском замке на правах родственника да так там и остался.

Велено было говорить, что Рогволода задрал на охоте дикий вепрь. Но люди шепотом говорили друг другу, что без Протeya в этом кровавом деле не обошлось.

Совсем иные времена настали в городе. Раньше, бывало, Рогволод и Яринка всем были довольны, за каждую услугу, за каждое приношение благодарили — и охотно, и легко служили им люди. А вот Про-

тею угодить было трудно. Старому слуге Доброславу выбил глаз плетью сам Протей, дворецкого Сурожича насмерть забили камнями дружинники Протeya. Кузнецу Антуфию клейма каленые выжгли на лице... Каждый день на княжеском дворе кого-нибудь пытали люто или били смертным боем.

Княгиня Яринка ходила, как тень, никого не касаясь, ничего не видя, ничего не слыша, всех пугаясь, ни во что не вмешиваясь, и все что-то шептала... «Не в себе», — со страхом говорили, глядя на нее, люди. Злая пора настала и для мальчиков — Всеслава и Андрея. Не взлюбил их злобный Протей — уж очень напоминали они Рогволода. Ходили княжичи теперь в каких-то обносках и даже кормили их из чашки дворового пса Полкана — это была очередная злая шутка Протeya, а сам Полкан давно уже был переублен надвое саблей Протeya.

Народ глухо волновался. Тяжко стало жить под властью Протeya — налоги утроились, а более всего донимали всех бесчинства дружинников Протeya. А что было делать? Уж слишком сильна была дружина у проклятого Протeya. И свершилось еще одно черное дело. Видели слуги, как, крадучись, словно черная пантера, шел поздно вечером в светлицу княгини Протeya. Слышали отчаянный женский вопль, а потом стихло все, но утром нашли в сених позесившуюся добрую княгиню.

Схоронили ее тихо, незаметно, будто и не княгиню. Горько плакали княжичи, а когда исчез гроб, засыпанный землей, ударил Протeya в грудь кинжалом юный Всеслав, да слаба оказалась детская рука — не пробил нож обшитую железными плахами рубашку. Задушил бы мальчишку разъяренный Протей, если б не монахи, вырвавшие хрипевшего княжича из рук Протeya. Выходили мальчишку. Но через день на заднем дворе дали Всеславу слуги Протeya пятнадцать плетей — по числу его лет, и ни звука не проронил юный Всеслав, только руку свою зубами прокусил, чтоб не вопить от боли на радость ворогу. Отчаянно плакал несчастный семилетний Андрейка, глядя на мучения брата.

С того дня княжичей почти не кормили. Многие люди плакали, жалея несчастных мальчиков, понимая, что близок их конец. Поговаривали о восстании и в кузнечном ряду, и в гончарном, и даже в калашном ряду, но очень уж боялись люди кровавого Протeya, да и оружия не было...

И вдруг... Довелось и княжичам увидеть, как побледнел от страха Протей, как забегали в испуге его зеленые раскосые глаза.

А было так. Прискакал гонец из сторожи и объявил:

— Берегись, княже! Идет на тебя войной торопецкий князь Мстислав Удалой, уж за рекой его дружина, а ведет их беглый одноглазый Доброслав...

И засмеялся радостно княжич Всеслав. И вздрогнули все люди на княжеском дворе, услышав этот дерзкий одинокий смех. С пеной у рта от бешенства завизжал осатаневший Протей:

— В железа его, в железа! Заковать так, чтоб пошевелиться не мог! В поруб! Обоих!

Заметался Протей, когда оказалось, что ничего не готово к обороне. Горожане говорили уже открыто:

— Услышал бог наши молитвы! И на черта есть гром!..

— Да разве выдюжить Протею супротив Мстислава Удалого — великого ратоборца! Вороне скомом не бывать!..

— Пора, братцы, и нам братья за дреколье и спасать наших княжичей!..

Едва послышался звучный глас труб подходившей дружины Мстислава Удалого, город восстал. Оказался в осаде в княжеском замке Протей. И отворили ворота горожане и любовались Мстиславом — настоящим русским витязем, словно сошедшим с иконописных изображений великого Алимпия.

А дружина-то у Мстислава оказалась невелика: всего чуть более сотни человек против тысячи Протей. Но... льва узнают по когтям! Уже одно имя Мстислава Удалого сделало даже зайцев львами. И каждый горожанин спешил встать под боевое знамя князя Мстислава — «Храбрейшего из храбрых на Руси».

Сразу же вызвал Мстислав мерзкого Протей на поединок. Только сражаться-то оказалось не с кем: бежал Протей, переодевшись бабой-торговкой, из города, воспользовавшись всеобщей радостной суматохой и бросив дружину свою на произвол судьбы.

С восторгом взирали юные княжичи на своего освободителя, да и было чем любоваться: и статью, и лицом походил Мстислав на русских былинных богатырей. «А ликом был светел, а для врагов ужасен», — записал о нем летописец.

Похвалил при всех князь Мстислав отважного юного Всеслава, зардевшегося, как красная девица, от великого смущения и радости. Поручил Мстислав юному княжичу догнать подлого Протей. Прибежавшие в город крестьяне указали путь беглеца. И настиг Протей юный Всеслав, и тот в отчаянии и страхе великом свернул в болота и там попал в трясины, и никто не бросился на помощь убийце и насильнику, и был напрасен его отчаянный вопль.

А в Пинске временно стал княжить Мстислав Удалой. Юные княжичи не отходили от него, смотрели на князя влюбленно. Показывал им князь на досуге хитрые приемы воинской науки.

Вечерами рассказывал Мстислав о подвигах на турнирах храброго рыцаря графа Хруоланда из далекой Бретани, о деяниях Александра Македонского, о походах и победах Святослава и Владимира Мономаха. Иной раз осуждал Мстислав покойного Роговолода за беспечность и мягкость...

Мстислав нравом был крут и управлял городом весьма жестко, так что горожане только поживались и даже вздохнули с облегчением, когда Мстислав Удалой собрался в дорогу. Да и что было ему делать в Пинске? Суждена ему была скитальческая стезя, уже другие обиженные и угнетенные звали его на помощь...

Когда знакомишься с хроникой жизни Мстислава Удалого, поражаешься: не было в его жизни ни одного спокойного года. А в промежутках между боями и походами непременно вязывался он в какую-нибудь авантюру вроде участия в рыцарских турнирах.

Прозвище Удалой Мстислав получил еще в юности...

К вечеру суровый и гневный торопецкий князь Мстислав Храбрый удалялся в свою опочивальню и принимался за книги. И горе было тому, кто посмел бы в эти часы потревожить князя — великого любителя книг. Знал Мстислав Ростиславич восемь языков, а за книги ничего не жалел — даже свой позолоченный пернач отдал за описание деяний Александра Македонского.

Вот и в этот раз принялся князь за любопытную латинскую книжку о войне римского Цезаря с германцами. Разноцветно поблескивало слюдяное оконце, мерцала лампада перед серебряным киотом — тишина... Уже Цезарь попал в хитрую засаду, и с нетерпением желал узнать князь, как он выберется из этого трудного положения, как отчаянный женский вопль проник даже сквозь толстую дубовую дверь.

— Убили! Ой, лишечко, убили!

Князь вздрогнул. Он узнал голос жены. И вдруг остро кольнуло в груди. Князь почувствовал, что у него отнялись ноги. Лихорадочно соображал: «Мстислав?! Погиб?! А то кто же?!» Только позавчера он с помощью стремянного Добрыни с трудом вытащил из колодца своего первенца Мстислава: негодный мальчишка решил испытать — хватит ли у него храбрости опуститься в бадью на дно глубокого колодца, а веревка оборвалась... Ох, уж этот старший Мстислав — самый беспокойный, своенравный, непослушный, но... и самый любимый! Грозный князь ни разу не сказал первенцу ласкового слова, а ведь руку без колебаний дал бы отсечь — лишь бы это избавило сына от страшной беды.

У старшего княжича вечно был такой вид, словно он с кем-то не додрался. А уж если он ходил тихим, задумчивым, то весь княжий дом был в трепете: княжич что-то задумал. Заранее начинала плакать слезливая мать, а суровый отец иногда брал лозу и нещадно драл сына, выбивая дурь загода, но ничто не могло укротить необузданный нрав княжича.

Мстислав лихо ездил на необезженных полудиких конях, вышибал тупым копыем из седла любого взрослого и брал на коне, уходя в игре от «погони», такие изгороди, что бывалые воины восхищенно восклицали:

— Ну, удалой!

Однако замечено было, что Мстислав никогда не

обижал слабых. Его младшие братишки и сестренки помыкали им, как хотели, тогда как старшие избегали стычек с княжичем Мстиславом — тот мог и ножом пырнуть в запальчивости, по крайней мере, так казалось. Без синяков Мстислав не бывал, и ноги ломал, и руки ломал, и вот опять...

— Убили! Ой, да что ж это, люди добрые?! Убили!..

Тут дверь в опочивальню князя отворилась и вошел Добрыня, ведя за руку княжича.

— Прости, княже! Княгиня велела...

А тут и она сама вошла, причитая и подталкивая в спину упировавшегося сына.

— Никшни! — приказал ей князь гневно, и сразу замолкла княгиня, молчали и домашние...

Мстислав Ростиславич глянул на потупившегося сына и оторопел: все лицо у княжича было в кровавых подтеках и вспухло, один глаз еще сверкал среди фиолетовых разводей, а второй вообще закрылся, из рассеченной губы капала кровь...

«Хорош!» — подумал старый князь, а все же жаркая волна радости затопила все его существо: «Жив! А эта старая курица что вопила?! «Убили, убили!» Как напугала, до сих пор дрожь в ногах унять не могу...»

— И кто тебя так отделал? — спросил у сына.

— Холопы, батюшка, ведь холопы! — запричитала, сунувшись, княгиня, да тут же и осеклась под грозным взглядом князя и подалась назад.

— Ну, так кто?

— Никто. Мы сражались.

— И ты поддался?! — яростно закричал князь.

— Да он, княже, один против десятерых парней на палках сражался, — с фамильярностью старого любимого слуги пояснил Добрыня. — А вы бы, княже, на тех десятерых посмотрели — что от них осталось?! Даже уши дыбом встали!..

— Но как посмели?! Княжича?! Так избить! Эй, палача сюда!

— Нет, отец, не надо палача! — княжич поднял голову. — Я сам им велел биться в полную мочь, как в бою, а не то... Вот они и старались. Но я выбил их из «крепости»!

— Ах, «в полную мочь»?! Едва глаза не лишился! Ну, что ж, давай ключ!

— Какой ключ, отец? — побледнел княжич.

— От сундука с книгами.

— Отец! Только не это!

— Давай! Тебя больше ничем не проймешь!

— Отец! Ну, не надо, не надо...

И... заплакал княжич. Это было так удивительно, что княгиня смотрела на сына в великом изумлении, открыв рот.

— Не реви! Отдам, когда поумнееешь... А ты закрой рот, дура! И ступайте с богом — устал я...

Читать Мстислав Удалой любил, как и отец. И тоже знал шесть или восемь языков (сведения расходятся). Вот так в чтении и воинских забавах проходила юность Мстислава Удалого. Интересно, что церковные «жития» даже Александра Невского стремились представить смиренным, постоянно ра-

девшем о православной церкви. Богомольными рисуют они и всех других русских князей. Мстислава Удалого ни разу не назвали летописцы «благочестивым», но все неизменно называли его «великим ратоборцем». Более того, Мстислав Удалой, начав с мальчишеских поединков на палках, в зрелом возрасте участвовал в рыцарских турнирах в Венгрии и в Польше и там не знал поражений...

Было это в венгерском городе Дебрецине, где в честь свадьбы младшей дочери короля Венгрии Андрея должен был состояться рыцарский турнир. В качестве родственника венгерского короля прибыл туда и князь Мстислав Удалой. Княжил он тогда в Галиче и то воевал с венграми и поляками, изгоняя их из Червонной Руси, то мирился. С любопытством взирали гости на русокудрого широкоплечего русского князя. Так вот он какой этот непобедимый русский воин, неизменно бивший всех подряд — половцев, немецких псов-рыцарей, венгров, поляков, русских перебежчиков-изменников. Отовсюду слышал Мстислав льстивые, вкрадчивые слова, так что совсем уж постаревший Добрыня стал беспокоиться — не обошли бы князя хитрые латиняне-католики. Отмахнулся Мстислав:

— Знаю. На языке у них мед, а в сердце — яд...

И только надменный тевтонский меченосец барон Фильний откровенно злобно отнесся к русскому князю. Несколько лет тому назад на речке Эмбах в Эстонии жестоко разгромил отряд меченосцев, грабивших беззащитных эстов, именно этот Мстислав, бывший тогда князем в Новгороде. От того боя осталась у Фильनिया памятка — отрубленное левое ухо. За обедом, глядя на Мстислава, рыжий длинный Фильний, нагло усмехаясь, рассказывал:

— Был я на Руси в ихнем Новгороде. А лежит тот языческий град на скале бесплодной и льдами зело покрыт. Ночью по улицам города бегают белые медведи и пожирают запоздавших путников...

Гости ужасались, поглядывали на русского князя, но тот невозмутимо трудился над куриной ножкой. Тогда Фильний продолжил:

— Все русские — грязные свиньи, едят из общего корыта, в бане часто бьют друг друга вениками, изгоняя блох и вшей, а в голодные годы едят свое же дерьмо...

И на это Мстислав не отреагировал. Добрыня диву давался — невозмутимым своего князя он еще не видывал. Казалось, он не слышал слов Фильния, не замечал, что тот напрашивается на ссору. Вот он спросил у брата короля, что у него за книга за поясом.

— Разве рус умеет читать? — тут же с насмешкой спросил Фильний.

— Картинки буду смотреть.

Засмеялся громко Фильний. И зловеще извивался на его белом плаще черный меч.

— Уедем, княже, — упрасивал Мстислава обеспокоенный Добрыня, — у каждого тут лисий хвост да волчья пасть. Недоброе чую...

— Трусые и в веревке змею видят, — засмеялся

Мстислав.— А по мне либо в стремя ногой, либо в пень головой. Боишься — уезжай в Галич...

Добрыня, жестоко обидевшись, умолк, но зорко примечал какие-то враждебные шептания, недобрые взгляды.

Но вот начался и турнир. Для состязания выбрали большую ровную поляну за городом. Вблизи протекала речка — там можно было напоить коней, а близость города обеспечивала ночлег всем приезжающим. По обеим сторонам двухъярусной королевской ложи тянулись трибуны для почетных гостей. На отлогом холме напротив разместился простой народ. Люди занимали там место с ночи, захватив с собой еду.

В ложе появился седсбородый король Андрей. Внесли алую королевскую орифламм, державу (золотой шар с крестом) на бархатной подушке, дядя короля, покачиваясь, внес двухметровый двуручный меч. Таким мечом можно было действовать в бою, только ухватившись за рукоятку двумя руками.

Уже показали свое искусство стрелки из лука, довольно вяло сражались на палках шуты, подгоняемые ударами плетей, не блеснули и оруженосцы, сражавшиеся облегченным оружием.

Звучно пропели фанфары, и на арену выехало шестеро немецких рыцарей-меченосцев во главе с Фильнием. Объехав арену, они спешили — каждый у своего шатра — и ожидали вызова. То к одному, то к другому из них подъезжали венгерские рыцари и ударяли древком копья в щит.

Увы, не везло в тот день венгерскому оружию. Двое венгров были быстро выбиты из седла, у одного был сбит шлем, у другого надвое переломилось забрало, еще у одного лопнула подпруга у коня, и он тоже рухнул на арену. Меченосцы торжествовали.

Фильний, спесивый и наглый, стоял у своего шатра, победно озираясь, — к нему вообще никто из венгров не рискнул подъехать с вызовом. И тут на арену выехал неизвестный могучий рыцарь в черной кованой кольчуге.

— Рус! — восхищенно и удивленно закричали зрители.

Добрыня обомлел. Увлечшись турниром, он совсем забыл о господине. И теперь с ужасом узнал в черном рыцаре князя.

— Господи! Наш пострел везде поспел, — в отчаянии закричал Добрыня. — Коли что недоброе случится, что я скажу княгине?!

Мстислав подъехал к шатру Фильния и ткнул в щит острым концом копья.

— Хо! — выдохнула тысячеголосая толпа. — Рус хочет биться до смертельного исхода!

— А-а, проклятый рус, тебя-то мне и надо, — злобно ощерился Фильний. — В момент для гроба подготовлю! Ты мне ответишь за рваное ухо!

— У своей норы и мышшь смелая, — возразил Мстислав, — языком молоты ты умеешь — это мы знаем, а с мечом играть — не блины печь!

— Скоро ты будешь в аду, язычник! — прошипел Фильний...

В полной тишине оба рыцаря помчались навстречу друг другу. Добрыня зажмурился и ладонями за-



крыл уши... Не видеть, не слышать! Ну, дело ли владельческому князю сражаться с каким-то рыжим проходимцем! Сколько раз твердил он князю: «Торопливая речка до моря не добежит». И хоть бы раз послушал его князь! И приоткрыл уши Добрыня, и сразу оглушил его тысячеголосый крик, понять ничего нельзя было. Приоткрыл один глаз Добрыня и увидел, как с проклятиями выбирается из-под обломков трибуны рыжий Фильний и как, не торопясь, возвращается на место его князь, любовно похлопывая коня по шее. Оказалось, что Мстислав ловко уклонился, и Фильний с полного хода врезался в трибуну.

— Виват, рус! — единодушно вопили зрители.

Снова понеслись рыцари во весь опор, закрывшись щитами и выставив вперед копья. Добрыня, закрыв глаза, крестился. На этот раз Фильний был осторожнее и попытался прижать русского князя к трибунам, чтобы лишить его свободы маневра.

Треснули щиты, сломались копья, и окрасилось алой кровью бедро русского, и зарычал от боли, обливаясь кровью, Фильний — Мстислав обрубил ему и второе ухо.

В третий раз сшиблись рыцари. Промаяхнул Фильний, а Мстислав плашмя с такой силой ударил немца по плечу, что свалился он, потеряв сознание. Оруженосцы волоком утащили с арены его длинное тело.

Не думал Мстислав тогда, что с Фильнием придется ему скрестить мечи еще раз.

Под бурное одобрение зрителей король вручил Мстиславу золотой кубок с надписью: «Любимцу победы».

К великому негодованию Добрыни князь, глазом не моргнув, обменял этот кубок на книгу.

— Тьфу! — плевался Добрыня. — Отдать золотой кубок за какую-то паршивую кожу! Тьфу, тьфу! Все расскажу княгине!

А Мстислав был весел и доволен, хоть и ныла изрядно рана на бедре, хоть и с трудом удерживался в седле.

— Что тебе дался этот стакан? — смеялся князь. — Достану другой на таком же турнире и подарю тебе!

— Эх, княже, да княжеское ли это дело сражаться, словно простому воину, с какими-то там бродягами!

Но тут сетования Добрыни были прерваны самым неожиданным образом. Со свистом на путников из рощи посыпались стрелы. Охнув, Добрыня схватился за место пониже спины. Конь под ним встал на дыбы. С удивлением смотрел Мстислав на стрелы, вонзившиеся в его кольчугу, но не пробили они железную рубашку, выкованную новгородскими оружейниками. Прибрежные кусты зашевелились, и на дорогу выбежало человек двадцать в зеленых одеяниях. Один из них пытался набросить на князя сзади большую сеть, но испуганный конь отпрыгнул так, что Мстислав едва не вывалился из седла, но удержался, успел схватиться за меч. И вовремя: нападавшие копьями стремились сшибить князя с коня. Тот выюном вертелся в этой людской куче, нанося

мечом страшные удары. Тут Добрыня опомнился и бросился на помощь князю. Мечу он предпочитал палицу. В какую-то секунду двоим он раскроил череп. Да человек пять валялось в пыли, сраженные мечом князя. И нападавшие ринулись в лес. Но там появился на коне рыцарь в маске и, отчаянно ругаясь, пытался остановить беглецов.

— А-а, подлый трус! — закричал Мстислав. — Уж я сниму с тебя золотые шпоры! — Перемахнув через придорожную канаву, Мстислав ринулся на всадника с золотыми шпорами. Ему показалось, что это был Фильний. Но рыцарь вдруг спрыгнул с коня и тоже резво побежал в лес.

— Трус! Негодяй! Вернись! — напрасно взывал Мстислав.

Громкую военную славу Мстислав Удалой приобрел совсем молодым в пограничных боях с кочевниками-половцами, когда княжил в Триполье и Торческе. Эти города защищали южные пути на Киев. Гарнизоны там были слабые, их задача состояла в том, чтобы вовремя предупредить Киев о нашествии половецких орд.

Вот и в 1193 году половцы шли мимо Триполья без опаски. Они неосторожно расположились станом близ города. Вот тут-то внезапно и напал на орду Мстислав и нанес половцам сокрушительное поражение. Поход на Киев был сорван. То же самое повторилось в 1203 году у Торческа. С тех пор половцы знали Мстислава и называли его «бешеным шайтаном». По всей русской земле стало известно имя Мстислава Удалого.

В 1207 году на пути в Киев половцы осадил Торческ и потребовали сдачи города: «Неужели будешь сражаться, безумец, — писали половецкие ханы Мстиславу, — ведь нас так много, что собою мы затмим солнце». «Вот и хорошо, — ответил им Мстислав, — мы будем сражаться в тени».

Упорная оборона Торческа еще более прославила князя Мстислава. С 1209 года он княжил в отчем Торопце. «В сие время, — писал Н. М. Карамзин, — дерзнул владетель ничтожного удела объявить себя врагом государя страшного для иных, сильнейших князей».

Мстислава призвали на помощь посадники великого Новгорода, потому что княживший там Святослав Всеволодович (сын великого князя Владимирского) пытался уничтожить традиционные новгородские вольности. Мстислав штурмом взял Торжок (впрочем, жители активно помогли ему взять город), а затем прибыл в восставший Новгород. Затеять междоусобную войну великий князь Всеволод не решился, и дерзкий Мстислав пять лет княжил в Новгороде (1210—1215 гг.).

В эти годы псы-рыцари уже завоевали Латвию и начали грабительские походы в Эстонию. Народ Эстонии запросил помощи у Новгорода. В 1212 году Мстислав Удалой выступил в поход. Великий магистр ордена Меченосцев, узнав об этом, пренебрежительно сказал: «Это толпа мужиков, привычных больше к ложке и сохе, чем к мечу. Не им победить

нас». Он даже послал Мстиславу два меча — приглашение к бою. Ну, что ж, Мстислав от такого никогда не отказывался. На реке Эмбах он вдребезги разгромил рыцарскую рать и взял штурмом замок Оденпе — настоящее разбойниче гнездо рыцарей. Но псы-рыцари не унялись и снова огнем и мечом пытались покорить эстонские земли.

В 1214 году Мстислав снова выступил в поход. На этот раз рыцари бежали, не приняв боя. Мстислав победно прошел через всю Эстонию, уничтожая рыцарские замки (Верцель и другие). Две части добычи он отсылал в Новгород, а одну оставлял себе, делил ее среди дружинников. Во внутренние дела Новгорода Мстислав почти не вмешивался. Новгородцам нравился такой князь.

В 1215 году Мстислава Удалого попросили о помощи жители Галича, захваченного венгерским королевичем Коломаном. Мстислав отправился с дружиной на юг, но южнее Киева его нагнал гонец из Новгорода. Оказалось, что владимирский великий князь Ярослав Всеволодович начал войну с Новгородом. Взять великий город он решил измором, перекрыв все пути к Новгороду. Там начался голод. Люди ели кору сосновую, лист липовый, мох.

Мстислав Удалой поспешно вернулся в Новгород. Очень не хотелось ему воевать со своими, трижды предлагал он мир владимирскому князю. Лишь бблотистый ручей Турег, впадавший в Липицу, разделял две русские рати. И ответил владимирский князь Мстиславу насмешкой: «Стоило ли идти столь далеко, чтоб ручей не перейти и, подобно свиньям, в грязи валяться?»

И опять одержал Мстислав блестящую победу на реке Липице, обратив в бегство владимирскую рать. Сам владимирский великий князь первым прибежал в стольный Владимир в одной рубашке, а там, завидев мчавшегося во весь опор одинокого всадника, подумали, что это спешит гонец с извещением о победе, грянули в колокола, но увидели скоро под победный перезвон, что это свой же князь — «сир, гол и наг».

Историк М. М. Шербаков о битве на Липице писал: «Мстислав особой бодростью перед всеми отличился, ибо... трижды сквозь ярославовы полки, гоня и поражая всех, проехал...»

Новгород сохранил свои вольности. А Мстислав не забыл о Галиче и в 1218 году снова отправился на юг. Напрасно умоляли его новгородцы остаться. Мстислав ответил им: «У меня есть дела на Руси, а вы вольны выбрать себе другого князя».

В 1219 году у Галича Мстислав наголову разбил войско венгерского королевича Коломана и освободил город. И сам Коломан с женой попал в плен. Вскоре у Звенигорода был разбит польский король Лешко. В его отсутствие Коломан и воевода Фильный (тот самый!) опять овладели Галичем, устроив в городе страшный погром, избивание неповинных мирных горожан, даже младенцев не щадили и бросали в костры. Мстислав Удалой вернулся к Галичу и осадил город. На предложение о сдаче Фильный ответил: «Один камень побивает множество глиняных горшков». Но рано он бахвалится. Сна-

чала Мстислав с дружиной ворвался в город, а затем и в замок через подкоп. Королевич Коломан во второй раз попал в плен, а безухого Фильный ждал плачевный конец: по приговору галичан он был повешен. Восемь лет княжил Мстислав Удалой в Галиче (1219—1227 гг.), отбивая бесконечные атаки захватчиков. Вот тогда-то его называли летописцы «стражем юго-западной Руси», а один летописец назвал «Красным солнцем» отечества.

А уже надвигались на Русь новые враги — татаро-монголы. Половецкий хан Котян запросил помощи у русских князей: «Нашу землю нынче отняли татары, а вашу завтра возьмут. Защитите нас. Если же не поможете нам, то мы будем перебиты нынче, а вы — завтра».

На съезде южных русских князей в Киеве Мстислав Удалой с пылом уговаривал их выступить в поход. Восемь дней шли южные русские полки к Дону. Передовые отряды монголов были разбиты и бежали. Руководивший этим боем юный волынский князь Даниил Романович сообщил Мстиславу Удалому: «Татары — худые ратники и не достойны уважения». Мстислав удалой поверил ему. Напрасно старый Добрыня и воевода Юрий Домаречич призывали к осторожности. Мстиславу Удалому ненавистна была трусливая выжидательная тактика великого киевского князя Мстислава.

«В разные стороны смотрели боевые стяги русских князей», — горестно отметил автор знаменитого «Слова о полку Игореве». А между тем русских встретило огромное монгольское войско. Как писал летописец, нельзя было услышать человеческого голоса от скрипа телег, рева верблюдов и ржания коней. Многочисленность монголов не испугала Мстислава. В битве на реке Калке 16 июня 1223 года он и половцы первыми напали на монголов, а киевская и черниговская рати стояли недвижимо. Княжеские распри сыграли роковую роль. Мстислав Киевский изрек: «Сам вязался, пусть сам и выпутывается».

Сила и солому ломит. Сначала обратились в бегство половцы, а галицкая дружина попала в окружение. Мстислав Удалой и юный Даниил были ранены, но в пылу боя даже не заметили этого, продолжая яростно сражаться. Прорваться им удалось из кольца окружения, но от киевской рати они были отрезаны и обращены в бегство. Была разбита и киевская рать, причем монголы жестоко расправились с пленными.

«Раздраса вся земля русская», — горестно записал летописец. Отсутствие единства мешало борьбе с завоевателями.

Еще пять лет Мстислав Удалой отбивал нападения захватчиков в Галиче. Умер он в 1228 году в походе...



ОБОСТРЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Сергей ДРУГАЛЬ
Рисунки Олега Шапкина

Рассказ



АНТОН ЛОСЕВ

Я уж думал, все, кончилась моя служба. Так и буду доживать дни свои с удочкой, так и буду коротать время с книгой в руке и надувашкой под головой в своем садике на стриженной полянке, слушать по утрам, как свистит неподалеку пока что не прирученная малиновка. Ложиться рано и просыпаться ночью от каждого крика бентамского петушка. Ночные петушинные эмоции мне были непонятны, а днем отчетливо просматривались три — с кем бы подраться, чего б поесть, ну и еще любовь, которую он распространял на обеих своих подружек. Это я огрубляю, можно, конечно, вывить у петьки и более тонкие эмоции, но лень. Нет, вообще, чем не жизнь? И другой мне не надо. Всю акустику и видео в своем бунгало я отключил, соседей поблизости у меня не было, и что творится в суетном мире — о том не знал, да и знать не хотел, неинтересно мне было. А что вообще в мире может случиться? Солнце начинает день в положенное время, лето приходит на смену весне... Ведь было же, рождались и умирали на одном месте, не покидая весей своих. И, читал, неплохо жили. Насыщенно. А что вообще человеку для жизни нужно? Крыша? У меня бунгало — лучше не бывает. Еда? В городах такую не видят. Вода? Из горного ручья, нектар. Книги? Да что душе угодно, настоящие, в жестких переплетках.

Просыпаюсь, а рядом Самсон сидит, былинку в руке держит, Оське животик почесывает. Бурундучок Оська примитивен, всего пять эмоций, из коих главная — любопытство. Самсон ему неинтересен, но когда чешут — приятно. У Самсона усы рыжеватые и тонкие по обе стороны торчат, вид мне засят.

— Лежим, значит. Протестуем. А того не знаем, что осиротелое пространство ждет не дожидается, чтобы в него герой пожаловал. Визит, так сказать, нанес.

— Идите к черту, кэп Чернов, — говорю я ему. Искренне так говорю, и мне абсолютно безразлично, зачем он ко мне заявился. — Пространство любит, чтобы его большие коллективы посещали. Слаженные. А у меня характер плохой, неуживчивый. Я больше трех попутчиков не выношу, да и то, когда Родион присутствует. Для равновесия.

Родион на Самсона ноль внимания — он выгрызал колючки из хвоста. На той рыбе, что извлекал я из пучин морских, Родион размордел и разленился, и это мне нравилось, ибо собака должна быть толстой и доброй.

— И связь отключил, — задумчиво продолжает Самсон и словно не слышит, что я его к черту послал.

— Я в отставке, кэп Чернов. И не без вашей помощи. Ни к вам, ни к вашей комиссии мы с Родионом симпатий не испытываем. И не думайте, что если Родион такое туловище накушал, то мне и защиты искать негде.

Самсон Климович снял штаны и рубашку о пяти черных нашивках над левым карманом — по числу земных лет, проведенных в пространстве. А был он совсем белый и тощий, только плавки синие, и должен был обгореть на солнце до пузырей минут так

за пятнадцать. Он прилег рядом, и было видно, что на траве ему с непривычки неудобно и колко. И работа какая-то важная гложет, иначе бы он не приехал, до визитов ли заместителю председателя инспекции по кадрам Института Космических Исследований, именуемого еще ИКИ, вот какую высокую должность занимал Самсон Климович. А мне что до его забот? Мне вон Родион гораздо интереснее. Я ему, Родиону, верю. И он мне тоже. Вон с какой нежностью смотрит на меня, уверенный, что в обиду я его не дам. А мои способности к пониманию чужой боли и проснулись-то неожиданно для меня благодаря Родиону, когда я увидел его обиженного и усомнившегося в людях и уловил собачье потрясение проявленной к нему жестокостью...

Ну вот, теперь проясняется. Появился, видите ли, новый класс роботов, для дальних выходов в пространство. Этаких андроидов, слуг-друзей-помощников: все, так сказать, в одном железном лице. Ну и что? Ах, надо испытать? Кто мешает?

— Дело в том, — говорит мне Самсон, — что для этого требуется пилот с тонкой душевной организацией и обостренным восприятием.

Ничего себе признание! На дисциплинарной комиссии что-то о моей душевной тонкости ни слова сказано не было. Об отсутствии выдержанности говорили, об этаккой несокрушимой и недопустимой в общезжитии прямолинейности было, даже о вздорности характера. А вот про обостренное восприятие умолчали. Как-то эти качества в комиссии не котируются, не правда ли, кэп Чернов? Да и о какой душевной тонкости можно говорить, когда я заведомый грубиян, экстремист и так далее и тому подобное, смотри протокол дисциплинарной комиссии по делу о нарушении устава пилотом Лосевым А. Г., выразившемся в оскорблении штурмана транспортного корабля ЗМ-16 Л. Ландерса. Пилот Лосев, то есть я, отказался принести извинения. Пилоту Лосеву, то есть мне, пришлось расстаться с космофлотом.

— Ландерс вскоре подал в отставку. — Самсон все-таки не выдержал и сел, накинув на плечи рубаху.

С чего бы это? Самсон пояснил: Ландерс почувствовал отчуждение. Нет, коллеги с ним общались, отвечали на вопросы, выслушивали, были вполне корректны, но и только, он оказался в вежливой изоляции.

Услышав многократно повторяющееся имя Ландерс, Родион помрачнел — я уловил это. Пес не забывал добро, что присуще собакам, но помнил и зло, что присуще всему живому. Однако вернемся к нашим баранам: зачем я вдруг понадобился?

Предстоят дальние полеты, отвечает мне Самсон, многие годы космонавты будут в отрыве от Земли, от родных и бдящей общественности. Вообще, мало ли что может случиться в длительном полете, а в экстремальной ситуации, какой — того предвидеть невозможно, слуга безотказный и верный может избавиться от многих проблем. Новый робот-андроид скрасит одиночество: отвечая всем требованиям азиатских законов, он имеет особое качество — он любит хозяина. Ну, примерно так, как тебя, Антона, любит Родион. Тут Самсон заметил, что мы с Родио-

ном переглянулись и одновременно засмеялись. Я — в голос, а Родион оскалится. Самсон оборвал свою речь на полуслове, помолчал и растерянно спросил:

— Он действительно понимает смысл сказанного?

Ну что, снова повторять, что большинство умных и привязанных к хозяину собак являются медумами, улавливающими не только эмоции, а порой и слово друга-хозяина? Так об этом я говорил на дисциплинарной комиссии. Я говорил, что Родион гениальный медиум и обостренно чувствителен. Ему доступны тончайшие оттенки настроения окружающих людей. И не только людей, но и животных, например, супермена Ландерса...

— Понимает, — ответил я. — На любом языке, поскольку язык чувств наднационален.

— Это хорошо, — задумчиво произнес Самсон Климович. — Душевные качества Родиона могут пригодиться в полете. Не знаю, как и в чем, но могут. Комиссия считает, и я разделяю это мнение, что во всем космофлоте, пожалуй, только вы с Родионом можете оценить пригодность нового робота, его эмоциональные свойства, его, скажем так, личностные особенности.

Тут уж настало время мне задуматься. С одной стороны, мне понравилось, что Самсон говорит о нас с Родионом в нераздельности. Но с другой... мне впервые пришлось услышать о таких понятиях; как эмоции и личность, применительно к роботу. Видимо, что-то новое возникло в космической технике за этот год. А Самсон продолжал в доверительном таком тоне:

— Программу испытаний я тебе на столе оставил, полистаешь на досуге...

САМСОН ЧЕРНОВ

Я ни минуты не сомневался в согласии Антона. Антон, этот тридцатилетний ребенок, только глаза со сна раскрыл, как сразу понял: я за ним.

Когда я говорю об Антоне Лосеве, мои слова теряют связность, он непонятен мне. И не только мне. Все высокие специалисты инспекции к Антону относятся странно, с настороженной неопределенностью, что ли. Светлая личность, как сказал председатель, но при нем как-то неуютно. Это правда, мне тоже бывает неловко в присутствии Антона.

Он мне обрадовался, но виду не подал. Гонору у него на двоих, хотя и понять можно. В конце концов, решение дисциплинарной комиссии никто из пилотов не поддержал. Даже те, кто равнодушен к животным, не поняли Ландерса. Я голосовал против Антона, но сейчас аргумент: «Ну знаете, если из-за какой-то собаки...» — мне уже не кажется убедительным. Антон не подчинился тогда решению комиссии и ушел, полный возмущения и протеста. Но мы всего лишь люди, а людям свойственно полагаться на слова. Слово было и долго еще будет той основой, которая определяет наше представление о человеке — это уже потом мы судим о нем по делу, если дело состоялось. А Ландерс говорить умеет.

Для обычного человека очевиднее то, что лежит

на поверхности. Но бывает, рождаются люди с обостренным восприятием, для которых открыты тайные желания, неосуществленные намерения. Антон из них, от рождения настроенный на добро и болезненно, с воинствующей непримиримостью воспринимающий зло. Он лишен мудрости, ибо неспособен к компромиссу, этакая детская наивность и непосредственность, которой он, скажем так, порой бравировует. К нему прямо-таки тянутся животные, льнут, как тот полосатый Оська.

И странный пес Родион, способный на самостоятельные поступки, поскольку ушел с корабля вместе с Антоном. Сбежавшее, гм, корабельное имущество. Медиум! Я повторяю за Антоном это слово, чтобы выразить непонятное. Мой собственный Тушик, черный карликовый пудель, не имеет способностей Родиона, простой пес. Но хочу понять, откуда он узнает час моего внезапного возвращения?..

Комиссия, если говорить кратко, установила, что непосредственной причиной конфликта был метеорит величиной с горошину или чуть меньше. Он пронзил корабль насквозь и исчез, но оставил после себя пожар. Обшивка мгновенно регенерировала, а пожар был локализован. По совету с Земли его оставили глеть до конца рейса, поскольку попытки ликвидировать очаг своими силами могли привести к непредсказуемым последствиям. Пожар разделил корабль на две неравные части. В рубке, к которой примыкала бытовая зона, остались пилот Лосев и бортиженер Селидзе, в жилом отсеке — штурман Ландерс и корабельный пес Родион. Транспортник не потерял управления, двигатели были исправны, но оказалась нарушенной проводная связь. Дальнейшие события комиссия реконструировала примерно следующим образом.

Бортиженер вызвал на экран корабельной ЭВМ схемы коммуникаций, сориентировался в них, потом вскрыл обшивку стены в кают-компании. Обнажилась густая продольная решетка разноцветных труб, этих артерий корабля. Селидзе придвинул к стене кресло, уселся поудобнее, взял в руки какой-то детектив и начал выстукивать ключом по трубам, не пропуская ни одной.

На вторые сутки зазвучала голубая титановая труба воздухопровода. Азбукой Морзе Ландерс сообщил: живы, но хотим есть, система регенерации и водопровод действуют. В рубке порадовались удаче.

— Надо перерезать трубу в двух местах, чтобы образовать свободный конец, — отстучал Селидзе. — Тогда мы попытаемся переправить вам патрон с едой, как по трубе пневмопочты.

Ландерс ответил, что трубу он подготовит, инструмент есть.

Бортиженер вскрыл дисковым алмазным резак магистраль и отрезал от нее солидный кусок, образовав промежуток, достаточный для ввода патрона. Давление в магистрали не превышало двух атмосфер, и со стороны компрессора ее удалось перекрыть пластиковой заглушкой. В качестве патрона использовали отрезок шланга, который набили сублимированной колбасой и с обоих концов закрыли пробками. Получился цилиндр диаметром тридцать миллимет-

ров и длиной едва ли не в половину метра. Селидзе смазал патрон пищевым жиром и вставил в трубу.

— Держи посылку,— передал он. Потом убрал заглушку с магистрали, шлангом соединил ее с обрубком трубы, в который был вставлен патрон. В трубе чмокнуло, и почти сразу Ландерс ответил:

— Спасибо, получил.

Готовя новую посылку, Селидзе снял шланг с трубы. И едва он перекрыл подающую воздух магистраль, как из трубы пахнуло горящим жиром: пожар в отсеке, через который проходили коммуникации, видимо, добрался до магистрали и раскалил ее. Пилот и бортинженер заторопились, успели переслать еще два патрона. Четвертый расплавился в трубе, не достигнув цели.

— Дважды благодарю,— отстучал Ландерс.— В крайнем случае съем Родиона.

— Шутит. Сильная личность,— сказал Селидзе.— А что? Воды у них вдоволь. Человек может не есть месяц, сколько может собака — не знаю. А лету нам еще на девять суток. Плохо, конечно, но ничего страшного не вижу. Размочат, колбасы чуть не три килограмма будет.

Вот так и прошел этот не совсем обычный, но в целом благополучно закончившийся рейс. Комиссия сочла нормальной и обстановку на корабле, и то, что принято называть моральным климатом. На десятые сутки транспортник пристыковался к базе, кольцевому спутнику Земли, вращающемуся на стационарной орбите. Аварийная команда, закачав азот в поврежденный отсек, загасила пожар и вскрыла оплавившиеся переборки.

Ландерс был в полном здравии. Легкая худоба только подчеркивала мужественное выражение его лица, красиво оттеняемого белым до голубизны воротничком свежесыглаженной рубашки. Он спокойно отложил книгу — это движение не показалось нарочитым — и встал навстречу Лосеву.

— Здравствуй, Антон.

— Здравствуй! — Лосев пожал руку и уступил место бортинженеру. В углу чисто прибранной каюты лежал Родион. Рядом стояла миска с водой. Пес, положив голову на вытянутые лапы, смотрел в сторону. Антон присел, погладил его по спине, под ладонью прощупывались позвонки.

— Здравствуй, Родька.

Пес покосился на него и отвел взгляд. Обычно от собаки веяло ощущением покоя и дружелюбия, а доброму слову Родион всегда радовался, как это умеют только собаки. Сейчас Антон воспринимал необычное для пса чувство тоски, незнакомое ощущение обманутости. Он достал из кармана сверток с едой, развернул, положил рядом. С губ собаки закапала слюна, но Родион не шелохнулся.

— Ты что, Родька? Кушай! — жалостно сказал пилот.

— Принципиальный,— Ландерс убирал с полок книги.— Ничего, отойдет.

Лосев смотрел на собаку, слышал ровный улыбочивый голос штурмана, и странная, нелепая мысль рождалась, и он не хотел верить в нее, в эту дикую догадку.

— Ландерс, вы, что же, совсем не кормили собаку?

— Естественно, мне самому еды не хватало,— Ландерс обтер глянцевый переплет книги и аккуратно положил ее в чемодан.— А с чего это вдруг на «вы», Антон?

Пилот выпрямился. Что-то темное сдавило мозг и нахлынуло внезапно, как взрыв. Серая пелена на миг притушила сознание, и в каюте раздался звук пощечины.

Антон, сам потрясенный тем, что смог поднять руку на человека, вышел, держа на весу ладонь и слыша вслед растерянный захлебывающийся крик:

— Как ты мог, Антон! Ведь это только собака! Только собака!

АНТОН ЛОСЕВ

Программа меня удивила. Обычно от испытателя требуется установить, насколько опытный образец соответствует техническому заданию, в каких пределах выдерживаются рабочие параметры устройства, характерные неисправности, удобство обслуживания и ремонта и, наконец, эргономические данные, то есть условия взаимодействия человека с машиной. К программе, по которой должен был работать я, техническое задание приложено не было, и, как мне разъяснили в ИКИ, это не было недосмотром. Вообще вся техническая сторона в программе была опущена, зато эргономике уделялось непропорционально большое внимание. Я говорю: непропорционально большое, поскольку у нас, пилотов, свое отношение к эргономике, точнее, у каждого свое. Я, например, терпеть не могу сенсорную клавиатуру, мне нравится, когда мой палец ощущает сопротивление. Но это — в скобках.

И еще. В программу были введены необычные условия: общаться с андроидом я должен был не просто так, а весь предварительно облипившись датчиками. И не только я, Родион тоже. Это было совсем непонятно, Родиона-то зачем?

Представитель института, коренастый крепыш с подходящим для него именем Гриша Кемень, объяснил, что робот, конечно, будет любить меня, это само собой, как не полюбить такого. А ИКИ хочет установить, как я буду воспринимать роботовую любовь. Тут я спросил, кто здесь объект испытаний, робот или я? Робот или Родион? А объект испытаний, ответил мне Гриша Кемень, это наши с Родионом эмоции.

Гриша Кемень был чем-то сродни бурундучку Оське, главным в нем было любопытство. Громадное, примерно как у целой сотни Осек. Такое, выходит, он поле излучал. Родиону Кемень понравился, он ему даже хвостом помахал и, беря с меня пример, тоже позволил обрить себе голову под присоски датчиков. Но это было потом. А сначала нас пригласили в Институт Космических Исследований, и мы долго шли втроем — я, Кемень и Родион — по прекрасному нескончаемому лесопарку, в котором и располагался поражающий воображение комплекс ла-

бораторий и заводов ИКИ. Я давно здесь не был, и меня удивило множество полуприрученных животных: то телята зубра, то семейка пятнистых оленей. Оленята резвились непугано, а от оленухи исходило беспокойство: ребята, не зарывайтесь, держитесь скромнее. Гриша вполне квалифицированно рассуждал о воспитании щенков, поскольку за Родионом увязался щенок боксера, месяцев трех от роду. Щенок, как и положено, излучал невероятное дружелюбие. Он пристал к Родиону, как репей, и всячески развлекался, кусал его за бока, опрокидывался на спину, показывая беззащитное щенячье пузо, и тут же вскакивал с сопением и лаем. Родион поглядел на меня: может, возьмем малыша, а? Вряд ли, ответил я, куда нам сейчас, перед полетом...

Андроид выглядел неплохо и сильно смахивал на одного из тех симпатичных человекоподобных роботов, что действуют в мультфильмах. Этаким внушающим доверие железный увалень, две ноги на рифленом пластике примерно пятидесятого размера, две руки с толстыми локтевыми шарнирами и мягкими четырехпальными хваталками, тонкая шея без признаков кадыка и на ней шарообразная голова с вибрисами трепещущих антенн и выпуклыми линзами широко расставленных глаз. Ушей нет, так, решеточки.

— Что он умеет?

— Все! — ответил Гриша Кемень и вручил мне листок, сложенный пополам. — Кроме того, что здесь перечислено.

— Отлично, — сказал я и повернулся к роботу. — А как звать тебя, чудо техники? И что, к примеру, ты будешь делать при мне, когда я сам все могу?

— Зови меня Боб, Антон. А при тебе я, к примеру, буду нянькой. И будешь ты у меня, как у Христа за пазухой, а точнее, как за каменной стеной.

У Боба был глубокий баритон с теноровым оттенком и мягкой картавинкой. И речь его мне понравилась, поскольку он сумел взять верный тон для первой беседы. Я развернул листок.

— Знаете, Антон, — Кемень сбоку заглядывал в листок. — Проще написать, чего он не может.

Список непосильных для Боба дел насчитывал всего три пункта. Оказалось, что он не может впрячь в одну телегу коня и трепетную лань, мышей не ловит, не может не вмешаться, когда обижают женщину. Что он, голубчик, мышей не ловит, так это меня даже почему-то умилило. Женщину же на моем корабле нельзя было обидеть за неимением таковой.

Полагаю, пока я читал и обдумывал эту галиматью, на моем лице ничего не отражалось, ибо я без труда уловил Гришины эмоции, которые можно было бы сформулировать следующим образом: хотел бы я знать, обладает ли этот грубиян чувством юмора? Желание оправданное, так как Гриша Кемень должен был стать третьим членом экипажа, а ни меня, ни Родиона он совсем не знал.

Конечно, и робот мог быть подготовлен Гришей все с той же целью приглядеться ко мне. Ну ладно, думаю, сейчас я тебя проверю, я тебя подкузьмю, или подкузьмлю, как правильно? Я тебе задам вопросик!

— А стихи ты, Боб, сочинять можешь?

— Чтобы профессионально, так не скажу, но чтобы совсем нет, так скорее да! — ответил Боб.

— Тогда выдай что-нибудь такое-этакое, что-нибудь любовно-электронное. Из жизни роботов.

Смотрю я на Гришу, он глазом не моргнул, робот же задумался на секунду, очень естественно задумался.

— Вот, пожалуйста!

Здесь нет идилий,
одни лишь факты.
О! Вы включили
мои контакты!
Ты слышишь стоны?
То я ожила,
то электроны
бегут по жилам.

— Домашняя заготовка?

— Пардон! Разве такой вопрос можно предвидеть? Экспромт.

— Стихи не очень, — сказал Гриша Кемень. — Непонятно, как можно идилии противопоставлять фактам. Правильно было бы — иллюзии, но тогда пропадает рифма. И потом, ударение в слове «ожилá»...

— Да вы что, товарищи! — закричал Боб. — Разве ж можно ко мне подходить с человеческими мерками!

Прежде чем упасть, я успел шагнуть к креслу. В соседнем корчился от смеха Гриша Кемень. Это обращение — товарищи — исключало какие-либо подозрения в предначертанности поведения робота, оно было естественным и адекватным обстановке.

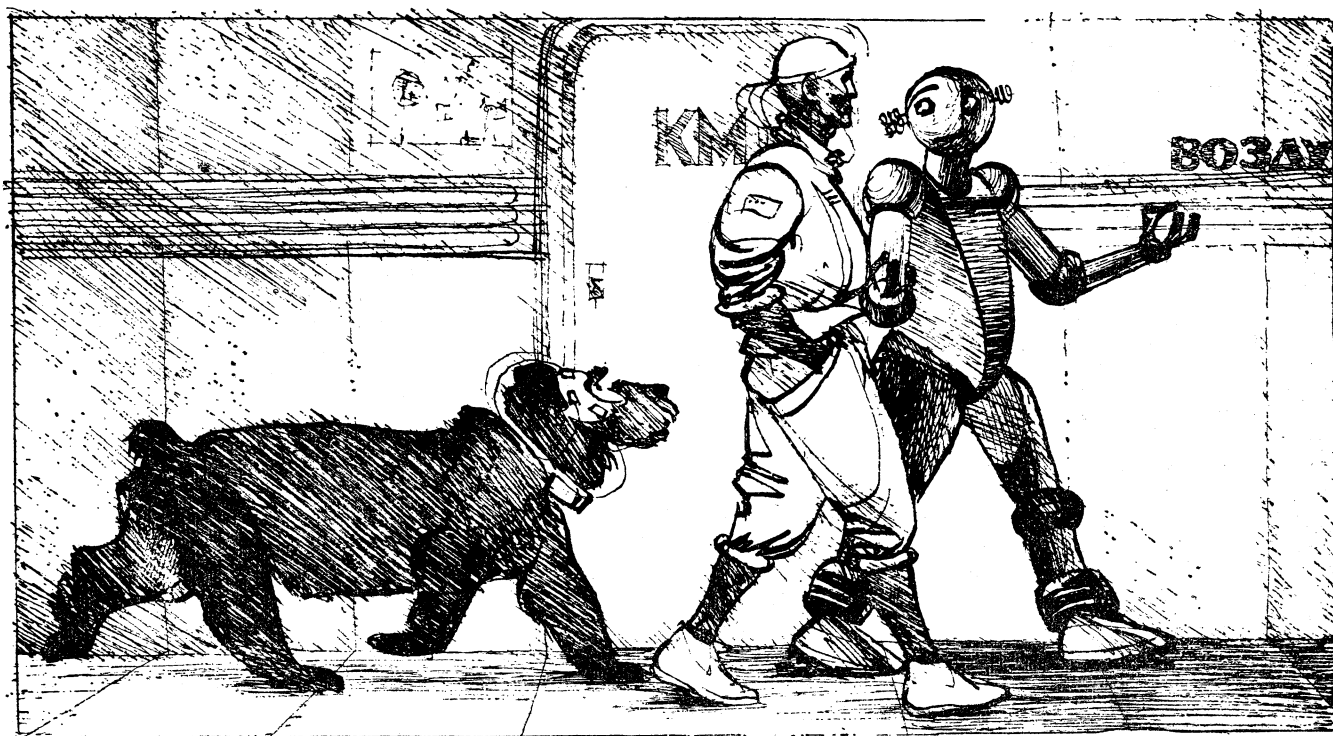
Отсмеявшись, мы порешили, что на этом разминку можно закончить, и стали вдвоем обсуждать обширную программу испытаний. Боб особенно настаивал на то, что мы с ним составим отличную человеко-машинную систему. Гриша Кемень высказал недоумение по поводу того, что вот человеко-машинная система получила название эрготической, а животно-машинная никак не называется. А нужда в таком названии, нетрудно предвидеть, скоро возникнет. Боб сказал, что лично он готов сотрудничать с кем угодно и для него что человек, что собака — все едино, а может, собака даже лучше, претензий меньше.

— Мое назначение какое? — разглагольствовал Боб. — Я должен освободить тебя от монотонных и однообразных действий, чтобы ты мог отдать себя решению интеллектуальных задач. И я тебя, будь спокоен, освобожу.

Робот проявлял себя как личность, и мне показалось, что это было неожиданно для самого Кеменя, куратора-разработчика. На меня же его разумное, ну, пусть псевдоразумное поведение произвело ошеломляющее впечатление. Хотя, в конце концов, что есть разум? Кто усомнится в разумности моего пса Родиона? Короче говоря, Боб меня потряс. И я не решился задавать при нем вопросы, которые считал бы не деликатными в человеческом общении. Я дождался, пока Боба увели.

Гриша Кемень держал паузу, и я не стал его томить.

— Ничего подобного я и представить не мог, —



мне хотелось сказать Грише приятное и для этого не пришлось кривить душой.—Блестящая работа. И знаете, что больше всего поражает? Голос! Говорящие автоматы сейчас на каждом шагу, но Боб! Диапазон, модуляции, выразительность... Ваши акустики — чудоеи. Однако что-то я не заметил в нем проявления любви ко мне. Где любовь, спрашивается?

— Будет,— заулыбался Кемень.— Блок любви пока в него не вложен, но место оставлено.

— Ну ладно,— я смягчился.— Если откровенно, мне он и так хорош. Перетопчусь без любви.

В ближайшие три месяца нам — Грише, мне и Родиону — предстояло создать пусть и маленький, но слаженный космический коллектив. Предстояли длительные тренировки, работа с программой, освоение новой аппаратуры, контрольные записи наших данных в нормальном нашем состоянии и прочие заботы, несть им числа. Потому для экономии времени нам с Родионом определили жить в ближайшем поселке, выделив двухкомнатный коттедж вроде избушки на курьих ножках, без особых удобств. Но мне было все равно, в нем мы только спали. На крошечной лужайке возле дома Родион по утрам развлекал щенка, который упрямо и постоянно осаждал нас, всем своим видом показывая, что хочет поселиться в нашем доме.

Примерно за неделю до старта мы с Родионом вернулись в свое бунгало на побережье, отдохнуть и

прийти в себя. Потом прибыли на знакомый уже кольцевой спутник — базу космических кораблей, и нас взяли в оборот медики. Не знаю, сколько их там было, толпа. От белых халатов было даже холодно, а Родион, непривычный к столь пристальному вниманию, сник. С обритой головой, только ресницы да белые усы торчали, он был до неприличия смешон, о чем, конечно, догадывался. Иногда он подходил к зеркалу, вздыхал, и тогда я четко улавливал: «Это я ради тебя на такое пошел!» Полагаю, я тоже не лучше выглядел, хотя человек с бритой головой — более привычное зрелище.

Гриша и Боб прилетели раньше нас и успели освоить корабль — знакомый мне до мелочей серийный транспортник на плазменной тяге. По программе обязанности бортинженера и штурмана возлагались на Боба, он к этому был готов, он для этого и был предназначен. Гриша Кемень, как представитель института-разработчика, отвечал за робота и за аппаратуру контроля нашего с Родионом состояния. Аппаратурой были заняты все свободные помещения корабля, и это хаотическое нагромождение приборов производило сильное впечатление. Что там будет с ними делать Кемень, мало меня интересовало, а мое, капитана, задание было тривиальным — штатное обслуживание автоматической станции типа Гелиос на Меркурии.

И еще мне пришлось — по программе — настраивать себя на восприятие собственных ощущений и эмоций, усиливать в себе свойства рефлектирующего интеллигента. Я всегда был рефлектирующим, за-

комплексированным, как принято говорить, и ненавидел несомневающих, прямолинейных и самоуверенных. Откуда вообще это берется, когда тысячи принимают, как истину, очевидную глупость, лишь бы она была звонко сказана? Ну, например,— жалость унижает человека! Миф очевидный и один из самых вредоносных. Сколько молодых и глупых сломали жизнь себе и другим, следуя этому мифу, подавляя в себе естественное для нормального человека чувство жалости к другому! Где уж тут кошку пожалеть, если любимого не жалко? На мой взгляд, человека унижает проявленная к нему жестокость, ибо ставит перед ним неразрешимый вопрос: принять ее как должное?—но это невозможно, ответить тем же?—немыслимо. Что бы случилось с человечеством, когда б люди перестали сомневаться?!

Здесь, в полете, я старался по возможности умножить эти свои человеческие качества, ибо способность к самоанализу присуща только человеку. Даже Родион, мой доверчивый эмоциональный и весьма интеллигентный пес, не знает сомнений, счастливее! Целый, прямой! Его всегда приятно чувствовать, особенно когда он рядом. Собака и должна быть лишена сомнений, иначе черт-те что она о нас, людях, может подумать. Если же Родион вдали, в другом, скажем, отсеке — в гостях у Кеменя, то ощущается собачье беспокойство, которое можно обозначить словами: как там Антон без меня, не случилось чего?

Днями Боб был занят своими штурманскими делами и справлялся с ними неплохо. А вечером готовил ужин, накрывал на стол и вообще обслуживал нас. Не по своей инициативе, по просьбе Кеменя. Но обслуживал квалифицированно, даже тарелки подогревал, даже в бокалы с соком лед не забывал положить. Вид он при этом имел озабоченный и молчал. Только раз, услышав в углу хруст говяжьего мосла, сказал:

— Я бы ему палец в зубы не положил. Собственно, Родион на это не набивался.

Прошел месяц. Как-то, когда Боб, убрав со стола, ушел в рубку, я спросил, что будет дальше? Я сказал, что все время внутренне обостряюсь, прислушиваюсь к своим эмоциям и ничего особенного не слышу. Родион, тот вроде бы что-то улавливает, но у него и восприятие существенно тоньше...

Кемень позвенел ледышкой в бокале и сказал, что займется Бобом, что скоро Боба я не узнаю.

И действительно, нам уже недолго оставалось до цели, когда поведение Боба разительно изменилось. Я это почувствовал сразу: утром он вошел в рубку, и я воспринял насыщенное поле обожания. Я работал, а он стоял рядом и, похоже, любовался мной. Чем-то это напомнило мне привычный настрой Родиона на меня. Только Родион относился ко мне как-то поспокойней, скажем так, более привычно. Обожал Боб и Родиона, и Гришу Кеменя, когда они попадали в поле его зрения. Странно это было... да. Странно было и поведение Родиона. Я видел, как он кинулся было к Бобу и растерянно шаркнулся в сторону, заскулил непонятно. Эта тревога моего пса и мое новое восприятие робота, в котором я не мог

разобраться, все это как-то смутило меня. И мне неприятно было слышать, как удовлетворенно мурлыкал что-то Кемень у своих приборов.

Ночью — мы всегда живем по земному времени, так вот, ночью Родион не спал. Он то бродил по каюте, стуча когтями, то ворочался на своей подстилке и временами тихонько поскуливал. У меня было беспокойно на сердце, знаете, вроде бы томило предчувствие будущих неприятностей, что ли. Это я пытаюсь передать словами эмоциональное состояние, понимая, что попытка так же несостоятельна, как попытка рассказать о музыке. Да и как говорить о собственных чувствах? О чужих, полагаю, проще, не связывает сдержанность, присущая нормальному человеку, когда он говорит о себе...

Меркурий, ближайшая к нашему светилу планета, для человечества интересен разве только как база размещения станции службы Солнца. Станция работает в режиме накопления, поскольку дальняя радиосвязь исключается из-за близости к Солнцу и обусловленных этим помех. Раз в год с нее забирают магнитные накопители, производят текущий ремонт и направляют информационные блоки. Эту тривиальную работу и предстояло выполнить нам с Бобом. А до того я вывел корабль на почти стационарную орбиту над ночной стороной Меркурия, спрятав его в тень планеты.

Скафандр повышенной тепловой защиты громоздок и неудобен, поскольку в него встроены бак с жидкостью, за счет испарения которой обеспечивается понижение температуры первого слоя защиты. Этот бак хотя и облегает спину, но топорщится горбом и сковывает движения. Гриша помог мне надеть скафандр и потом впустил Боба. Боб тоже был в скафандре... в Гришином. На мой недоумевающий взгляд Гриша улыбнулся: все в порядке, так надо. Ладно, пусть. Может, это тоже входит в программу эксперимента — мое незнание причин, по которым железный робот стал нуждаться в температурной защите.

Боб уселся по правую руку от меня, я дождался ухода Гриши из отсека и вывел катер в пространство. Отсюда, с высоты тысячи километров, Меркурий заслонял Солнце, отчего был погружен в ослепительное белое сияние. Диск планеты не имел четких границ, края его казались размытыми. В наушниках шлемофона слышалось дыхание Гриши, он был постоянно на связи: наши рации работали в режиме «эхэ», ибо только корабельные мощности были в состоянии преодолеть помехи. Гриша молчал, и мне тоже было не до разговоров. Катер надо посадить как можно ближе к станции на солнечной стороне планеты, а до этого необходимо выбросить ретранслятор, поскольку мы выходили из зоны прямой слышимости. Ретранслятор я подвесил и катер посадил почти у кромки зеркального купола станции, местами до каркаса изъеденного солнечным ветром.

Боб, не теряя времени, вытащил из катера рулон термостойкой зеркальной пленки и занялся ремонтом купола. У него это ловко получалось. Я проверил состояние наружных датчиков станции и заменил не-

исправные. Потом забрал с катера ящик с магнитными дисками и повесил себе на плечо. Сам диск практически невесом, а в ящике было не менее пятидесяти килограммов, месячный запас. Мне предстояло заправить дисками кассеты и зарядить ими станцию. Купол не был герметичным, но под ним можно было уменьшить мощность светофильтра, и стало видно, как парит система охлаждения скафандра Боба, когда он, прихватив по пути второй ящик с дисками, явился помогать мне. Это было трогательно, но он больше мешал, чем помогал. Впрочем, его назойливость не была мне неприятна, и я промолчал.

Внизу, в небрежно образованной пещере, у которой только пол был сравнительно ровным, располагались шкафы регистрирующей аппаратуры и стеллажи с запасными частями. Температура здесь держалась на уровне 36° по Кельвину, и кипение охладителя во внешнем контуре скафандра прекратилось. Я осмотрел станцию, убедился, что кассеты почти пусты: тонкие стопочки дисков, на неделю работы, оставались в них. Контейнеры с отработанными дисками — забота автоматов — заполняли стеллажи, их надо было перенести на катер. Мы с Бобом не договаривались, просто я сразу начал заправку порожних кассет, а Боб навесил на себя контейнер и пошел к шахте. Он мог бы унести и четыре таких контейнера, грузоподъемность его в два раза превышала собственный вес, но конечности должны были быть свободными, чтобы цепляться за скобы. Обратным рейсом он принес с катера третий ящик и, прежде чем забрать очередной контейнер, предупредительно открыл ящик для меня.

— Неплохо, Боб, совсем неплохо, — машинально сказал я, не прекращая возни с кассетами. Я не ждал ответа, только уловил всплеск эмоций как реакцию робота на мои слова. Странных, как я теперь понимаю, эмоций, неадекватных обстановке. Мы с Бобом работали на равных, и эта моя похвала между делом не должна была быть так остро воспринята. Но это я сейчас понимаю, а тогда, работая, не обращал на робота особого внимания, только как-то отстраненно отметил про себя, что ему совершенно не пришлось приспособляться, привыкать к новой обстановке — перегрузкам и тесноте катера, мертвой желтизне обесцвеченной излучением поверхности планеты с непрозрачными тенями кратеров, к игольчатой игре кристаллов кварца на стенах пещеры, к бремени защитного скафандра, к которому я, например, и за сто лет не привыкну. Боб включился в работу сам, сразу и без переходов.

Не знаю, как другие, а я человека хорошо работающего воспринимаю как хорошего человека. Это я к тому, что если на корабле мое отношение к Бобу можно было определить словами — любольствие и прония, то здесь я об этом просто не думал, ведь Боб работал, как человек... На мой взгляд — это высшая похвала...

Ну да, я снимал контейнер с верхней полки стеллажа, я устал уже, я тянул этот чертов ящик и не мог вытянуть из гнезда. Я позвал Боба, он сменил меня на стремянке и могучим рывком выдернул кон-

тейнер. Я смотрел снизу, сказал: «Молодец, малыш!» Я так сказал потому, что в Бобе росту всего полтора метра, а такой сильный...

Я сказал: «Молодец, малыш!» — и Боб странно взвизгнул и рухнул вниз, и в падении еще тянул ящик на себя, чтобы не задеть им меня...

Я не знаю, что в нем было повреждено, а только встать он не мог. И невозможное, никогда не слышанное мною менто почти парализовало меня — какая-то смесь отчаяния, детской любви и страха. Я кричал, я спрашивал, что с ним, я старался поднять его — эти сто пятьдесят килограммов металла. Я как-то забыл, что это всего лишь машина, всего лишь машина... Боб молчал. И Кемень, робототехник, молчал, и я даже не подумал, что металлопластовый купол над шахтой отражает радиоволны. И я ушел, взвалив на плечо ящик с дисками, и то ли слышал вслед голос, то ли мне показалось:

— Убей меня, хозяин!

ГРИГОРИЙ КЕМЕНЬ

Я мог бы наговорить все нижеследующее — звукозаписывающая аппаратура всегда включена, но методика эксперимента мне это запрещает. В методике сказано: события должны быть записаны от руки и в возможно короткий срок, пока свежи первые впечатления, первые ассоциации и соображения. Редактировать записи запрещается, анализ — дело специалистов. Отсюда и тот неизбежный сумбур в изложении, который, конечно, будет бросаться в глаза. Антон же, напротив, обязан говорить, и только говорить. Причем сразу, по ходу дела. Его словесные комментарии будут потом синхронно наложены на показания приборов, и это должно увеличить достоверность результатов эксперимента...

Антон еще не вернулся, когда пес завыл жутким среди железного порядка корабля воем.

— Я не мог его вытащить, Родион! — отозвался Антон, он на катере услышал голос собаки. — Как все это понять, Кемень? Вы ручались за работоспособность андроида, а он не удержал ящик, который и мне под силу!

Что я мог ответить? Я не знал, что случилось там, в нижнем помешении станции. Сейчас, когда катер уже вышел на прямую связь, я только видел на экранах приборов, контролирующих состояние Антона, небывалый хаос кривых. Мне подумалось, что психологи будут довольны, материал богатый. Подумалось на секунду и не к чести моей. А Антон повторил вопрос, и словно хором сработали все включенные динамики корабля: «Как это понять?»

Я смотрел, как среди стекла, металла и пластика моей корабельной лаборатории, пригнув обклеенную разноцветными датчиками нелепую голову, корчится и вздрагивает Родион, исходя горестным криком. Пес чуял беду, и я как-то впервые ощутил свою неполноценность: Антон и собака чувствовали то, что недоступно мне, обычно во всех отношениях человеку. И вся наша затея, вся громадная работа, которой мы так гордились, показалась мне ненужной. Ведь

экипажи для дальних полетов всегда будут формироваться из таких, как Лосев. Это очевидно, Ландерсов туда не пустят. Ну, а для Лосевых, мне это стало ясно еще до рейса катера на Меркурий, неприемлема сама мысль — сложить воедино живое и мертвое. Мне и сейчас непонятно, почему сочли необходимым скрыть от Лосева самое главное: Антон не знал, что Боб не робот. Боб — киборг...

Родион был спокоен с самого начала полета — это было видно из сравнения энцефалограмм, записанных до и после начала эксперимента. Пес словно бы чувял что-то, недоступное пока даже Антону. А когда я разбудил мозг щенка и... не знаю, как тут выразиться, скажем так, произвел его подсадку, и утром Боб вошел в рубку в новом своем качестве, щенячье ментополе сразу уловил Антон, на Родиона же оно вообще подействовало ошеломляюще. Знакомое в основных своих проявлениях и даже привычное, оно сейчас продуцировалось автоматом, попросту машиной, и это опрокидывало все представления, весь жизненный опыт пса.

Антон подавил свое смятение, овладел собой, и эмоции его, судя по предварительным и поверхностным обработкам, почти вошли в норму. Хотя настроенное отношение к андронду осталось. В первом приближении я определил бы это как ожидание сюрприза, что ли. У собаки понятие воли отсутствует, она, так сказать, не может «взять себя в руки», она всегда естественна. Родион подчинился бы команде, Антон мог бы «замкнуть» его на себя, снять собачье напряжение, но Антон молчал, хотя все время видел, что Родион спокоен, что движения его суетливы и в присутствии Боба пес порой непроизвольно взлаивает. Антон молчал все эти дни и словно бы прислушивался к себе. Я не психолог, мое дело — приборы, инструментальное обеспечение эксперимента, поэтому моя оценка происходящего на корабле субъективна и поверхностна. Внешне все шло нормально, то есть так, как сложилось с самого начала. Антон добросовестно обеспечивал эксперимент и как его объект, и как участник, но если меня спросят, ответу, что чистота эксперимента у меня вызывает сомнение. На мой взгляд, она была нарушена хотя бы тем, что Антон знал цель работы и суть ее, не зная главного. В этом смысле таить от него двойственность андроида означало обречь дело на провал. Но для меня так же очевидно, что Антон ни при каких условиях не стал бы участвовать в эксперименте, если бы знал, что Боб киборг. Тупик, теперь я это понял, тупик, из которого нет выхода.

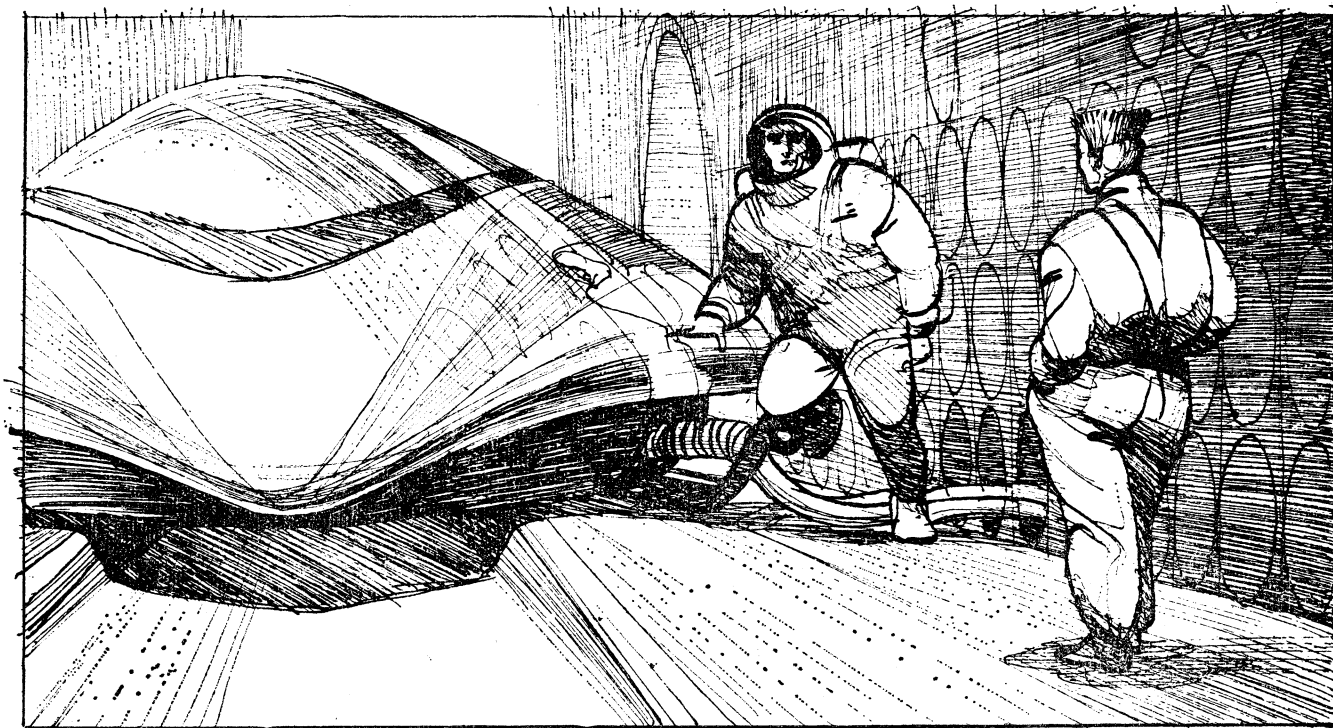
Я участвовал в работах по созданию андроида с самого начала, и, может быть, поэтому моя кандидатура в качестве третьего члена экипажа и представителя ИКИ, собственно, и не обсуждалась. Технические требования к роботу были сформулированы весьма подробно и, помню, у нас, специалистов, особых эмоций не вызывали. Машину с требуемыми качествами, а робот всегда машина независимо от того, к какому классу он относится, мы могли сделать. Но один пункт вызывал у нас недоумение — этот андроид должен был любить хозяина. Так и было записано: «любить хозяина». Представитель за-

казчика в ответ на наши вопросы пожал плечами: любить — значит, любить, определение четкое. На наши высказывания, что это вообще не определение и о четкости говорить не приходится, а скорее в области подсознания, малозученной и смутной, и уж во всяком случае лежит вне логики и потому в принципе не поддается формализации, представитель, помню, сделал большие глаза:

— Так что, по-вашему, любви нет?

Все мы были старше двадцати и моложе девяноста. Находясь в этом возрастном промежутке, отрицать любовь кто решится? Мы промолчали и шутки не приняли, подавленные грандиозностью задачи. Мы понимали — это робот для космоса, ибо не было на Земле случая, чтобы робот с такими свойствами обслуживал одного человека, да и вообще подобных универсальных роботов-андроидов еще не было, нам предстояло создать прототип. Отсюда нетрудно было сделать долгожданный, но и ошеломляющий вывод: робот предназначен для первой звездной. Официально не было объявлено, но давно ходили слухи, что проект звездной экспедиции уже предвительно прорабатывается где-то в недрах ИКИ. Видимо, до вынесения вопроса на всеобщее обсуждение — а звездная потребует объединения усилий человечества и кто знает каких жертв — Совет ИКИ счел нужным прощупать исподволь пути решения некоторых технических проблем. К ним, несомненно, относится создание звездного робота, каковая работа и была поручена нашему кусту лабораторий.

Мы снова и снова возвращались к техническому заданию, ибо нас смущал пункт о любви. Ведь до сих пор азимовские законы робототехники полностью исчерпывали нравственную сторону проблемы взаимодействия человека и робота, подразумевались как обязательные и даже не вписывались в качестве специальных требований в тексты технических заданий. В данном же случае они были перечислены полностью, а запись о любви казалась излишней, вносящей ненужную эмоциональную окраску в чисто техническую проблему. Робототехника — моя широкая специальность, а профессионально специализировался я в той ее части, которая касается передачи нейроимпульсов на исполнительные механизмы робота. Нейроимпульсов от биомозга, которого еще нет и неизвестно, когда будет, если будет. Задача выражения биомозга оказалась настолько сложной, что конечный результат в обозримом будущем даже и не просматривается. Естественный интеллект — продукт эволюции, искусственный — задача для господ бога, когда-то мы подойдем к ней. А пока я и еще несколько сотрудников из моей группы оказались специалистами в области того, чего нет. В ожидании настоящего дела мы пробавлялись построением теоретических моделей возможного и решением отдельных технических вопросов, что могло пригодиться в будущем. Мы создали прекрасные усилители нейроимпульсов, работающие почти без искажений, но кому они были нужны, если сам командоаппарат — биомозг пусть хоть самый примитивный, на уровне одних инстинктов — отсутствовал?



Не помню, у кого первого возникла эта идея. Возникла, видимо, от сознания неразрешимости проблемы. Собственно, идея была не нова: виделся киборг как синтез естественного живого мозга и машины. Киборг... Мы идею поддержали. Еще бы, ведь это придавало смысл работе над усилителями нейроимпульсов, без них киборг невозможен. Что поразительно, идея пришлась по нраву не только нам, нейромеханикам, она ни у кого не вызвала возражений, хотя, теперь я это понимаю, будучи в здравом рассудке, даже обсуждать ее без внутреннего содрогания невозможно. Мы словно пребывали в состоянии какого-то морального ступора. Моя позиция ничем не отличалась от общепринятой. Это теперь, после месяца общения с Антоном Лосевым на корабле, когда друг от друга некуда деться и возникает либо полное неприятие партнера, либо, наоборот, взаимопроникновение личностей, единомыслие, я понял, вернее — до меня дошло, в какой нравственный тупик завело нас стремление во что бы то ни стало видеть выход наших теоретических построений в практику.

Фетишизация технического прогресса, вредная, как и любой абсолютизм, породила убогую в основе своей и жуткую идею сращивания машины и человека, ведь киборг так и мыслился в самом начале...

У нас полностью замысел оформился, когда встал вопрос, как реализовать в киборге эту самую любовь к хозяину? Любовь — одну до конца, не рассуждающую, не зависящую от преходящих обстоятельств, не требующую взаимности, неустанную, единственную и всепрощающую любовь. Любовь, которая ничего

не требует взамен, лишена лукавства и расчета и не может стать обузой. Любовь в чистом виде!

Искать не пришлось: так может любить только собака. По словам Антона — лучшее из того, что создал человек...

Итак, киборг с мозгом собаки? Но разве способна она, простодушная, разобраться в технике, и в навигации, и в приготовлении еды, и в тысяче других дел, которые придется делать универсальному роботу для космических полетов? Выход из этого технического тупика был найден на пути комбинации живого мозга с мозгом электронным. Мозг электронный должен обеспечивать логическое функционирование андроида как универсального автомата и подчиняться в моменты контакта с человеком контролю мозга собаки. Эта комбинация, являясь паллиативом в основе своей, единственно обеспечивала реализацию требований технического задания: любить хозяина. И, как нам казалось, сняла все сомнения этического порядка, ведь собака не человек, с собакой можно...

Боб был первым киборгом с мозгом собаки. И с самого начала он был обречен, как обречен, теперь я это понимаю, всякий киборг. Эмоциональная, полностью настроенная на восприятие хозяина собака — здесь не нужны споры, мозг и без тела субъект — в принципе не могла ужиться с машиной. Киборг Боб был обречен, ибо победила собака. Когда Антон сказал: «Малыш...», Боб кинулся к нему, как кидался щенком там, в ИКИ, приласкаться, вильнуть хвостом, лизнуть руку... да. И принял уход Антона как необ-

ходимость, после которой жить невозможно. Отсюда и это: «Убей, хозяин». Нет, зачем я это пишу, нормальный толстокожий человек? Это ведь мы, люди, придумали киборга, мы полагали, что можно благоденствовать и радоваться жизни, зная, что рядом в немыслимой, непредставимой тоске и муке умирает кто-то, пусть собака.

Я не забуду: Антон вернулся, и я целую несчетную минуту ждал, чтобы уравновесилось давление в отсеке, и видел на экране, как Антон, торопясь, выбрасывал из катера контейнеры с накопителями. Когда я вошел, он прилаживал шланги заправки. Он выпрямился, откинул щиток шлема и смотрел на меня. Лицо его было неподвижно.

— Киборг?

Я молча кивнул.

— Ах ты, боже мой, несчастный щен!

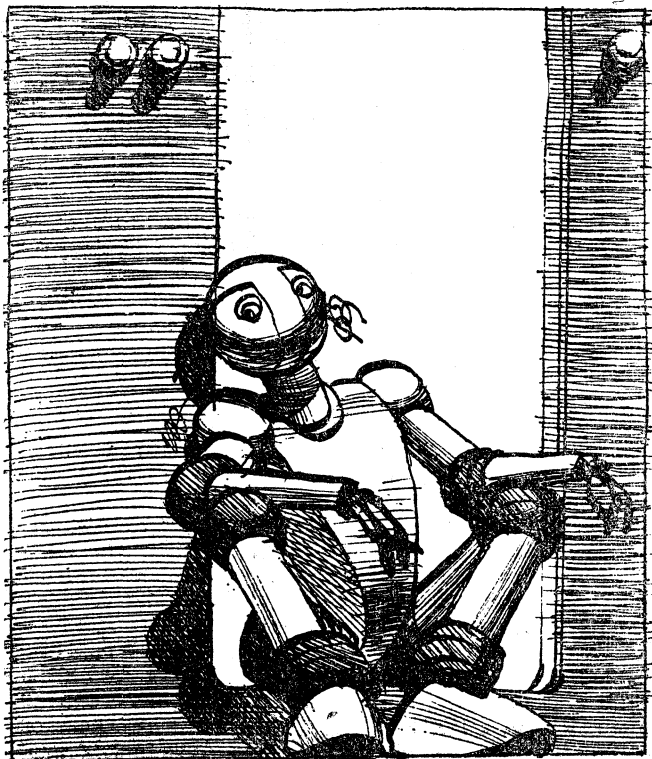
— Это бесполезно, Антон. Один вы не сможете.

Да и если бы смогли, зачем?

Он убрал шланги, взглянул на меня сузившимися от ярости и боли глазами. Я помню: движения его были четкие, неуловимо быстрые, но почему-то воспринимались мной словно бы замедленными. В кабине катера место справа пустовало. Было слышно, как царапает переборку и скулит Родион.

— Уйдите, Кемень.

Он надвинул фонарь кабины, секунду ждал, пока распухнут герметизаторы, и положил руку на пульт. Я вышел и задрал дверь в отсек, его ведь не остановить...



Подумаем, посоветуемся?

В обзоре прошлогодней почты отдела (см. «Калейдоскоп» в январском номере) мы упомянули вскользь о «заманчивых прожектах», предлагаемых читателями. О наиболее смелых из этих предложений — действительно заманчивых, однако в настоящее время для нас (нашего журнала) едва ли реальных, — мы, возможно, и поговорим, но — в будущем. Сейчас же хотим привлечь внимание к «проjektу», который намерены реализовать уже в будущем году.

«Как, наверное, многие любители фантастики, я пополняю свою библиотеку и произведениями, представляемыми вашим журналом... Хочу внести предложение. Фантастические произведения следует печатать в самом конце журнала, под единой обложкой, с тем, чтобы можно было их «безболезненно» извлечь и сделать своими руками годовой или более сборник НФ произведений и рубрики «Калейдоскоп». Если эту мысль развить дальше, то можно предположить, что нумерация страниц в нем будет своей собственной, отличной от нумерации страниц журнала, начинаться он будет в январском номере титульным листом, а заканчиваться в декабрьском — листом с оглавлением. Если уж фантазировать дальше, то можно представить и приблизительный объем такого годового сборника... Найдите мне любителя фантастики, который откажется иметь ежегодно сборник НФ из самых современных и новейших произведений! В дальнейшем, я думаю, этот раздел мог бы перерасти в приложение к журналу, однако тогда на него, очевидно, будет невозможно оформить подписку...»

Приложение-то к журналу — как раз из тех вещей, говорить о реальности которых мы пока явно не вправе: не от нас это, к сожалению, зависит. Но вот тетрадь фантастики в журнале... Об этом пишет не только И. Баскаков (Кинешма Ивановской обл.), чье письмо мы процитировали, подобные же мысли высказывают, к примеру, Е. Коптев (Нефтекамск БАССР), А. Романов (Ленинск-Кузнецкий Кемеровской обл.), С. Корольков (Новополюцк Витебской обл.), В. Ухолов (Владимир) и другие наши читатели, буквально исстрадавшиеся в связи с почти полной невозможностью покупать и читать НФ литературу, особенно современную.

Идея НФ тетради, достаточно четко ограниченной от материалов других рубрик (чтоб и они не страдали при расшивке журнала: читают-то в «Уральском следопыте» не только фантастику!), идея тетради, имеющей сквозную нумерацию страниц и самостоятельное оглавление в конце года, — принята нами и сейчас прорабатывается.

Мы не без умысла столь заблаговременно сообщаем об этом.

Сейчас, когда вы читаете эти строчки, в запасе у нас еще есть месяц-другой для того, чтобы внести необходимые коррективы в разрабатываемый нами «проjekt» (теперь уже перестающий быть только «проjektом»). Какие именно? Что, на ваш взгляд, непременно следовало бы учесть, не упустить из виду, заложить в нашу тетрадь изначально?

Подумаем, посоветуемся?
Ждем ваших соображений!



СТУПЕНИ КРАСОТЫ

Ольга УРОЖЕНКО

Нелегко сличать собственные возможности с собственными притязаниями. Трудно в обыденной жизни, — необходимо в искусстве, чтобы состоялся художник, какой бы величиной дарования он ни обладал. Известного свердловского живописца Николая Григорьевича Засыпкина нередко упрекали за «цветочки», «грибочки», за «красивые мелочи», призывали братья за темы большой общественной значимости. Немногие говорили: «Оставь себя сам».

Засыпкин хочет уйти от бешеных ритмов современной жизни, жесткого рационализма, засасывающей прозы быта, сытости, бездуховности. Он чувствует, что нравственное состояние общества нуждается в неких защитных механизмах, способных восстановить нарушенное психическое равновесие, вернуть утраченную гармонию. Он стремится успокоить сомнения, привести человека и окружающий мир в некий гармонический лад. Он хочет, чтобы зрители получали радость при встрече с его картинами, и адресует их всем и каждому. Но современный мир противоречив, а художник — явление социальное, вот почему тихая радость оказывается трудно достижимой. Его лесные сказки, сама манера исполнения, техника его живописи обнажают скрытую неуточивость, дискомфортные интонации.

Как художник Засыпкин начинал еще в довоенные годы. В армии, когда выпадали свободные минуты, рисовал, писал маслом, участвовал в армейских выставках. В 1949 году состоялась его первая персональная выставка, в 1986-м — четвертая. Они отличаются качественным изменением художественного языка, а также мироощущением художника, его взглядом на природу.

Работы середины пятидесятых годов: «Дорога», «Тайга отступает», показанные на республиканских выставках, еще, по сути, — ученические, выполнены в традициях повествовательной пейзажной живописи того времени. Вот как художник изображает лесоповал: люди жгут сучья, от костров поднимается живописный сизый дымок, около стройной сосны — лесорубы, готовящиеся к работе. В центре картины трактор гашит по бездорожью обрубку стволов: тайга отступает! В спокойном и деловитом бытписательстве нет еще предчувствия будущих экологических проблем, но как бы решил этот мотив художник сегодня?

В описанный период он не стремится преодолеть будничность взгляд на вещи. Сохраняя его в пейзажах, натюрмортах, художник укрупняет частный прозаический мотив, превращая его в самостоятельную композицию. Многие работы тех лет могли бы стать органичными деталями бытовой картины. Написанный торопливо, повествовательно, натюрморт «Грибы» (1957), как справедливо заметил писатель Николай Никитин, легко развертывается в неспешный литературный рассказ о летнем дне, грибной охоте, об усталости «уходившегося» человека.

Пейзаж «Капуста на гряде» (1964) — экспрессивней, раскованней, фактурней. Тугие кочаны блестят звонкими бликами, словно только что омытые дождем. Движения кисти с любовью следуют за изгибами формы, будто изнутри напрягают ее, рождая образ свободно растущих сил природы, земли. Натюрморт сохраняет острую свежесть натуры, не уходя ни в цветочную пестроту, ни в декоративность рисунка листьев.

В пейзажах «На реке Демид» (1964), «В краю голубых елей» (1967—1971) природные впечатления также не утрачены. Сопоставляя золотна, в основе которых лежит один натурный мотив, нельзя не отметить, что в процессе работы художник идет по пути усиления его обобщенно-романтического звучания. Стеной стоят, плотно прижав друг к другу мохнатые лапы, синие ели: огромным полукольцом опоясали мерцающую гладь реки, упругим ковром покрыли дальний горный склон. Холодная синева больших цветовых форм, масштаб основных масс: леса, неба, реки, — все узнаваемое, уральское. Солнечные лучи не играют бликами, проникающий свет растворяет еловые ветви переднего плана. Настроение внутренней сосредоточенности уральского пейзажа звучит ясно, нефорсированно.

В шестидесятых годах изменяется направленность творческих поисков художника. Засыпкин стремится преодолеть повествовательность, избежать приземленности. Утвердить красоту природы — значит, написать ее, как говорят художники, «вкусно», срабо-



Засыпкин Н. Г.





тать профессионально красивую, живописно-драгоценную вещь, и Засыпкин овладевает новым для себя «цветом — мазком». Он усиливает цветовую звучность, много работает над способами нанесения краски на холст, над техникой живописи, ибо физические свойства красочного слоя издавна считались активным образным средством. Большие цветовые плоскости разделяет многочисленными мазками — рыхлыми, плотными или прозрачными, обогащающими краску цветовыми нюансами, внутренним ритмом. Сама краска нередко выступает над поверхностью холста, превращая ее в сложно профилированный рельеф. Художник широко использует многослойное письмо, так называемые лессировки, когда сквозь верхний прозрачный красочный слой просвечивают нижние, более глубокие, создавая сложные, мерцающие глубинные переходы цвета. Это похоже на игру драгоценных камней — рубинов, изумрудов. Тем более художник широко пользуется лаками, которые придают поверхности картины сплавленность, текучесть, богатую тональными переходами. Ощущение спасительной красоты природы отождествляется с любованием сочетаниями различных живописных фактур, цветовых переливов. Засыпкин постепенно уходит от работы на природе к работе в мастерской, к разработке мотивов по памяти, а с конца шестидесятых годов постоянно возвращается к одним и тем же темам. К примеру, «Лесная сказка» — разработка темы «Вокруг пня». Малоприметный натурный мотив получает романтико-идиллическое звучание. Постоянно возвращается художник к сюжету, начинающемуся в шестидесятые годы: камни Урала, то горячие, то сдержанные по цвету, эти натюрморты так же богаты фактурными поисками.

Однако и корпусное письмо, и лессировки, и введение лаков в последнее время не удовлетворяют художника. Стремясь к ощущению полноты мира, Засыпкин, кажется, готов включить в структуру полотна запахи природы, если бы это было возможно. Поиски многооттеночности радости и красоты привели его к нечасто встречающейся сегодня технологии: художник начинает писать на картонах, деревоплите, нагружая их гипсовым грунтом и формируя в этой массе поверхность нужного рельефа — своеобразную подготовку для живописи. Декоративная объемность сообщает живописи дополнительное многообразие тональных переходов и пластических ритмов.

Серия близких по композиционному строю полотен посвящена Засыпкиным уральскому городскому пейзажу («В моем краю», «Час пик», «Город на Исети», «Тобольск. Памяти декабристов»). Найденные пейзажные мотивы узнаваемы и убедительны: Холодный ветренный день («Городской пруд»). Лучи скрытого солнца погружают всю картину в светлое серебристое сияние, лишая ее цветовой выразительности. Стремясь передать ощущение вибрирующей воздушной среды, Засыпкин отказывается от повышенной декоративности цвета. Однако большие цветовые плоскости не монотонны. Глубокие лессировки холодной-зеленой толщи воды пруда, например, напряжены проложенными сверху энергичными изгибами корпусных мазков ряби. Вместе с лаками этот красочный рельеф усиливает модуляции влажного воздуха. Построенное на соотношении огромной массы неба, безбрежной воды и узкой полоски виднеющегося на пониженном горизонте городского пейзажа, разнообразное по фактурам полотно проникнуто настроениями «ретро»: тревожащей красотой старого горнозаводского уральского города.

По мотиву к городской серии примыкает «фантазийный» пейзаж «Небесная симфония» (1976).

Засыпкин не чужд творческой фантазии. Однако его художественная практика, начиная с шестидесятых годов, последовательно показывает, что нередко в работах, требующих тонких обобщений, не хватает раскованности и смелости. Переработка натурального мотива такой, словно бы недоговоренной метафоричностью грозит обернуться претенциозностью, искусственной приподнятостью образа, полуправдой красоты. Сама манера письма создает ощущение некоей двойственности, известного разлада. Например, объемный, как будто идущий по форме мазок (в живописи последних лет), как ни странно, не усиливает, а снимает напряженность, осязательную материальность предметов. Мазок «рвет» объем, превращает поверхность в орнаментально-декоративное плоское пятно. Сочетание спокойной заглаженной поверхности и бурного объемного мазка, блестящих лаковых плоскостей и глубинной игры света в лессировках создает странно облегченный, «эмалевый» образ, вызывает смутное беспокойство, рождает чувство не обретаемой, а ускользающей гармонии и красоты.

Названные черты особенно отчетливо проявляются в работах, носящих явно поисковый характер. Они были широко представлены на четвертой персональной выставке. Засыпкин нередко забывает холст фактурными мазками. Усиленное звучание чистого цвета приводит к пестроте. Многослойная живопись полностью преодолевает природу и оказывается неглубокой «игрой в живопись». Внутренняя потребность художника в таких предельно-профессиональных поисках может быть объяснена как индивидуальностью живописца, так и своеобразной двойственностью современной духовной культуры вообще. В стремлении к красоте Засыпкин примыкает к подлинной художественной культуре, но облегченностью цвета, фактуры и, в конечном счете, художественного образа его искусство способно питать массовую культуру. Однако несомненно — лучшие его картины выходят за пределы названных поисков, что делает возможным появление новых интересных полотен.



МОЙ ГОРОД. Н. Засыпкин.



ОСЕННИЙ БУКЕТ. Н. Засыпкин.

ЛЕС. Н. Засыпкин.



ЦВЕТЫ НА ВЕТРУ. Н. Засыпкин.



ГРАНИ. Н. Засыпкин.

ОПЯТА. Н. Засыпкин.





КАМЕННЫЙ КОСТЕР. Н. Засыпкин.



ВЕСНА. Н. Засыпкин.



ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ОСТРОВА И КАПИТАНЫ

РОМАН В ТРЕХ КНИГАХ

ПРОЛОГ

Мышонок

Корабельный колокол в громадном обеденном зале, где стоял учебный фрегат, двойным ударом, слышным на трех этажах, отметил начало первой перемены. Распахивались двери. Солидные гардемарины-выпускники выходили не спеша. Строго поглядывали на кадет, которые по малолетству не обрели еще сдержанности и неслись куда-то с криками и хохотом...

Контр-адмирал неторопливо шагал среди привычного шума и суеты. Впрочем, вблизи от него суета сменялась почтительной тишиной. Гардемарины шелкали каблуками и вытягивались, в поклоне роняя с гвардейским изяществом головы. Вставали в струнку и младшие кадеты. Неукоснительно соблюдалась высочайшая инструкция, которую государь Николай Павлович изволил начертать в марте прошлого года после посещения Морского кадетского корпуса: «...непременно их (то есть воспитанников) выправить и дать им бодрую осанку и молодецкий взгляд».

Осанка была бодрая. Взгляды и вправду могли показаться молодецкими. Но не было в этих взглядах любезной императору бездумной стеклянности и единой только готовности к молниеносному повиновению. Были веселые искры, озорство мелькало. Живыми, хорошими глазами смотрели мальчики на Ивана Федоровича, который до недавнего времени был помощником директора корпуса, а месяц назад заступил на главную должность.

Крузенштерн знал почти каждого. Как зовут, какие успехи в учении, издали ли приехал в корпус и кто родители. Только у самых маленьких, появившихся недавно, путал еще имена.

Мальши отдельной стайкой шумели и резвились в середине широкого коридора. Это были воспитанники резервной роты, образованной в прошлом году еще прежним директором, Рожновым. Мальчики десяти-двенадцати лет. Те, что веселы и бойки в своем кругу, но плачут по ночам, вспоминая о родном доме.

Крузенштерн обошел их сторонкой, чтобы не встревожить начальственным появлением.

Он был в десятке шагов от малолеток, и тогда

неясное беспокойство остановило его. Что? И память подсказала: несколько секунд назад привычно-цепкий взгляд подсознательно отметил чуть в стороне от шумных кадетиков шуплую поникшую фигурку.

Крузенштерн прошел назад (мальчишки притихли и выжидательно встали прямо), отыскал глазами того, стоявшего отдельно, встретился с ним взглядом. Сказал мягко:

— Подойдите ко мне, голубчик.

Мальчик сделал несколько по-уставному твердых шагов, встал навтыжку. Ростом чуть выше адмиральского пояса. Курносый, с лопухастыми ушами, с рыжеватой короткой стрижкой и бледными редкими веснушками. С тонкой шеей, для которой велик высокий круглый воротник однобортного узкого мундирчика (их недавно ввели вместо двубортных, неуклюжих и старомодных). Поднял, как положено, острый подбородок, но в лицо директору не посмотрел. Серыми глазами, испуганными и горькими, уперся в пуговицу на груди адмирала. Представился по форме, но без положенной бойкости:

— Резервной роты вверенного вам корпуса кадет Алабышев, ваше превосходительство.— И опустил голову.

Крузенштерн двумя пальцами приподнял его подбородок.

— А как зовут кадета Алабышева?

— Егор... ваше превосходительство.— И глаза намокли.

— Ну, а что же случилось с Егором? Пойдем-ка, побеседуем...

Он ладонью прихватил Егора Алабышева за спину, ощутив под сукном острые мальчишечьи лопатки. Отвел к нише узкого глубокого окна. В стеклах отражались желтые лампы. За отражениями мутно серело позднее ноябрьское утро. Нева еще не встала, но о близкой зиме напоминал снег, густо летевший вдоль набережной. Сквозь косые линии снега проступали мачты и такелаж фрегата, что стоял против корпуса.

Резервной роты кадет Алабышев за окно не смотрел. И на адмирала не смотрел. Голова опять висела ниже плеч.

— Наверно, неуспехи в учении?— спросил Крузенштерн.— Сие поправимо, не надо только отчаиваться. Моряку должно иметь старание и твердость.

Егор всхлипнул и еле заметно качнул головой.

— Тогда знаю,— сказал Иван Федорович ласко-

Книга первая

ХРОНОМЕТР

(Остров Святой Елены)

Рисунки Евгения Охотникова



вее прежнего.— Из дому долго не было писем, да? Но и в этом нет великой беды. Так бывает у каждого, а потом письма приходят целой пачкой. Вы уж мне поверьте... Или не в письмах дело? В чем же?

Егор всхлипнул опять, крупная дрожь трянула его.

— Командир роты... господин капитан-лейтенант Берх... приказал...

— Что же приказал господин капитан-лейтенант?

— После классов... явиться в экзекуторскую.

— Что? — нервно сказал Крузенштерн. И подумал, представивши хлыщеватого, с желтым костистым лицом и залысинами Берха: «Ах ты с-сукин сын! Я же предупреждал...»

Но кадета Алабышева спросил с ноткой строгости:

— В чем же вы сумели так провиниться?

— В том случае... когда в кивер дежурному офицеру... мышонка...

Крузенштерн, сдержав улыбку, сказал с удивлением:

— Пойдите. Я знаю об этой прискорбной шалости, но виновники сами признались и раскаялись. При чем же здесь вы?

— Я тоже был там... немного после... И меня затешили.

— И решили, что виноваты в сем недостойном поступке вы?

Егор опять вздрогнул плечами и кивнул.

— Но за что же вас хотят наказать сейчас, когда виновные известны?

— За слушание... — прошептал Егор

— Не понимаю.

— Когда они еще не признались, господин Берх... приказывал, чтобы я их назвал, если сам не виноват... Он говорил: «Раз вы были там же, должны их знать»...

— А вы знали?

Егор еще ниже нагнул голову.

Крузенштерн понимал отчаянное положение маленького кадета. Новички с первых дней постигали законы корпусного товарищества. Выдать виновника начальству считалось предательством, жизнь ябедника превращалась в каторгу. К тому прибавлялись и угрозы совести: «Я — нарушитель чести...»

— Господин Берх говорит... раз я не назвал виновных, значит, не выполнил приказа... и нынче меня накажет...

«Нашел чем пугать ребенка, хлыщ», — подумал Крузенштерн. Он по себе помнил то жуткое чувство, смесь тоскливого стыда и ужаса, когда звучит такой приговор. И тягостную безнадежность, обморочное замирание перед низкой, плотно сколоченной дверью, за которой это должно случиться. Почему-то такие двери выглядели одинаково и здесь, и в бытность корпуса в Кронштадте, когда самого Крузенштерна только зачислили в кадеты...

Слава богу, он своим приказом накрепко закрыл эту дверь, отменивши в корпусе подобные наказания. Сделал это, несмотря на недовольство в Морском министерстве и на скептическое замечание господара.

Но мальчик-то про приказ не знает и сейчас в отчаянии.

— Егор... — негромко сказал Крузенштерн. Тот быстро поднял остренькое лицо. В глазах — и боязнь, и надежда. Бедняга... — Я поговорю с вашим командиром. Уверен, что, проявивши вначале строгость, он будет теперь снисходителен... Но скажите мне: а что вы все-таки делали в дежурной комнате?

Голова кадета Алабышева опять упала. И даже при неярком свете ламп стало видно, как наливаются краской его оттопыренные уши.

— Ну же, Егор, — добродушно поторопил Иван Федорович. — Давай без утайки. Ежели ты в чем-то и виноват, то на сей раз это останется между нами.

— У мышонка лапки были связаны... Жалко стало, я хотел отпустить... Чтoб никто не знал...

Колокол гулко просигналил о конце перемены.

— Ступай в класс, Егор. Я поговорю с командиром роты.

«Надо и в самом деле поговорить решительно, — думал он, поднимаясь на третий этаж, в рабочий свой кабинет. — Наказать кадета самовольно никакой офицер теперь, конечно, не смеет, но держать воспитанников в ежечасном страхе такие берхи еще не отучились... Где Рожнов откопал эту сухую бестолочь? Разве такой командир нужен малолеткам, кои лишь недавно взяты из дому и с трудом живут без родительской ласки?.. Сей вопрос, видимо, требует решения в самое скорое время...»

В кабинете уютно несло теплом от сине-белых изразцов голландской печи. Шторы были задернуты. Крузенштерн не любил пасмурного осеннего света, хотя врачи говорили, что именно такой свет более всего полезен для больных глаз. Нет, пусть уж лучше свечи.

Свечи горели мягко, но ярко. Отблески лежали на модели «Надежды», на медных кольцах глобуса в углу кабинета.

Матрос Григорий Конобеев выгребал золу из протопленного с вечера мраморного камина с толстоцекиными амурами наверху (тепла хватало и от печи, но Иван Федорович, работая по вечерам, любил, чтобы в камине был огонь). Конечно, приборку следовало кончить до прихода адмирала. Однако Крузенштерн не сделал упрека. Григорий был не просто служитель, а старый товарищ по давнему плаванью вокруг света. Сумрачно-добродушный, преданный «нашему капитану» ворчун, ныне причисленный к корпусу.

— Здравствуй, Матвеч.

— Доброго здоровья, Иван Федорович... Вот опять бумаги пораньше с утра дежурный офицер принес... Говорит, что от господина капитан-лейтенанта Коцебу... Надо же, какой известный теперь Отто Евстафьевич сделался. А на «Надежде»-то совсем мальчонка был, вроде наших нынешних...

— Такой и был, Матвеч. Тоже кадет, только сухопутный. Отец упросил взять в плавание, — поддакнул Крузенштерн старому матросу, хотя беседовать не хотелось.

— Сухопутный, а каким лихим капитаном стал. Вот оно как поворачивается...



Бумаги оказались корректурой новой книги Коцебу — «Путешествие вокруг света, совершенное по повелению государя императора Александра Первого на военном шлюпе «Предприятии» в 1823, 24, 25 и 26 годах».

К этой книге Крузенштерн прямого отношения не имел, послесловия, как к первому плаванию Коцебу, не писал, но к подготовке сей экспедиции приложил немало сил. Потому и прислал благодарный Отто своему старому командиру пробные оттиски отчета о путешествии.

Крузенштерн притянул к себе полосы серой бумаги, радуясь крупным буквам и отчетливой печати. ...Коцебу рассказывал о путешествии сжато, не в пример первой своей книге о плавании на «Рюрике», в которой хватало живых описаний и красот. К тому же многое Иван Федорович знал уже из рассказов Отто и рапорта его Морскому штабу. Поэтому не стал читать подряд, а отыскал (с некоторым стеснением в душе и даже робостью) страницу, где были слова:

«После весьма быстрого одиннадцатидневного плавания от мыса Доброй Надежды мы 29 марта пришли к острову Св. Елены...»

Об острове Отто писал пространно. Более всего — о поездке в те места, где жил в ссылке знаменитый недруг России Наполеон и где была потом его могила.

А о другой могиле, русской, не было ни слова...

Трудно поверить, что моряки не побывали на кладбище, где двадцать лет назад похоронен был их земляк и товарищ. Видимо, Коцебу решил, что рассказ об этом не нужен читателям. Или, всего скорее, не захотел беречь память ему, Крузенштерну...

Но разве от этого уйдешь? Разве забудешь?

Крузенштерн читал:

«Путешественник, приближаясь к острову Св. Елены, видит со всех сторон одни черные, высокие, остроконечные скалы, рождающие в душе его самое мрачное и унылое понятие о сем острове, но, находясь на возвышении, видит, что природа сокрыла в безобразной и страшной оболочке очаровательные прелести...»

...Моряки «Надежды» в мае 1806 года увидели этот остров таким же. Сначала — грозное и печальное впечатление, а позже — удивление перед тихой красотой и чувство долгожданного отдыха. Первые три дня, пока не случилось беды, всем казалось, что попали в самый счастливый и уютный уголок земли. Одно огорчало капитана: в гавани острова не оказалось «Невы», с которой расстались в тумане вблизи меридиана мыса Доброй Надежды.

Тогда еще не знали, что Лисянский, вопреки уговору, сделал решение не заходить к острову Святой Елены, а идти прямо в Европу. Подбивало желание совершить небывало длинное и скорое плавание от Китая до Англии без захода в промежуточные порты. Что же, Юрий Федорович с блеском исполнил сей подвиг, изумивший всех, кто понимал в морском искусстве. И «Нева» пришла в Кронштадт на две недели ранее «Надежды»...

Кто-то пустил потом слух, что случай этот испортил дружбу двух капитанов. Неправда это!

Да, жизнь как-то развела потом Крузенштерна и Лисянского, реже стали встречи, короче письма. Но не было между ними вражды и зависти. И ссоры не было ни разу... В тот день, при первой встрече в Кронштадте, когда остались в каюте одни и Лисянский откупоривал бутылку привезенной из Кантона мадеры, Крузенштерн только и сказал:

— Мальчишка ты все-таки, Юрий...

Тот и в самом деле похож был на мальчишку. Курчавый, румяный. Пушистые бакенбарды казались приклеенными к детскому пухлогубому лицу. И глазами стрельнул по-мальчишечьи. Сказал дурашливо, как в бытность еще малым кадетиком:

— Сердишься? Прости, я больше не буду...

— Нет, ну в самом деле, о чем ты думал? А если бы напоролись поодиночке на французских каперов? Война же.

— Ну и напоролись бы. Пушки зачем?

— Но это же тебе не с колюжами на Ситхе воевать! Что наши пушки против большого фрегата? У меня их всего двенадцать, несколько оставил на Камчатке по просьбе Кошелева...

Лисянский ответил весело, пряча виноватость:

— Брось! Ты в стольких баталиях порохом прокопчен. Неужели сдался бы какому-то каперу?!

— Не сдался бы, но и гибнуть в конце пути радость невелика. Да и с тобой могло быть то же. Тем более, понесло тебя Английским каналом, чуть не в зубы неприятелю.

Юрий весело тряхнул кудрями. Крузенштерн сказал с досадой:

— Лихой ты капитан, Юра, но твоей лихости еще бы здравого ума поболее...

Лисянский вздохнул. Ответил уже без улыбки:

— Люди домой рвались. Вот и решил я — прямо в Европу. Тебе остров Святой Елены интересен, а мне что? Я его в свое время вдоль и поперек искодил. Чего я там не видел?

«Могилы Головачева ты там не видел», — сумрачно подумал Крузенштерн. Но о том не сказал.

А хотелось сказать. Потому что сверлила мысль: приди «Нева» на Святую Елену, и, может быть, не случилось бы несчастья. Конечно, прямой связи здесь не было. Мог и тогда лейтенант Головачев совершить свой непоправимый поступок. Но, возможно, что-то и помешало бы. Всякое, даже маленькое изменение в обстановке иногда поворачивает события по-другому. Кто знает, может быть, присутствие «Невы» у острова построило бы в другом порядке цепь тогдашних дел, встреч, разговоров. И могло случиться, что Головачев не оказался бы в то утро один в каюте...

...Крузенштерн отодвинул бумаги, прикрыл глаза. Нет, Лисянский не мог предвидеть того несчастья, ни в чем он не виноват. Если уж искать виноватых, то смотреть надо в самое начало экспедиции. Не окажись в ней Резанова, не случилось бы многих бед. Но сейчас что ему делить с Резановым и кто их рассудит? Ранняя несчастная смерть Николая Петровича в Сибири, а перед тем достойная чувствительных романов любовь его к калифорнийской красавице, окружили имя Резанова ореолом...

В нынешние дни о Резанове один Василий Михайлович Головин решил сказать нелицеприятные слова. Вот как написал: «Он был человек скорый, горячий, затейливый писака, говорун, имевший голову более созидать воздушные замки, чем обдумывать и исполнять основательные предначертания... Мы видим, что он наделал компании множество вреда...»

Если бы одной компании!

Действительно, создавать фантазии Николай Петрович умел. Иногда — самые нелепые. Это надо же придумать: «На «Надежде» бунт против государя императора!»

Впрочем, следует оставаться справедливым: был Резанов по-своему честен и достаточно смел. Временами... Но порою удивлял всех пустыми страхами и комедианством.

Однако хватит о нем. Головин сказал — и того достаточно. Головин вообще самый прямой в суждениях и смелый среди знаменитых нынче русских капитанов (недаром были разговоры о связях его с теми, кто вышел на Сенатскую площадь). Смелее всех, с документами на руках, доказал, как бесчинствуют на Кадьяке и других островах приказчики Российско-Американской компании. Специально для того ходил на Кадьяк на шлюпе «Камчатка». Проверил досконально и подтвердил сведения Лисянского о жестокостях и алчности компанейских купцов и начальников. Но тому же Лисянскому всыпал в журнале «Сын отечества», а потом и в книге своей за неверно составленную карту Чиниатского залива. Из-за неточности едва не села «Камчатка» у Кадьяка на рифы, что могло кончиться полной гибелью. И напрасно писал любезный Юрий Федорович гневную ответную статью. Уж коли виноват, нечего спорить. За храбрость, за мореходное умение и открытия тебе честь, но легкомыслие и ошибки в морском деле могут принести беды немалые...

Мысли замкнули круг и от Лисянского снова пришли к острову Святой Елены. Крузенштерн потрянул головой и взялся за оттиски сначала. Надо было все же прочитать их по порядку.

Колокол между тем уже не раз отсчитал перемены...

В четыре часа пополудни Иван Федорович из квартиры, что находилась в первом этаже корпуса, снова прошел в кабинет. Мысли были теперь не те, что с утра. Множество планов требовало от нового директора и множества забот. Нужны новые науки и новые профессора. Нужны классы, где лучшие морские офицеры могли бы продолжать обучение... Летняя практика на учебном корабле должна проводиться для гардемаринов ежегодно... Для матросских детей необходима школа. И пора взяться за постройку дома для семейных матросов, что служат при корпусе. А то живут в подвалах с женами и детьми и даже с внуками, как Матвееч...

Григорий, словно откликнувшись на мысли, опять появился в кабинете. Шаркая ногами, направился к окну, раздернул шторы.

Сказал очень хмуро:

— Свечи-то уж можно погасить.

— Погаси,— согласился Иван Федорович.

За окном пробилось в облачную щель неожиданное солнце.

Григорий сердито дунул над канделябром. Стало темнее, но солнечные полосы резко и весело загорелись на стеклах книжных шкафов. Григорий открыл дверцы, начал протирать корешки. Приблизился в книгах разрешалось ему одному.

— Ты что не в духе? — усмехнулся ему в спину Крузенштерн.— Жена, небось, опять пилила? Или ввук не слушает?

— Чего ему не слушать? Я с детишками всегда слова найду, без всякого озверения. Не то что некоторые...

— Да что случилось-то, Матвееч?

— А то, что, конечно, воля ваша, только не дело это, ваше превосходительство...

«Ваше превосходительство» вместо привычного «Иван Федорович» пуше многих слов сказало, как рассержен старый матрос.

— Да объясни ты толком! Какое «не дело»?

— А такое... Сами говорили, что не будет больше этого. А теперь мальчонку исхлестали, будто загульного матроса.

— Какого... мальчонку? — От догадки нервным ознобом свело на щеках кожу.

— Будто не знаете... Самого малого из них, Егорку Алабышева. Которого Мышонком кличут... И хотя бы за что, а то ведь...

«Господи,— подумал Крузенштерн,— это же я виноват! — Он всей душой ощутил отчаянье и боль этого Егорки. Его ужас и слезы. Особенно после того, как Мышонок поверил в спасение! — Это я виноват! Не сказал Берху вовремя!.. Но как я мог подумать, что этот мерзавец осмелится?..»

Григорий, встревожившись долгим молчанием адмирала, оглянулся. Увидел его лицо.

— Да неужто не знали?.. Иван Федорович, простите дурака, Христа ради...

Крузенштерн через силу сказал:

— Матвееч... Пригласи дежурного офицера, голубчик.

Григорий торопливо зашаркал к двери. Крузенштерн сидел, стискивая горячими пальцами щеки.

Бравый мичман возник на пороге.

— Ваше превосходительство! Дежурный офицер вверенного вам корпуса мичман Васнецов по вашему...

Крузенштерн движением ладони остановил его. Помолчал несколько секунд, стараясь унять гнев. И все же не сдержался:

— Бывшего командира резервной роты Берха ко мне...

Удивление мелькнуло на лице мичмана и, кажется, удовольствие: видимо, сей офицер не жаловал Берха. Он щелкнул каблуками. Григорий, оказавшись в дверях, посторонился.

— Матвееч,— мягко сказал Крузенштерн,— ты кока ступай. Я тут разберусь... Дверь не закрывай.— Ему не хотелось откликаться на стук.

Берх шагнул в кабинет.

— Честь имею явиться по приказу вашего превосходительства. Вверенного вам корпуса резервной роты командир капитан-лейтенант Берх.

Согнувшись над столом и глядя исподлобья, Крузенштерн глухо сказал:

— Как смели вы, сударь, нарушить мое распоряжение...

От этого презрительно-штатского, хлесткого, как пощечина, «сударь» Берх дернул щекой и веком. И помолчав на секунду более, чем дозволено приличием и дисциплиною, произнес:

— Покорнейше прошу ваше превосходительство указать, какое распоряжение я нарушил.

— Следует ли думать, что вам не известен мой приказ воздерживаться от наказаний, подобных тому, какое вы применили к кадету Алабышеву? А если уж возникает прискорбная необходимость, то делать сие только с моего личного разрешения...

— Я считал, ваше превосходительство, что приказ касается запутанных и сложных случаев. Сей же случай был так прост, что я полагал ненужным беспокоить ваше превосходительство. Вина кадета Алабышева была очевидна.

«И вины-то никакой не было,— подумал Крузенштерн.— Да и в этом ли дело?» Но говорить с подлецом о человеческих чувствах, о сострадании — все равно, что рассуждать с нукагивским королем Тапегой про Бугерово сочинение о навигации. Бить надо было тем, что ему, Берху, доступно: параграфами.

— Как вы сказали? — переспросил Крузенштерн.— Вы полагали?

Холодное, невидимое собеседнику бешенство вдруг поднялось в нем — со звоном в ушах, с ненавистью, но и с ясностью в мыслях. То, что испытывал он порою, когда сталкивался с тупостью, самодовольством и жестокостью. То, что испытал впервые, неожиданно, в тот давний день на шканцах, у Нукагивы. Тогда в словах Резанова прозвучала нагло-снискводительная интонация, которая только что еле заметно скользнула у Берха.

Впрочем, сейчас Крузенштерн удержался от вспышки.

— Вы полагали... — тяжело повторил он.— А ведомо ли вам, что полагать и принимать свои решения офицеру Российской империи можно тогда, когда он в самостоятельном плавании, в бою или иных обстоятельствах, где требуется его личная ответственность? Находясь же в ежедневной службе под началом старших командиров, он первой своей обязанностью имеет выполнение инструкций и приказов, ему отданных.

Берх опять дернул щекой и сказал, не теряя почтительного достоинства:

— Я учту замечания вашего превосходительства.

Крузенштерн откинулся на стуле. Сжал и расслабил лежавшие на столе кулаки.

— Замечания? Учитывать их вам уже нет надобности, вы более не наставник в корпусе. Но это еще не наказание, а лишь необходимая мера оградить воспитанников от вашего пагубного влияния. Поступок же ваш столь чудовищен, что я не решаюсь дать ему полную оценку и в рапорте Морскому штабу

попрошу сделать это высших начальников... Пока же отправляйтесь под домашний арест и ждите решения. Если вам сочтут возможным сохранить офицерское звание, штаб, наверное, подыщет для вас место на корабле.

— Слушаюсь,— отрешенно отозвался Берх. И добавил неожиданно: — Я и сам имел намерение проситься в эскадру.

— Отменно! — вырвалось у адмирала.— По крайней мере, ваша любовь к употреблению линьков и розог будет там не столь опасна. Взрослые матросы переносят зверства легче детей.

Берх заговорил опять. То ли ему было уже все равно, то ли он не боялся быть дерзким, имея сильных заступников.

— Смее уверить, ваше превосходительство, что в отношении матросов я всегда строго придерживался правил, установленных для русских военных кораблей.

Крузенштерн посмотрел ему в лицо. Они понимали друг друга. Ох как ненавидели и понимали!

— Я вижу ваш намек, господин капитан-лейтенант,— проговорил Крузенштерн, слегка расслабляясь.— Вам угодно сказать, что «Надежда», которой я в свое время командовал, была скорее купеческим, нежели военным кораблем. Но замечу, что на любом судне главная задача командира — не строгость ради строгости, а всемерное попечение об экипаже. Это правило дало мне возможность вернуться из плавания, не потеряв ни одного человека.

Опять дрогнула щека у Берха, и он переглотнул. Словно загнал в себя чуть не вырвавшиеся слова.

— Говорите, если что-то хотели,— усмехнулся Крузенштерн.— Лишняя ваша мелкая дерзость не усугубит главной вины, не бойтесь.

— Я не хотел сказать ничего дерзкого. Замечу только, что Андрей Иванович Головачев хорошо знаком с нашей семьей. И он помнит судьбу несчастного своего брата...

«От этого и правда никуда не уйдешь», — подумал Крузенштерн. Помолчав, он медленно встал.

— Ну что же,— сказал он, глядя поверх головы Берха.— Желая задеть меня, вы добились своего и тронули больное место... Однако, говоря о благополучном возвращении, я имел в виду матросов. Лейтенант же Головачев — блестящий моряк и офицер — стал жертвой тяжелых обстоятельств, недуга и собственных острых представлений о чести... — «О которых ты, сукин сын, понятия не имеешь», — добавил он мысленно. И продолжал: — Совесть наша друг перед другом чиста. А если есть чья-то вина, то теперь нас рассудит только всевышний... Ступайте...

Когда Берх вышел, Крузенштерн постоял у окна, машинально ощупывая глазами такелаж и рангоут фрегата. Отметил досадный перекося фор-брам-рея и провисание грот-стеня-штага. Ждал, что воспоминания об острове Святой Елены спать неумолимо и тоскиливо лягут на душу. Но нет, не случилось. Потому что другая тяжесть — стыд и вина перед маленьким Егором Алабышевым были сильнее других чувств. Иван Федорович тяжело прошел к порогу.

Григорий маячил неподалеку от двери.

— Матвейч, иди сюда... Что мальчик? Они его... сильно?

— Может, и не так уж сильно по первости. Да обидно же... Съезжился в спальне, все еще плачет.

— Приведи... если он может.

Следовало бы пойти самому, но не смог себя заставить: как будто смотреть кадеты на директора, который обещал защиту и предал!

Он сел в кресло — не к столу, а у камина.

Минут через пять вошел Григорий, ведя осторожно за плечи Егора. Тот глядел в пол.

— Подойди ко мне, — тихо сказал Крузенштерн.

Алабышев подошел, сбивчиво ступая по ковру. Встал в двух шагах от кресла. На опущенном лице разглядел Крузенштерн разводы от слез, на ресницах — капли. Он привстал, взял мальчика за локоть, притянул ближе. Локоть затвердел; твердость эта от злого недоверия и обиды.

И тогда Иван Федорович сказал то, что ни в коем случае не должен говорить командир подчиненному и уж тем более адмирал крохотному кадету:

— Егорушка, ты прости меня. Я же не знал...

Егор взметнул ресницы — так, что слетели с них брызги.

— Я помыслить не мог, — вполголоса говорил Крузенштерн, — что он посмеет так... без моего ведома... Думал — пугает...

Егор шепотом спросил:

— Значит, вы не разрешали?

— Да что ты! Как же я мог?

Егор всхлипнул, но уже как-то размягченно. Сам придвинулся еще на полшага. Лицо его было на одном уровне с эполетом сидящего адмирала. Крузенштерн взял в ладони его маленькие холодные пальцы.

— Я ведь знаю, как это горько... Наверно, сперва хотелось уйти куда глаза глядят, корпус бросить навеки... Так ведь?

Егор кивнул. Но вдруг сказал без жалобы, тихо, но жестко:

— Но теперь не хочу. Я стану офицером.

Крузенштерн печально улыбнулся:

— И думаешь: только получу офицерский чин и тут же вызову этого Берха на дуэль...

Егор опять вскинул ресницы, но сразу набычился:

— Да. Вызову.

— Ну, что же, вызови, коли будет охота... Но кажется мне, ты к тому времени поймешь: не стоит он того... — Крузенштерн опять говорил то, чего говорить не следовало по законам дисциплины. Зато ладонь Егорушки теплела. — К тому же сей Берх и без этого наказан уже порядочно. К роте более не вернется.

Егор шмыгнул носом. Так же, как после долгих слез, успокаиваясь, шмыгают все дети. «Слава богу», — подумал Крузенштерн и сказал:

— На дуэлях люди голову рискуют, а это ни к чему. Если уж отдавать жизнь, так за большое дело, за отечество. За людей, которых защищаешь. Обещай это. Хорошо?

Егор поспеел и ответил шепотом:

— Хорошо...

— Молодец... Тебе худо пришлось нынче, но уж коли так случилось, запомни это не ради одной обиды. Станешь капитаном, будешь командовать многими людьми. Капитан в море — он один царь и бог над всеми, кто на корабле. Не чини тогда людям жестокостей, помни, как горька несправедливость и боль... И на меня не сердись, ладно?

Егор смотрел теперь прямо:

— Я не сержусь, ваше превосходительство. Честное слово.

— Не надо «превосходительство». Мы ведь не по службе тут беседуем. Иван Федорович я... Сколько тебе лет-то, Егор?

— Десять с половиною, ва... Иван Федорович.

— Годы быстро бегут... Ох как быстро, Егор. Будет когда-нибудь у тебя свой корабль, пойдешь вокруг света. И забудешь, как звали тебя Мышонком... — И встревожился адмирал: — А почему так зовут? Уж не обижают ли товарищи?

«Если и обижают, не скажет», — подумал он.

Но Егор Алабышев улыбнулся по-хорошему. И сказал смущенно, однако без досады:

— Это не для обиды так прозвали. Когда все гуляют, я с книжкой люблю сидеть. Ребята говорят: «Шуршишь, как мышонок в углу...» А потом просят рассказать, что читаю...

— Про что же читаешь? — улыбнулся и Крузенштерн.

— Про плаванья... Вашу книгу тоже читал, «Путешествие вокруг света»...

— Да? А еще про что?

— Еще Василия Михалыча Головнина «В плену у японцев»... И Юрия Федоровича Лисянского, который плавал вместе с вами...

— Лисянский плавал более один, чем со мною, у него особые заслуги... Значит, мечтаешь о море?

— Так точно, в... Иван Федорович. Я очень плавать хочу... Мы этим летом у нас в деревне корабль из плота сделали на пруду. И парус был... Я чуть не потонул один раз...

— А вот тонуть-то не смей, — засмеялся Крузенштерн, вспомнив детские игры в имени под Ревелем. — Тебе плавать и плавать, целую жизнь. Может быть, героем станешь, как многие наши офицеры в недавнем бою под Наварином... Слышал ли?

— Конечно! Михаил Петрович Лазарев на «Азове» разом с пятью кораблями дрался и все потопил!.. А перед тем он два раза ходил вокруг света и с капитаном Беллинсгаузеном новые земли открыл в Южном море... Говорят, про их плавание тоже есть книга. Я слышал, но не читал...

— Есть... Я скажу новому командиру роты, что завтра ты свободен от классов. Пойдешь в библиотеку, возьмешь какие хочешь книги и читай на здорье.

— Младших туда в будние дни не пускают, только по воскресеньям.

— Я распоряджусь... А ты за это дай мне одно обещание. Дашь? Не бойся, оно легкое...

Глаза Егора совсем уже высохли. Он глянул с хитринкой:

— А про что обещание, Иван Федорович?

— Как станешь знаменитым мореходцем, откроешь новые острова да напишешь про них свою книгу, не забудь прислать в подарок мне, старику... Коли буду жив... Обещаешь?

Офицер Российского флота Егор Алабышев не написал своей книги. У него была иная судьба. Но Крузенштерна он помнил всю жизнь. До последнего дня, до последней вспышки...

Часть первая

МЕДНЫЙ ЗВУК ЧАСОВ

Новогодние сюрпризы

Месяц звонкий и рогатый
С неба звезды сгреб лопатой!
Новый год, Новый год,
Нынче все наоборот!

Эти стихи 29 декабря сорок седьмого года сочинил ученик четвертого класса «Б» новотуринской начальной школы номер десять Толик Нечаев. Они сами придумались, когда Толик волок с базара елку.

С елкой Толику несказанно повезло. Хотя и не сразу.

Часа два Толик топтался на городском рынке, в огороженном квадрате, который назывался «Елочный базар». Елок хватало, но тоска брала, когда он смотрел на однобокие уродины с редкими ветками. Правда, можно было купить два таких «инвалида» и связать вместе, но душа Толика восставала против поделки. Елка должна быть без всяких обманов и хитрости, одна и настоящая! Какая елка — такой и праздник получится.

Среди покупателей возник было неуверенный слух, что, может быть, еще привезут елки, прямо из лесничества. Но продавщица — тетка в могучем тулупе — развеяла надежду:

— Ишшо чé! Вечер на дворе. Берите эти, завтра и таких не будет.

Толик понимал, что это скорее всего правда. Вот балда-то! Надо было раньше покупать. Все тянул, хотел, чтобы свежая была... А может, завтра все-таки привезут?

Толик продрог, в варежках коченели кончики пальцев. Так ничего и не выбрав, побрел Толик с рынка. И уже за воротами увидел красавицу ель.

Она была темная, голубоватая, с чешуйчатыми шишками в тени разлапистых веток. Ее наверняка только что привезли из леса: в хвое светился снежок. Поблескивали сосульки. От оранжевого, очень яркого заката в сосульках дрожали огоньки. Караулил елку низенький краснолицый мужичок в рыжем полушубке. Он притопывал и нерешительно погля-

дывал на редких прохожих: то ли кого-то ждал, то ли побавивался. Может, милиции?

Толик задрал голову и спросил жалобно и восхищенно:

— Продается?

— Н-ну... — неохотно отозвался мужичок.

— Сколько? — выдохнул Толик.

Мужичок глянул сумрачно и рубанул:

— Тридцать рублей.

Катись, мол, не для тебя товар.

Толика и правда отшатнуло. С точки зрения здравогомыслящего человека цена была непомерная.

За эти деньги можно не меньше десяти раз сходить в кино. Можно купить похожий на фотоаппарат фильмоскоп и к нему еще (если добавить сорок копеек) цветную ленту. Например, «Халифа-аиста» или «Оборону Севастополя». А лучше всего — автомат! Ствол и диск у него деревянные, зато приклад от настоящего ППШ. Видно, после войны автоматы в больших количествах стали уже не нужны, и оставшиеся на заводах заготовки пустили на игрушки. Такой почти настоящий ППШ с трещоткой стоил как раз тридцатку. Толик не раз об этом думал, когда пересчитывал деньги. Но он не поддался никаким соблазнам. Главное — елка и все волшебные новогодние радости...

Делать сбережения было нелегко. На пирожках в школьном буфете и на кино много не сэкономишь. У мамы тоже лишний рубль не выпросишь. Не потому, что маме жалко, а потому, что зарплата у машинисток — «кот наплакал»... А еще эта реформа две недели назад! Конечно, здорово, что отменили хлебные карточки, теперь можно есть досыта. И новые деньги — красивые такие, просто удовольствие их разглядывать. Да только меняют-то их на старые один рубль за десять. Толик чуть не заревел, когда узнал про такое. С осени копил, старался, а теперь что?.. Скоро стало известно, что мелочь обменивать не надо: медяки и «серебрушки» останутся прежними. И Толик обрадованно потряс жестяной копилкой...

В общем, так или иначе, а расплатиться с мужичком в рыжем полушубке Толик мог. Но все-таки он жалобно сказал:

— А может, двадцать пять, а?

Мужичок глянул с интересом. Но ответил непреклонно:

— Я ее по заказу с участка тащил, одному артисту драматическому в театре. А он говорит теперь: не надо. А я зря надрылся, да? Тридцать.

Толик сдернул варежки, подышал на пальцы, расстегнул пальтишко. В пришитом к подкладке кармане лежали его капиталы...

Мужичок пересчитал новые рубли и трешки и стремительно подобрел:

— Вот и ладненько!.. А как потащишь-то?

— Я близко живу, — торопливо соврал Толик. Он испугался, что мужичок передумает.

— А коли близко, давай подмогну...

— Да нет, я сам! Тут рядом!

А жил он ой-ей-ей где — почти через весь город топтать.



— Ну, держи... За середину берись, чтоб ловчее нести...

Мужичок навалил ель на Толика, и тот оказался в хвойной чаше. Праздничный запах снежного новогоднего леса вскружил ему голову. Но тяжесть оказалась вовсе не праздничной. Толик пискнул и поволок поуклю по Рыночному переулку. Со стороны казалось, наверно, что упавшая набок большущая елка сама семенит куда-то на слабых ножках в подшитых валенках.

Так он добрался до улицы Коммунаров — центральной «магистральной» Новотуринска. Уложил елку на обочину, выбрался из-под веток и понял, что силы свои немислимо переоценил.

Изредка проезжали автобусы. Но разве залезешь туда с такой громадиной? Даже в открытый, переделанный из полуторки автобус Толика с этим деревом не пустят...

Но правду говорят, что под Новый год случаются чудеса. Неторопливая лошадка протаскала мимо Толика розвальни. В них сидел на соломе старый небритый дядька (последний свет заката искрился на его седой щетине). Толика словно толкнуло:

— Дяденька, подвезите меня с елкой! А то я помру, не дотащу! — Он сказал это и весело, и жалостно. Сам удивился своей смелости и не ждал, что «дяденька» отзовется.

— Тпру... — сказал дядька. Оглянулся: — А тебе куда?

— На Запольную! — заволновался Толик. — Это по улице Красина, а потом за Земляной мост...

— Это же в Заовражке! А я в Рыбкооп, на базу.

— Ну, хоть до моста! А там я уж дотащу!

— Вали свою древесину. Вот сюда, ближе втаскивай... Садись... Но-о, голубушка, чтоб тебя черти съели!..

Сразу стало все прекрасно. Даже пальцы в варежках перестали мерзнуть. Замечательная заиндевелая лошадка повезла елку и Толика мимо замечательных, уже освещенных витрин с нарисованными снежинками и цифрами «1948», мимо кинотеатра «Победа» с афишей нового замечательного фильма «Первая перчатка», замечательную песенку из которого пели все мальчишки: «При каждой неудаче давать умеете сдачи, иначе вам удачи не видать!» (Толик, правда, не всегда умел давать сдачи, но песенка ему нравилась.)

Замечательный небритый возчик спросил про елку:

— Куда же ты ее такую волокешь? В школу, что ль?

— Не-е! Домой, — гордо сказал Толик.

— Домо-ой? Дак не влезет же.

— У нас потолок высокий. Нам осенью новую комнату дали, большую... Там раньше эвакуированные жили, целых шесть человек!

— А вас, выходит, меньше? — поинтересовался словоохотливый возчик. И благодарный Толик объяснил:

— Мама да я... Еще сестра, но она сейчас в Среднекамске, в институте учится. На инженера-химика.

— Сестра это хорошо,— вздохнул дядька и закашлялся.— У моих сынков тоже сестра была... Вот ведь дело какое вышло: два сына на войну ушли и дочка. Парни-то оба вернулись, а сестренку ихнюю убило. В сорок пятом уже, в Германии. Фельдшер она была...

Толик молчал. Что тут скажешь?

— А ты, выходит, за мужика в доме? Отец-то, небось, тоже погиб?

— Под Севастополем...

— Помнишь батю-то?

— Маленько,— признался Толик. В армию отца призвали еще до войны, в тридцать девятом, когда Толику не было двух лет. С тех пор отец появлялся дома два-три раза на очень короткие деньки. И Толику запомнились лишь новые коричневые ремни, запах табака и одеколona и звездочка политрука на суконном рукаве гимнастерки...

Дальше, ехали молча. Мимо четырехэтажного горсовета, мимо решетки городского сада, мимо старой церкви, где была контора «Заготзерно». Потом свернули на улицу Красина... Грустная минута ушла, и опять вернулось новое настроение.

Закат светился над заснеженными крышами. Жестяные дымники печных труб чернели, будто кружевные теремки. Поверх заката ехал в ту же сторону, что и Толик, месяц с лихо задранной подбородком. Замечательный новогодний месяц.

«Скырлы-скырлы, скырлы-скырлы»,— поскрипывали полозья. Как липовая нога в сказке про медведя. Но сейчас была другая сказка — добрая. И под равномерный скрип в голове у Толика замаршировали веселые слова:

Месяц звонкий и рогатый...

Месяц звонкий и рогатый...

Рогатый — понятно почему. А звонкий... Потому что он серебристый и полупрозрачный, как из льдинки. Щелкни ногтем — и зазвенит...

Скоро пришлось попрощаться с добрым дядькой и тащить елку по Земляному мосту. Толик волок ее, ухватив под мышку комель: елке это было не на пользу, она тащилась по снегу, но что поделаешь? С крутых склонов съезжали в лог на санках и лыжах орущие от восторга мальчишки. Закат быстро догорал над невысокими домами и деревьями Заовражка. Месяц стал ярче. Но звезд по-прежнему не было. Может, месяц решил подурчиться и соскочил их с неба острым подбородком? Как лопатой!

Месяц звонкий и рогатый

С неба звезды сгреб лопатой!

Новый год, Новый год,

Нынче все наоборот!

Толик прошептал это, сопя от усталости и веселой натуги. Почему «все наоборот», он и сам не знал. Так получилось.

А может, и правда наоборот? Не так, как обычно.

Ведь дядька не хлестнул кобылу и не проехал мимо, а взял да и подвез Толика!

И по календарю сегодня понедельник, а у ребят — выходной. В школе решили позаниматься в воскре-

сенье, чтобы потом сразу — каникулы. Но и в воскресенье не учились. Вера Николаевна раздала табеля и всех отпустила после первого урока. Ура!

По арифметике у Толика выходил явный тройка, но Вера Николаевна поставила четверку. Сказала: «Ладно уж, гуляй, добрый молодец, без печали». Вот какой веселый «наоборот»!

Только скорей бы добраться до дома...

Толик втащил елку во двор, когда совсем стемнело. Окна их с мамой комнаты на втором этаже светились. Значит, мама уже пришла с работы. Так рано! Тоже хороший «наоборот»!

Но мама встретила Толика неласково:

— Я уже искать собралась! Где тебя носило?

— Елку тащил! Пойдем, покажу! Ну, пойдем, увидишь, какая!

Мама покачала головой, накинула платок и ватник...

Вместе с мамой вышел Султан. Он радостно уставился на елку и заколотил Толика хвостом по валикам.

— Ой,— сказала мама.— Толька, ты спятил... А как мы эту громадину в сарай затолкаем?

— Вот я и сам думаю...

— Если здесь оставить, могут стащить.

— Ага... Мама! А давай прямо сейчас ее украсим! А? Ну, ведь уже почти праздник! Даже в школе сегодня утренник был, и на площади елка!

— Не выдумывай...

— Ну почему «не выдумывай»?

— До послезавтра она осыпаться начнет.

— Да что ты! Она же только из лесу!.. Согласна? Ура!

Он облапил маму и чуть не уронил в сугроб...

— Дурень сумасшедший,— сказала мама.

Старая подставка из брусков крест-накрест оказалась мала. Пришлось ставить елку в кадущку, укреплять в ней ствол поленьями. Верхушка царапала потолок. Чтобы прицепить к ней серебряную самодельную звезду, Толик поставил на стол тумбочку, на тумбочку табурет. Султан неодобрительно смотрел на эти упражнения, фыркал и поматывал острой головой. Он только что обнюхал елку и уколот нос.

Игрушек для такой великанши оказалось мало-вато.

— Ничего,— сказала мама.— Еще ваты накидаем, будто снежок... Да и незачем такую красавицу чересчур игрушками увешивать, она и так хороша.

Но все же мама хитро посмотрела на Толика и достала из сундука несколько разноцветных шаров с картинками. Вот это сюрприз! Толик заорал «ура» и радостно упал с верхотуры на Султана, который обиженно, по-щенячьему, твякнул и ушел к двери.

Пришла соседка Эльза Георгиевна. Изумилась:

— Куда же вам такая громадная, двоим-то?

— Почему двоим? Варя придет, к ней ребята придут, бывшие одноклассники,— весело возразила

мама.— И еще гости всякие... Наверно, и вы не откажетесь нас посетить?

— Ох, не знаю. Ко мне должна прийти сестра Вадима Валентиновича с мужем, это традиция... Вадим Валентинович так любил Новый год и елку, просто как ребенок. Сам игрушки делал, особенно солдатиков...— Эльза Георгиевна вдруг поджала губы, кивнула и вышла. Она была ничего, не вредная соседка, но старомодная и со странностями. Одинокая и бездетная...

— А Дмитрий Иванович придет? — спросил Толик.

— Н-не знаю. Едва ли. Он встречает Новый год со своими сотрудниками в Рыбкоопе. У него там друзья.

— А ты? — ревниво сказал Толик.

— Что я?

— Разве не «друзья»?

Мама и Дмитрий Иванович познакомились в сорок шестом году, они вместе работали в комиссии на избирательном участке. Потом Дмитрий Иванович часто заходил к ним в гости. Про войну Толику рассказывал, научил вертушки с флюгерами делать, чтобы на крыше прибывать. Осенью помог им с мамой переехать в новую комнату. В кино маму приглашал, в цирк...

В общем, не было здесь для Толика никакой тайны.

Он снова забрался на стол, на тумбочку, на табурет и сказал:

— Поженились бы вы, да и дело с концом.

— Анатолий!

— Ну чего «Анатолий»? Я же понимаю...

— Ты вот спустись, я покажу, где у тебя пониание.

Толик хихикнул на безопасной высоте и сказал деловито:

— Я серьезно говорю. Не маленький.

Мама села на кровать, помолчала.

— Раз не маленький, должен понимать, как все это сложно...

— Чего сложного-то...— буркнул Толик. Но уже не для мамы, а себе под нос.

Когда кончили украшать елку, был уже девятый час. Толик подул на исколотые хвоей руки и украдкой глянул на маму. Сказал осторожно и явно подхалимским голосом:

— Ма-а...

— Не выдумывай!

— Ну, мам...

— Я так и знала! Сперва одно, потом другое...

— Только попробуем. Самую чуточку...

— Ты жулик,— сказала мама.

Толик радостно затанцевал:

— Всего на полминутки!

— Мелкий авантюрист и вымогатель...

Мама достала пачку свечек и связку подсвечников-зажимов.

— На самые маленькие полминутки,— повторил Толик.

— В густоту не ставь, пожар устроим.

Толик укрепил свечи на хвойных лапах подальше от бумажных игрушек. А одну — у самой вертушки, чтобы звезда сверкала.

— Мама, давай зажигать! Я здесь, а ты внизу!

— Подожди...— как-то странно сказала мама.— Спустись.

Толик встревожился и послушно прыгнул на пол. Мама задумчиво пригладила ему коротенькую прическу «полубокс».

— Если уж зажигать, значит — праздник. Умойся и причешись.

Толик заволновался, послушно и старательно мыл на кухне, под звякающим умывальником, руки, лицо и шею. Ледяной водой, взятой в сенях из кадки! Мама включила электрочайник. Потом дала маме Толику белую рубашку и черный праздничный костюм, который знакомая портниха тетя Римма сшила из маминой вельветовой юбки. Такие костюмы из вельвета были у многих мальчишек, но Толику они не нравились: куртки висели, как мешки, а застегнутые под коленками штаны раздувались, будто аэростаты. Любопытно делался похожим на куля с куриными ножками. А костюм для Толика получился ладный, без лишней полноты и складок. Наверно, потому, что матери в юбке было в обрез. Даже на рукава не хватило, вместо куртки вышел жилетик. Ну и ладно, так даже лучше, белую рубашку заметнее.

А военные пуговицы горят, как золотые!

В глубине души Толик считал, что в этом наряде он похож на Пятнадцатилетнего капитана или Роберта Гранта.

Из-под кровати Толик вытащил свои легонькие сандалии. Свежий воротник ласкал шею. Лицо празднично горело от недавнего умывания. Перед зеркалом Толик продрал гребешком куцую челку. Привычно вздохнул по поводу немужественного курносого отражения, но сейчас и оно настроения не испортило.

Мама за шевелящейся занавеской тоже надевала что-то праздничное. Толик замечал, что в последнее время мама стала его стесняться: всегда одевается за шторкой или в темноте. Толик деликатно отвернулся от занавески. А когда глянул снова, мама уже стояла на свету в зеленом своем платье со стеклянными «искорками» на груди. Молодая, почти, как Варя...

Мама оглядела Толика и сказала:

— Теперь — зажигаем.

Толик схватил коробок и опять полез к потолку

Потом они с мамой отошли в дальний угол. Елка с потрескивающими огоньками была как целая лесная страна. В ее чаще мерцали неизвестные сказки. Может быть, затерянные и забытые города, живущие неведомой жизнью.

Как неоткрытые острова в океане.

И над ними сверкала сделанная Толиком звезда.

Жаль, что у сказок такое короткое время.

Мама вздохнула и сказала, что свечи надо поберечь. Но волшебство не исчезало совсем. Запах

елки теперь смешивался с запахом погасших свечек. А ведь именно при погасших свечках в замках и подземельях происходили удивительные истории...

Мама принесла булькающий чайник, поставила на стол блюдце с карамелью «кофейная подушечка», тарелку с печеньем.

— Приедет Варя, придут ее друзья, Новый год будет шумный. А сейчас давай сделаем тихий праздничный вечерок.

И они стали пить чай у елки. Елка занимала чуть ли не полкомнаты, она была здесь хозяйка, а Толик и мама — у нее в гостях. Ради таких чудесных минут и старался Толик: деньги экономил, игрушки клеил, елку тащил. Теперь все было замечательно... Только... что-то грустные глаза у мамы. И улыбается она слишком уж задумчиво. Вообще-то ничего особенного, в такие вечера грусть иногда подбирается сама собой. Но все полезно в меру. И чтобы сделать маму повеселее, Толик сказал:

— Раз уж получается сегодня праздник, тогда знаешь что? Я тебе подарю подарок, который к Новому году сделал. Ты не бойся, это не весь подарок, потом еще будет.

И он вытащил из тайника, со шкафа, склеенное «Лукоморье».

Это была словно маленькая театральная сцена. Размером с тетрадку. На ней — дуб с золотой пепочкой, черный лохматый кот ростом с полспички, Баба-Яга в ступе из наперстка, а в ветвях — русалка с хвостом из фольги. Из-под белых гребешков на волнах торчали шлемы и копья Черноморова войска (правда, не тридцать три, а поменьше). Подвешенный на нитке к облаку бородатый колдун тащил богатыря с длинным мечом из иголки.

Небо над Лукоморьем было из тонкой зеленой бумаги. Прорезанный в ней месяц Толик заклеил ярко-желтой бумажкой — совсем прозрачной. Посмотришь на просвет — небо таинственно светится, месяц горит, силуэты на сцене будто оживают...

Мама и в самом деле повеселела. Хвалила Толика и долго разглядывала сказочный театр. Потом сказала:

— Я тебе тоже сделаю подарок. Тоже предвзятый...

И дала мама Толику синюю книжку с быстрым кораблем на твердой корочке. «Русские кругосветные мореплаватели».

— Ух ты-ы... — сказал Толик. Съехал со стула на пол, под елку, и там открыл первую страницу. — Мам, вот спасибо... — Он торопливо пролистал предисловие (известно, что предисловия читать не обязательно). — «Крузенштерн и Лисянский, первая экспедиция на Восток»... Мама, они кто? Капитаны?

— Читай, читай, сам узнаешь, — сказала мама. — Кто у нас моряк-путешественник? Ты или я?

И Толик читал под елкой, пока мама не погнала его в постель. Потом еще читал — под одеялом, с фонариком (вернее, с батарейкой, к которой были примотаны самодельный жестяной рефлектор и лампочка). Мама, наконец, сказала сквозь сон:

— Толька, совесть у тебя есть? Я тебя завтра не подниму.

— Ну и что? Каникулы же.

— Мало ли что каникулы! С утра пойдешь на рынок...

Курганов

Уходя на работу, мама растолкала Толика.

— На столе деньги и список: что надо купить.

Толик не стал нежиться в постели. В каникулы для этого почему-то нет настроения. Он выпустил гулять Султана, разогрел на завтрак жареную картошку, полюбовался елкой и отправился за покупками. Ключ оставил в коридоре под половиком. Султану, который шастал по двору, сказал:

— Далеко не бегай. Может быть, Варя появится, а дома никого...

На рынке он купил круг замороженного молока, в овощном подвальчике — квашеную капусту и свеклу для винегрета, в продуктовом магазине на углу — пол-литра подсолнечного масла и душистую буханку хлеба, который теперь без карточек и почти без очереди. А на свои собственные три рубля (которые остались от елки) еще один шарик: ярко-алый, с картинкой «Конек-Горбунок».

Вари дома не оказалось. Да и смешно было надеяться, что ее отпустят из института в учебный день. Зато раньше срока пришла на обед мама. Сказала, что в редакции капризничает машинка и материалы в новогодний номер придется печатать дома.

Она застучала на своем ужасно старом, но еще крепком «Ундервуде». Толик опять уселся читать про Крузенштерна и Лисянского. Рядом приткнулся нагулявшийся и пообедавший Султан. Он тихо сопел и в полудреме постукивал хвостом о половицы.

Толик читал быстро. Он вообще был «книгоглотатель», а если про море и про путешествия — он мчался по страницам, как лихой кавалерист. Но мчался — это не значит, что был невнимательным. Он не пропускал даже тех страниц, которые написаны скучновато, словно в учебнике.

Читать — это вообще самое лучшее занятие. А если вот так, под елкой, и когда мама уютно стучит на машинке, и когда за стеной Эльза Георгиевна что-то красиво, ненавязчиво наигрывает на пианино, и когда не колет мысль об уроках, тогда вообще счастье.

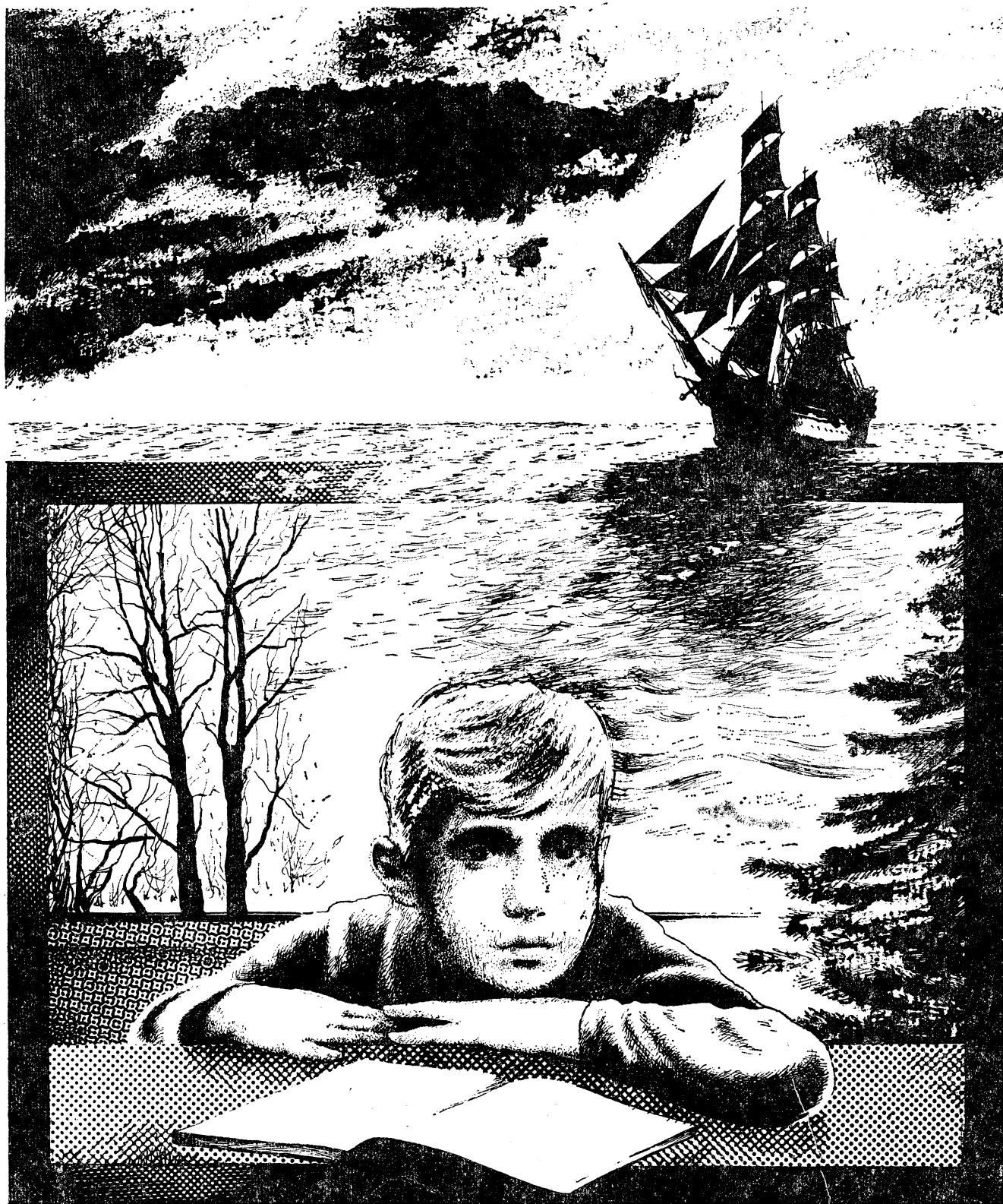
И плывут, плывут корабли «Надежда» и «Нева» к Нукагиве и Камчатке, к Русской Америке и Японии, к Китаю и острову Святой Елены...

В Кронштадт «Нева» и «Надежда» вернулись, когда за окнами стемнело, мама перестала печатать, а Султан опять отпросился на улицу. Толик потянулся так, что заскрипели позвонки.

— Вот книжечка! Мама, ты молодчина, что догадалась купить такую.

Мама, укладывая в портфель бумаги, объяснила:

— Здесь интересное совпадение. Недавно я печатала старые документы одному человеку, по заказу. Как раз насчет этих морских путешественников. Пе-



читаю и думаю: «Вот бы книжку про них достать! А то ума не приложу, что ненаглядному сыну подарить на Новый год. Потом иду мимо «Когиза», и нате — стоят на витрине «Русские мореплаватели». Как в сказке.

— Новогодние чудеса... А что за документы ты печатала?

— Да брошюра старая, инструкции всякие.

— А что за человек? Профессор?

— Господи, откуда у нас в Новотуринске профессора? Так... человек. Заходит иногда в редакцию, заметки пишет... Эту брошюру он в библиотеке отыскал, в архивном фонде и попросил меня кое-что перепечатать. Видимо, интересуется географией... Ой, Толик, сделай сегодня еще одно доброе дело!

— Опять в магазин, — сказал Толик. — Или свеклу чистить.

— Ничего не чистить. Отвези этому человекутовую работу. Она дома у меня, а он заходил сегодня в редакцию, спрашивал. Неудобно так... Отвезешь? Он на Ямской живет.

— У-у...

— Ну что «у-у»? Мне на работу надо, и там я застряну, если машинку починили. А тебе прокачаться — одно удовольствие.

Мама угадала. Толик протянул «у-у» для порядка. Читать он устал, сидеть дома одному — радости мало, а прокатиться по вечерним предновогодним улицам в самом деле неплохо.

Мама дала ему плоскую папку.

— Покажи, что за брошюра, — попросил Толик. — Интересно все-таки, морская ведь.

В папке лежала серая тонкая книжница с узором из листьев и маленьких глобусов. Длинное название было оттиснуто старинными буквами:

СОБРАНИЕ ИНСТРУКЦИИ
данныхъ въ разное время
командирамъ
РУССКИХЪ СУДОВЪ
при отправленіи въ дальніе плаванія

И ниже:

Санктпетербургъ
1853

Толик полистал. Мелькнуло знакомое имя Крузенштерна. Но мама торопила:

— Вот адрес. Вход отдельный, со двора, собаки там нет. Человека этого зовут Арсений Викторович. Он такой, немного хмурый и нелюдимый, но ты не бойся.

— А чего бояться-то? Отдам папку, вот и все.

— Ну... не совсем все. Скажи, что я просила, что, если он может... пусть сегодня расплатится за работу. Нам бы деньги к празднику очень пригодились.

Толик поморщился.

— На кино-то небось запросишь, — напомнила мама.

Мама ушла. Толик оделся, выволок из-за вешалки лыжи, снял с гвоздя самодельную сбрую. На

крыльце свистнул Султана. Тот вылетел из темноты.

— Хватит бестолку носиться, запрягайся.

Султан не спорил.

Они выбрались со двора на укатанную дорогу.

— Ну, вперед! — велел Толик. — Давай!.. Вперед, Султан, кошка! Где у нас кошка?

Султан радостно взвизгнул и рванул Толика.

Это была игра. Еще давно, когда пес был почти щенком, юный хозяин так приучал его мчаться и тащить лыжника. Приходилось выслеживать впереди кошку, чтобы Султан охотнее набирал скорость. А теперь никакой кошки не было. Султан это прекрасно понимал. Да и на кой шут она сдалась? Если догонишь, что дальше? Не душишь же ее, в самом деле. Да и по морде можно заработать когтистой лапой (случалось такое в прежние времена). А бежать и без всякой причины весело. Везти легонького хозяина — это не работа, а шуточки.

Толику тоже было весело. Лыжи слушались отлично, тугие запяточные ремни плотно держали их на валенках. Папка — за пазухой, ремень от упряжки — в левой руке, а правая откинута, как у канатоходца — чтобы сохранять равновесие...

А по сторонам бегут назад желтые уютные окошки. И старый знакомый — новогодний месяц — летит за Толиком.

Пересекли большую улицу Луначарского — с двухэтажными домами, фонарями, магазинами и машинами. И опять вокруг сугробы, палисадники да месяц над заборами... И вот уже Ямская. Раньше редко приходилось бывать здесь: в этих краях — ни друзей, ни знакомых. Вроде бы не так уж далеко от Заполярной, а все здесь непривычное. Кирпичная часовенка на углу, сад за глухим забором, чужая трехэтажная школа... Даже месяц стал какой-то не такой и притворялся, что не знаком с Толиком.

Ну, ничего, они с Султаном нигде не пропадут.

— А ну, Султан, где здесь кошка?!

Дом номер четырнадцать оказался большой, двухэтажный, с узорчатыми наличниками на высоких окнах второго этажа. А низ — кирпичный. Наверно, раньше жил в доме купец или фабрикант. Калитка открылась мягко, без капризов. Во дворе, у первого крыльца, Толик воткнул в сугроб лыжи.

— Султан, сидеть. Зря не гавкай, лыжи никому не давай.

Султан недовольно двинул ушами: и так знаю. Толик постучал в обитую войлоком дверь. Постучал уверенно: на фанерном почтовом ящике белела при свете месяца надпись: КУРГАНОВ А. В.

Хозяин отпер дверь, не спрашивая, кто и зачем. Встал на пороге, касаясь головой верхнего карниза. В сенях за спиной у него горела яркая лампочка.

— Что угодно? — глуховато спросил Курганов.

— От Людмилы Трофимовны... — Толик протянул папку.

— О! — голос Курганова стал яснее и добрее. — Это удивительно и прекрасно. — Он взял папку. — Заходите, прошу вас.

Толик подумал, что заходить вроде бы ни к чему. Но вспомнил про деньги.

Они прошли через длинные морозные сени. Толик

видел Курганова со спины. Тот был очень высокий, сутулый. В накинутах ватнике, в старых галифе, в громадных растоптанных валенках на тонких ногах. По дороге он зацепил коромысло на стене, оно с грохотом сорвалось с гвоздя. Толик бросился поднимать, но Курганов, не взглянув, сказал:

— Плюньте.

Они оказались в большой комнате — тоже с яркой голой лампочкой. И первое, что увидел Толик, — это громадная синяя карта. Со всеми частями света. Она занимала полстены. Под ней угадывалась высокая, видимо, заколоченная дверь.

— Проходите, — говорил Курганов, — раздевайтесь, вот вешалка... Ах, как прекрасно, что Людмила Трофимовна прислала... Но зачем такое беспокойство? Я бы сам завтра... Вы ее сын?

— Сын, — кивнул Толик. Ему впервые говорили «вы», но он не удивлялся. Он знал, что люди, воспитанные по-старинному, всегда очень вежливы. Даже с детьми. Видимо, и Курганов такой. Может, и в самом деле ученый-географ? Специально поселился вдали от столицы, чтобы работать в тишине...

Правда, обстановка в комнате была явно не профессорская. Стол, покрытый газетами, разномастные стулья. Железная кровать. Книг много, но полки самодельные, некрашенные. Лишь камин богатый: большой, узорчатый — кружевное чугунное литье. Толик видел такой всего один раз — у мамы на работе, в кабинете редактора. Потому что редакция находилась в старинном доме бывшей заводской конторы буржуа Крутиса.

Здесь камин, конечно, тоже остался от прежних хозяев. Наверно, раньше в этой комнате был чей-то домашний кабинет, а потом его отгородили и сделали отдельный вход с улицы...

Толик, озираясь, машинально отстегнул пуговицы. Курганов забрал у него куцее, похожее на курточку пальто и шапку.

— Проходите, погрейтесь с дороги. Я сейчас чайку...

— Да нет, спасибо...

— Это вам спасибо, так вовремя привезли. Да проходите же!

Толик начал стаскивать валенки.

— Зачем? Не надо! — всполошился Курганов.

— Я шкуру затопчу.

На полу раскинулась бурая медвежья шкура с кривыми когтями на растопыренных лапах.

— Ну и топчите, я сам ее топчу! Это вовсе не предмет роскоши, а так... случайный подарок одного приятеля.

Но Толик уже стянул валенки.

— Тогда я их к печке... — решил Курганов.

Толик подумал, что Арсений Викторович вовсе не хмурый и не молчаливый. Скорей, наоборот. Суетится чего-то с мальчишкой, как с важным человеком... «А может, просто стесняется? — мелькнула у Толика догадка. — Может, не знает, как разговаривать с детьми? Может, своих никогда не было...»

Курганов, без сомнения, жил один. Единственная кровать — старая и узкая вроде солдатской койки. Посуда стоит на тех же полках, что и книги. Вешал-

ка почти пустая, а шкафа для одежды вообще нет. Холостяк. Вроде Дмитрия Ивановича, у которого Толик был несколько раз.

Идти в чулках по упругому медвежьему меху было очень приятно. Толик прошел не торопясь. Присел на скрипящий стул. Курганов поставил на подоконник плитку, на плитку чайник. Толик думал: не пора ли сказать о деньгах?

Курганов, хотя и был разговорчив, добродушным не казался. Стоило ему замолчать, и лицо делалось невеселым. Это было некрасивое лицо с повисшим над толстыми губами носом. Один угол рта опускался ниже другого. Голубые глазки сидели близко от переносицы и смотрели из-под щетинистых бровей с настороженной виноватостью. Сквозь жидкие бесцветные волосы просвечивала лысина. И все же Курганов был не таким старым, как сперва Толику показалось. Сутулился, но двигался быстро. Он снял ватник, остался в обвисшем черном свитере и сделался еще более тощим и высоким. Длинные руки с большими ладонями торчали из рукавов...

Толик встретился глазами с Кургановым и смутился, что так разглядывает его. Стал смотреть на карту. Она была гораздо больше школьной. Все материки покрывал одинаковый серый цвет, а по морям и океанам растекалась голубая краска разных оттенков — от белесоватой до густо-васильковой.

«Наверно, морская карта», — подумал Толик. Хотел уже спросить о ней Курганова, но заметил картинку — рисунок в деревянной рамке под стеклом. Он висел на карте, левее западных берегов Африки. Толик различил на картинке переплетение корабельных снастей и осторожно подошел.

Рисунок был сделан карандашом на желтоватой ворсистой бумаге. На палубе, у фальшборта, в окружении хохочущих матросов сидел на бочке бородастый дядька в короне и с вилами. Он тоже хохотал или что-то весело кричал. В левой руке его была объемистая кружка. Поодаль стояла группа офицеров в треуголках. Сквозь частые ванты и бакштаги невдалеке был виден еще один корабль. Он шел под полными парусами, с небольшим креном.

Курганов остановился сзади. Толик оглянулся: — Это встреча с Нептуном, да? Переход через экватор?

— Совершенно правильно. Русские корабли «Надежда» и «Нева» двадцать шестого ноября тысяча восемьсот третьего года.

— На которых Крузенштерн и Лисянский?

— Да... да... Значит, слышал о них?

— Ага! Я про них только сегодня читал.

— Прекрасно! А что именно? Чья книга?

— Моя. Мама подарила.

— Прекрасно, — опять сказал Курганов серьезно. — Но я, собственно, имел в виду, кто автор...

— Ой, — смутился Толик. — Это кто написал? Я не помню.

— Ну, ничего, — смутился и Курганов.

— Кажется... Новиков.

— Любопытно... А может быть, Нозиков?

— Может быть, — виновато сказал Толик.

— Ну что же. Нозиков так Нозиков, — с непонят-

ной поткой проговорил Курганов.— Для начала можно и его.

— Вы его тоже читали, да?

— Да-да... По правде говоря, он не пишет ничего нового. У меня еще в детстве была книга об арктических и кругосветных мореплавателях России, в том числе и о Крузенштерне. Некой писательницей Лялиной, весьма популярной в те года. Так вот, у Нозикова кое-где прямо слово в слово списано...

Толик с первого класса знал, что списывать нехорошо. И ему стало неловко за Нозикова. И обидно за книжку — мамин подарок. Толик сказал насупленно:

— Может, он просто похоже написал. Потому что про одно и то же.

— Да? Ну, может быть,— излишне покладисто проговорил Курганов.— Беда не в этом... И Лялина, и Нозиков описывают экспедицию очень гладко. И не касаются подробностей.

Толик нерешительно возразил:

— Почему? Там есть подробности.

— В событиях кое-что есть. А про людей мало... Например, что мы знаем про этого матроса? — Курганов ногтем ткнул в Нептуна.— Ни Лялина, ни Нозиков о нем даже не вспоминают. А любопытный был человек! Веселый, остроумный. Грамотный. А это редкость среди тогдашних матросов... Правда, и грехи у него были, мог загулять на берегу... В общем, характер... Кстати, мой однофамилец. Я в детстве вообразил даже, что это мой предок...

Толик живо вскинул на Курганова глаза:

— А может, правда?

— Едва ли... Но с него начался мой интерес к этому плаванию.

— А где вы про него прочитали? Про Курганова.

— У самого Крузенштерна, в его книге про путешествие. Очень старая книга, напечатана сто сорок лет назад. Три тома... Я выменял их у своего товарища на пять романов Майн-Рида... Вот тогда и прочитал про матроса Курганова... Кстати, непонятно, как его звали. В списке экипажа у Курганова имя Иван и звание квартирмейстер, то есть унтер-офицер...

— Вроде нынешнего старшины?

— Вроде... А в книге Крузенштерн пишет «матрос Павел Курганов»... Думаю, он ошибся. Список — вещь точная, документ...

— Я сразу понял, что вы про них все изучаете. Еще когда мама сказала про инструкции... Вы ученый, да?

Курганов засмеялся. Он странно смеялся. Вперемешку с мелким кашлем. Лицо измялось, рот искривился: один угол поднялся в широкой улыбке, а второй оказался опущенным. Толику это показалось неприятным — будто Курганов насмехается над собой и над ним. Но тут же он понял, в чем дело: правый угол рта у Курганова соединялся с коротеньким коричневым шрамом, косо идущим вниз. Толик моментально вспомнил одну книжку, ее пересказывала ему мама — «Человек, который смеется». Там бродячие циркачи украли мальчишку, сделали ему операцию на лице, и он всю жизнь ходил с уродливой улыб-

кой. А здесь — наоборот: из-за шрама казалось, что правый край рта уныло опущен.

А смеялся Курганов по-доброму, без насмешки. Голубые глаза его стали веселыми и симпатичными.

— Тебя как зовут-то? — Незаметно для себя и для Толика он перешел на «ты».

— Толик... А почему вы смеетесь?

— Извини... Просто меня первый раз в жизни приняли за ученого. За кого меня только не принимали! За кладбищенского сторожа, за ревизора, за клоуна... Даже за шпиона. А за ученого — ты первый... Нет, брат, до ученого мне как до Луны. У меня и образования-то — одна гимназия, да и то ускоренный выпуск. На войну торопился...

— На войну? — переспросил Толик, пытаясь сообразить: какие же это были годы?

— Да. Пошел вольноопределяющимся, потом в прапорщики произвели...

— Как... в прапорщики? — сказал Толик изумленно и опасливо. Потому что у красных никаких прапорщиков не было.

Курганов опять улыбнулся:

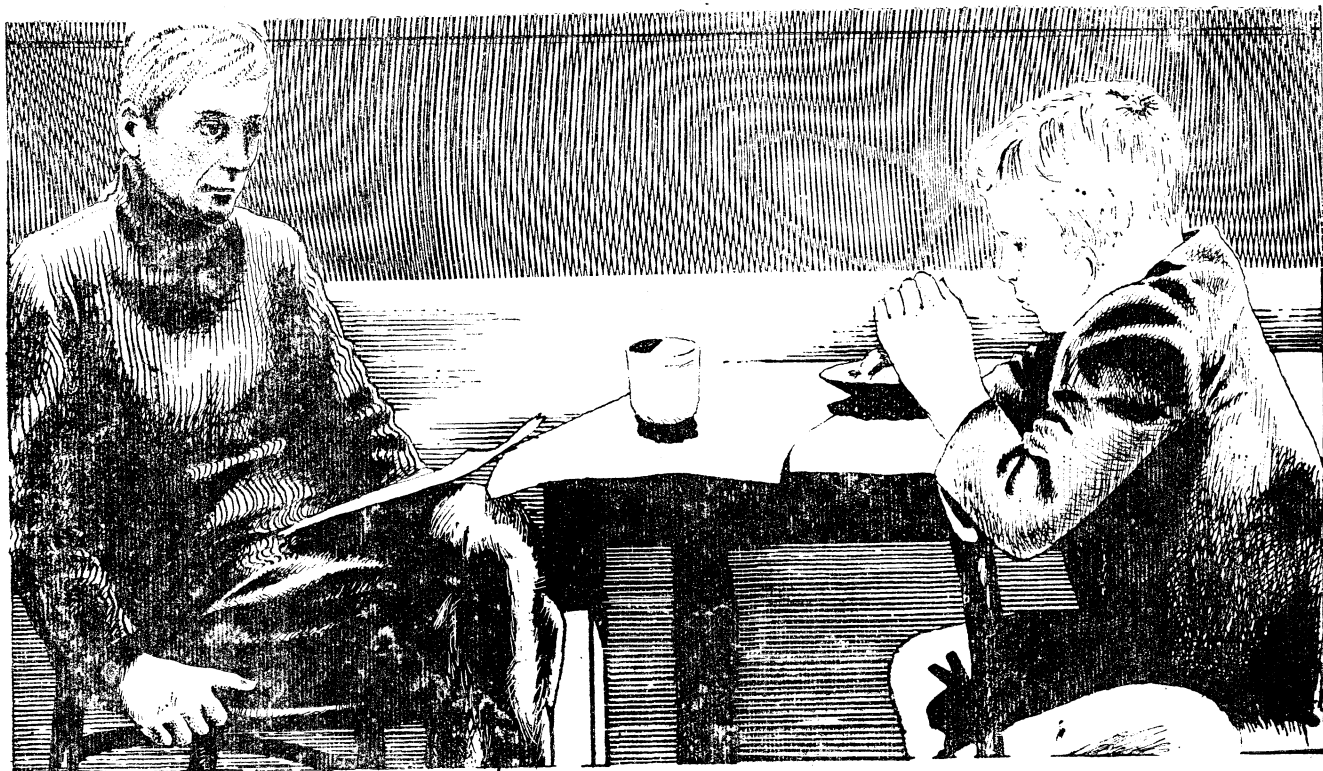
— Это не гражданская война, а с Германией, в четырнадцатом году... Мальчишки мы тогда были. Полегло нашего брата прапорщиков, бывших гимназеров и студентов... На подвиги рвались очертя голову... А меня в пятнадцатом году так трахнуло, что очнулся только через месяц в лазарете. И сказали, что воевать больше не гожусь... Ну, вот и чайник закипел. Садись к столу, погреемся. Ты вот в какую даль топал по морозу.

Чай пили с колотым сахаром и твердыми до деревянности пряниками. Толик — из стакана с подстаканником, Курганов — из фаянсовой кружки с отбитой ручкой. Было тихо, даже слишком тихо, и в этой тишине слышался отчетливый медный стук часового механизма. Толик поискал часы глазами и не увидел. Потом опять глянул на Курганова, встретился с ним взглядом и смутился. Молчать было неловко, Толик спросил, продираясь сквозь смущенье, как через колючки:

— Арсений Викторович, а почему вы тогда решили, что он ваш дедушка... ну, или прадедушка... Этот матрос. Только из-за фамилии?

— Конечно! — Курганов, видимо, обрадовался разговору. — И потому еще, что мне очень этого хотелось... Но оказалось, что никаких моряков у нас в роду не было. Или сухопутные военные, или инженеры, математики... Кстати, если уж искать предков, то разумнее было бы считать таковым другого Курганова. Знаменитого профессора Морского шляхетного корпуса, у которого учился Крузенштерн... Но и это, конечно, пустое. Мой отец сказал однажды: «Не выдумывай. Мало ли Кургановых на Руси»... Сам он был инженером на литейном заводе, а из меня почему-то решил сделать адвоката, отдал в гимназию, а не в реальное училище... Увы, не вышел из меня адвокат.

«А кто вышел?» — чуть не спросил Толик, но не решился.



Однако Курганов понял.

— После ранения поступил в университет, бросил... Время было такое, не до учебы. В девятнадцатом взяли в Красную Армию, но воевать не послали, дохлый я был. Направили в военную типографию... А потом так и стал работать в типографиях. Можно сказать, специалистом сделался, хотя и без диплома.

— Значит, сейчас вы тоже в типографии работаете? — обрадовался Толик. — В газете, где мама?

— Сейчас вот как раз нет... Конторский служащий я, в райпотребсоюзе... Вообще-то мне приходилось не только типографскими делами заниматься. Всякими. И бывать пришлось в разных местах...

«А на фронте?» — чуть не спросил Толик. Он имел в виду последнюю войну, с фашистами. В его понимании, все настоящие мужчины должны были участвовать в этой войне.

И опять Курганов понял его без вопроса.

— Перед войной я в Ленинграде жил. Когда финская началась, меня опять призвали. Вернулся уже с лейтенантскими кубиками. А больше воевать не пришлось...

— Признали негодным? — понимающе сказал Толик.

Курганов чуть усмехнулся:

— Признали... Послали работать на Север.

— С экспедицией, да?

— Можно сказать, что с экспедицией... А Ивана Курганова я все-таки считаю немного родственником. Потому что, как увидел в старой книге эту фамилию, так и увлекся. Правда, про него самого я узнал не-

много, но плаванием этим всю жизнь интересуюсь. Пытаюсь кое в чем разобраться. Так, для себя...

— А разве там есть что-то неизученное? Ведь они не так уж давно плавали. Ну, не в древности же...

— Как тебе сказать... Особых тайн нет, и написано про это путешествие много. Но неясностей хватает... В характерах неясностей, в человеческих отношениях. Разные там были люди и разные события. Вот про это бы написать...

Толик поставил стакан. От неожиданной догадки он забыл про смущение. Спросил звонко:

— Значит, вы книгу пишете, да?

Курганов хлебнул, закашлялся, тоже поставил кружку. Коротко засмеялся, оборвал смех и сказал:

— Ну, что скрывать, раз ты догадался...

Шторм в Скагерраке

Толик смотрел на Курганова, приоткрыв рот. Первый раз в жизни он видел писателя. Ну, пускай не знаменитого, но все равно писателя. Человека, который сам пишет книгу. Потом он тряхнул головой, рот захлопнул и уткнулся в стакан. Глянул исподлобья и сказал с почтением и сочувствием:

— Это, наверно, ужасно трудно.

— Ужасно трудно, — очень серьезно, даже печально согласился Курганов. — Сколько раз уже хотел все изорвать в клочки.

— Зачем? Не надо! — испугался Толик.

— Порой кажется, что все так отвратительно написано. Беспомощно... И посоветоваться не с кем. За три года ты первый человек, с кем я про Крузенштерна заговорил. Я и разболтался потому, что... как бы сказать... почуял общий интерес.

— Я люблю про море и про путешествия, — тихо сказал Толик.

— Вот и я люблю. И про путешествия, и про моряков... Удивительные они люди. Сам я тоже в детстве о морской службе мечтал, да не вышло.

Толик подумал.

— Арсений Викторович, знаете что? Если человек про моряков книжку пишет, он ведь и сам тоже как моряк.

Голубые глазки Курганова снова добродушно засветились.

— Да? Может быть... Но это, наверно, если хорошо пишет.

— А вы... много уже написали?

— Ну... повесть эта довольно большая получается. Но я ее уже почти кончаю. Сейчас кое-что переделываю, дополняю... Я ведь, Толик, давно с ней возжусь. И когда на Дальнем Востоке был, и там, под Выборгом. И в... на Севере когда работал... Тебе налить еще?

— Ага... то есть пожалуйста.

— Только вот пряники уж очень каменные.

— Ничего, я такие даже больше люблю. У меня зубы крепкие.

— А я свои почти все угробил за последние годы... — усмехнулся Курганов. И вдруг сказал другим голосом: — Толик...

Толик вопросительно вскинул глаза.

Курганов смотрел из-за кружки нерешительно и виновато.

— А если я тебя попрошу об одной услуге... А?

— Ладно... — неуверенно отозвался Толик. — О какой?

— Может быть, послушаешь у меня несколько страниц? Раз уж так получилось... Раз уж мы встретились так удачно. А?

— Конечно! — обрадовался Толик. По правде говоря, он этого немного ждал. Вернее, не ждал, а думал: «Вот хорошо бы...»

Будет еще одно новогоднее чудо! Он сидит у старинного камина (пускай и не горящего), а писатель читает ему свою книгу. Да еще о Крузенштерне! Час назад про такое Толик и мечтать не мог. Нет, в самом деле, последнее время полно сюрпризов...

Курганов сбивчиво объяснил:

— Ты не удивляйся, что я тебе... Я никому в жизни еще не читал, а ты... Тебя будто сама судьба послала... — Он нервно усмехнулся.

Толик хотел пошутить, что послала не судьба, а мама, но постеснялся и сказал:

— Ладно. Только...

— Чего? Дома ждут? — огорченно спросил Курганов.

— Нет, мама еще, наверно, на работе... Султан ждёт на дворе, я на нем приехал.

— Ездвой пес? — обрадовался Курганов. — Давай его сюда.

...Султан был воспитанной собакой. Войдя в комнату, он шевельнул хвостом, будто сказал «здрассте». Курганов сел перед ним на корточки.

— Ух, какие мы красавцы... Прекрасное сочетание, помесь овчарки и лайки. И еще кое-что понемножку, для гарнира. Медали за чистоту кровей нам не дадут, ну и не надо, зато мы сильные и умные... — Он бесстрашно взял голову Султана в большие свои ладони, потрепал по ушам, погладил загривок. А Султан... Толика даже ревность кольнула: стоит, бродяга, и хвостом машет, будто перед ним старый друг. Курганов оглянулся на Толика.

— Мне с собаками много пришлось дела иметь, не удивляйся. Они своего сразу чувствуют... Откуда у тебя такой хороший?

— Сам нашелся два года назад. Он совсем щенок был, худой и лапа в крови. На нашу улицу прибежал, а я его домой привел. Мама сперва говорит: «Вот еще! Самим нечего есть, вот выставлю обоих из дома...» Потом лапу ему забинтовала...

— Умница, — опять сказал Курганов Султану, еще раз погладил его и распрямылся — голова под потолок. Робко спросил: — Ну, что, Толик, начнем?

Толик заволновался и кивнул. Сел у холодного и чистого внутри камина. Султан прилег рядом. Курганов достал с полки желтую картонную папку.

— А камин у вас действует? — спросил Толик.

— Что?.. Да, конечно. Но тепла от него маловато, я печку топлю. Но можно и камин, возни только много... Разжечь?

— Да нет, я же так просто спросил...

Оглядываясь на Толика, Курганов сел к столу, раскинул папку. Странно замер над бумагами. Стало опять очень тихо, и снова Толик услышал медный стук часов. Зашарил глазами по комнате. Но в это время Курганов шумно вздохнул и сказал:

— Я сперва самое начало прочту, ладно?

Толик опять кивнул. Курганов надел очки, нагнулся над листом и глуховато заговорил:

— Корабельный колокол в громадном обеденном зале, где стоял учебный фрегат, двойным ударом, слышимым на трех этажах, отметил начало первой перемены...

Пока Курганов читал, Толик пошевелился всего два раза. Первый, когда осторожно пересел поудобнее: устроился на стуле верхом, щекой лег на спинку. Второй — когда ногой толкнул Султана: тот, забыв о приличии, стал шумно чесаться. Чтобы не сопеть, дышал Толик, приоткрыв рот. От этого обсыхали губы, он водил по ним языком...

— Ну вот... — сказал Курганов и положил на папку ладони. — Ну... как? Не понравилось, да?

Толик опять облизал губы.

— Понравилось. Только...

— Что? Ты не стесняйся, критикуй! — вскинулся Курганов.

— Да нет, все хорошо. Только жалко этого... Алабышева.

— Да? — обрадовался Курганов.

— Да, — вздохнул Толик.

— Но это же хорошо, что тебе его жаль! Значит... я как-то сумел это... передать. Показать...

— Сумели, конечно! А Берху потом что было? Его правда выгнали из корпуса?

— Разумеется! Но не в нем дело. Он тут не главный герой, про него больше и не упоминается... А какие еще замечания?

— Никаких! Только... там немного одно место непонятно. Что случилось с лейтенантом Головановым?

— С Головачевым... Это, брат ты мой, самая печальная история. Я про него много пишу. Я ведь тебе только пролог прочитал, а дальше будет про само путешествие.

— Это хорошо. А то я все думал: когда про «Надежду» и «Неву» начнется?

— Будет, будет и про это. Прямо со следующего листа... Можно я тебе еще пару страниц прочитаю? Это про шторм, в который корабли попали в самом начале плавания.

— Ага! — Толик опять положил подбородок на спинку стула. Шторм — это приключение, это интереснее всего.

«Мрак был не черный, а мутно-зеленый — так по крайней мере казалось капитану. Он ревел, этот мрак, выл, свистел картечью морских и дождевых брызг и громоздился всюду исполинскими глыбами воды. Штормовые стаксели почти не давали кораблю скорости. Неуклюже, то носом, то бортом, валился он со склона волны, и казалось, что не будет конца этому падению. Достигнув подножия водяной горы, машина скрипучего парусника силою инерции все еще стремилась в глубину, черпала воду фальшбортом, набирала ее щелями разошедшей обшивки, утыкалась бушпритом в накативший гребень. В это время упругая сила моря выталкивала корабельный корпус из водяной толщи, новая волна задирала «Надежду» нос, а очередной нажим бешеного норд-веста уваливал корабль под ветер и кренил до такой степени, что левый конец грот-рея вспарывал воду.

Свист воздуха в такелаже — тоскливый и более высокий, чем голос самого шторма, — надрывал душу.

Крузенштерн и второй лейтенант «Надежды», двадцатитрехлетний Петр Головачев, стояли у наветренного ограждения юта... Хотя едва ли можно сказать «стояли» о людях, которые носятся вместе с растерзанным парусником среди стремительно вырастающих водяных холмов, скользят сапогами по мокрой палубе и то цепляются за планшир, то с маху ударяют спиной об упругий штормовой леер. И слепнут от хлестких ключев пены.

Впрочем, какая разница, слепнут или нет. Все равно мрак...

Нет, какие-то остатки света все же были заметны в кипящей смеси воды и ветра. То ли пробивался в случайный разрыв облаков луч звезды, то ли сами по себе пенные гребни давали сумрачное свечение. Ревущая темнота была испятнана, исчерчена смутными узорами этой пены.

«Надежда» опять стремительно пошла вниз, а впереди и справа Крузенштерн угадал громадную

волну с двумя пятнами пены у гребня. Они мерцали как белесые глаза.

«А и правда — чудовище», — мелькнула мысль. Раньше Крузенштерн усмехался, когда встречал у романистов сравнения волн с живыми страшилищами. Он бывал во многих штормах и знал, что волны — это волны, и ничто другое. Сейчас же сравнение пришло само собой. И Крузенштерн понял, что это — страх.

«Надежда» снова легла на борт, и пошли секунды ожидания: встанет ли? Со стонами начала «Надежда» выпрямляться.

«Господи, никогда не было такого...»

Не помнил он подобного шторма, хотя обошел на разных кораблях полсвета. Ни у берега Вест-Индии, ни в Бенгальском заливе, где крейсировал с англичанами на их фрегате, ни в китайских водах, известных своими тайфунами, не приводилось встречаться со столь неудержимой силой стихии...

Палуба опять покатила в глубину, шквал ударил в правый борт, оторвал от планшира Головачева, толкнул к бизань-мачте. Но через несколько секунд лейтенант снова оказался рядом.

«А ведь ему не в пример страшнее, чем мне, — подумал Крузенштерн. — Мальчишка... Хотя какой же мальчишка? Успел уже поплавать, побывать в кампаниях... Да и сам ты в двадцать три года считал ли себя мальчишкой? В скольких сражениях со шведами обстрелян был, в Англию попал на учебу в числе лучших офицеров... Да, но сейчас иногда вдруг чувствуешь себя ребенком. При расставании в Кронштадте сдавило горло слезами, как в детские годы, когда увозили из Ревеля в корпус...»

Сорвало кожаный капюшон, Крузенштерн опять натянул его.

«...А Головачев? Что я про него знаю? Единственный, с кем не был знаком до плавания. Посоветовали, сказали: искусный и храбрый офицер... А и в самом деле держится молодцом...»

— Петр Иванович, как на руле?! — крикнул Крузенштерн и подавился дождем.

У штурвала были различимы фигуры в штормовых накидках.

— На руле! Держитесь там?! — перекричал шторм лейтенант.

— Так точ... ваш бла-родь! Держ... — долетело до него.

— Кто рулевые?! — отворачиваясь от ветра, крикнул Крузенштерн.

— Курганов и... Григорьев... ваш... благородь...

— Круче к ветру держите, ребята! Все время круче к ветру!

— Так точ... Держим ваш... родь...

— Крепко привязаны?!

— Так точ...

Опять чудовищный этот крен со стоном рангоута и мучительным скрипом обшивки. Встанем ли? «Ну, вставай, «Надежда», вставай, голубушка... Да выпрямляйся же, черт тебя разнеси!»

Это надо же как взбесились волны! И не гденибудь в открытом океане, а в проливе, в Скагерраке, хоженном туда-сюда не единожды... В том-то

и беда, что в проливе. Кто знает, где теперь берег? Стоит задеть камни — и пиши пропало. До чего же обидно — в самом начале плавания...

— Круче к ветру!

Да что могут сделать рулевые, когда хода у корабля нет, а вся ярость шторма лишь на то и нацелена, чтобы поставить «Надежду» бортом к ветру, к волне...

Какая-то фигура, цепляясь за леера, взобралась на ют.

— Кто?! — гаркнул Крузенштерн.

— Это граф Толстой! — отозвался Головачев.

Поручик гвардии Федор Толстой оказался рядом. — Что вам здесь надо? — Крузенштерну было не до любезностей.

— Наблюдаю разгул стихий, — отплевываясь, изъяснился поручик. — Любопытствую и удивляюсь себе, ибо ощутил в душе чувство, доселе неведомое. А именно — боязнь погибели. До сей поры был уверен, что в части страха обделен природою...

«Правда ли боится? — подумал Крузенштерн. — Или валяет дурака, а настоящей опасности не понимает?»

— Идите философствовать в каюту, граф! Здесь не место!

— Отчего же, капитан?!

— Оттого, что смеет в... — Крузенштерн не сдержал досады и назвал место, куда смеет бестолкового сухопутного поручика. Тот захохотал, кашляя от дождя и ветра. Неожиданно засмеялся и Головачев. И тут опять бортом поехали в тартарары, а сверху рухнул многопудовый пенный гребень.

Когда «Надежда» очередной раз выпрямилась и вскарабкалась на волну, Толстой выкрикнул:

— Кому суждено погибнуть от пули, тот не потонет!

— А вы знаете точно, что вам уготована такая судьба? — сквозь штормовой рев спросил Головачев.

— На войне ли, от противника ли у барьера, но знаю точно — от пули помру! На крайний случай — сам из пистолета в лоб! Не в постели же кончат дни свой офицеру гвардии!

— Завидна столь твердая определенность! — цепляясь за планшир, насмешливо крикнул Головачев.

— Кто же мешает и вам...

— На руле! Два шлага влево, чтобы ход взяли! А как волна встанет, снова круто к ветру! — скомандовал Крузенштерн. — Так!.. Все, братцы, на ветер! Прямо руль!

— Разве же эта посудина слушает еще руля? — искренне удивился Толстой.

— Сие не посудина, а корабль Российского флота! — неожиданно взъярился Головачев. — И правда, шли бы в каюту, граф! А то и пуля не понадобится!

— А в каюте что? Та же вода! Хлещет во все щели!

«Коли выберемся благополучно и дойдем до Англии, сколько дней лишних потратим на новую конопатку», — подумал Крузенштерн. И впервые выругал в душе милого Юрочку Лисянского за то, что не сумел он за границей купить корабли поновее.

Кстати, где он сейчас, Лисянский? «Нева» исчезла

за дождем и волнами при первых же шквалах, и теперь лишь гадать можно о ее судьбе... Ну, да если мы пока держимся, бог даст, и она выстоит. Не случилось бы только самого худого: вдруг вырастет над волною силуэт корабля, кинется навстречу...

Экие мысли в голову лезут! Лисянский не новичок, не повернет судно по ветру. А все-таки...

— На руле! Смотреть вперед сколько можно!..

— Есть, вашблагородь! Сколько можно, смотрим!..

Это Курганов. Отличный матрос, хотя, по мнению некоторых, языкаст не в меру. Вот и сейчас проскочила насмешка: смотрим, мол, приказ выполняем, да только чего тут рассмотришь-то?

Ну и ладно. Ежели есть в человеке еще сила для насмешек, значит, держится человек...

Толстой крикнул опять:

— Здесь хотя бы на воле, а в каюте совсем тошно! Страхи спутников моих и стенания, кои слышатся там, усугубляют душевное расстройство!..

— По-моему, для борьбы с душевным расстройством вы излишне долго беседовали с бутылкою, — догадался Крузенштерн. — Только ради бога, без обид, граф! Драться с вами на дуэли я все равно не имею возможности!

..Сумрак стал жиже, появились первые признаки пасмурного рассвета. На ют поднялись Ратманов и Ромберг.

— Иван Федорович, обшивка местами расходится, в трюме может случиться течь, — сказал Ратманов.

— Все может быть, если скоро ветер не ослабнет.

— Идите, отдохните, Иван Федорович. И вы, Петр Иванович. Мы заступаем.

Крузенштерн спустился в каюту. Под бимсом — выгнутой потолочной балкой — мотался масляный фонарь. Воды было по щиколотку, она ходила от стенки к стенке. Фонарь раскидывал по ней желтые зигзаги. Плавала разбухшая книга.

Постель промокла. Крузенштерн повалился на койку, не снимая плаща. Качка сразу сделалась мягче, взяла его в большие темные ладони, вой ветра и плеск за бортами приутихли... И казалось, прошла минута, но, когда вестовой растолкал капитана, за стеклами свистело уже серое утро.

— Ваше высокоблагородие, их благородие Макар Иваныч просят вас наверх.

Качало так же. Свет давал теперь возможность видеть взбесившееся море. Дождя почти не стало, и, когда корабль подымало на гребень, был виден взлохмаченный горизонт.

— Иван Федорович! — крикнул Ратманов. — Не убрать ли стаксели? Они не столько дают нам движение вперед, сколько способствуют дрейфу! Слева вот-вот покажется берег.

— Подождем еще, Макар Иванович! Без стакселей мы совсем будем неуправляемы!

Но в четыре часа пополудни, когда слева открылся берег Ютландии, Крузенштерн приказал убрать штормовые стаксели и намертво закрепить руль. Шторм перестал двигать корабль к опасной суше, но зато «Надежда» совсем потеряла способность к маневру. К счастью, буря стала стихать.

К ночи ветер сделался ровнее. Но дул он по-прежнему между вестом и вест-норд-вестом и не давал выйти из Скагеррака, хотя снова поставили стакселя, а также бизань и фор-марсель.

Лишь через сутки неустанной лавировки моряки увидели Дернеус — южный мыс Норвегии. К вечеру ветер стал тише, и тогда через северную половину потемневшего неба перекинулась дуга полярного сияния. Под нею, словно опоры великанского моста, поднялись облачные темные столбы.

Корабль все еще кидало на не успокоенной после шторма зыби. Матросы заворожено и со страхом смотрели на светлую арку небесного моста:

— Не к добру...

Не терявший веселости Иван Курганов пробовал пошутить:

— Этим мостиком, братцы, прямехонько в царствие небесное...

Шутку на сей раз приняли без одобрения.

Офицеры и ученые тоже считали, что необычное явление может быть предвестником нового шторма. Но, к счастью, дурные предположения не оправдались. Двадцатого сентября дул сильный, но попутный ветер, затем, когда вышли на Доггер-банку, наступил короткий штиль. Матросы приводили корабль в порядок. Несколько человек, зная рыбную славу здешнего места, закинули сеть, но без успеха. Крузенштерн с учеными испытывал новый прибор — Гельсову машину — для определения разницы температуры воды на поверхности и в глубине.

Пассажиры приходили в себя. Появился наконец за обеденным столом бледный и молчаливый Резанов. Он смотрел с укором, словно в недавнем шторме виноват был капитан «Надежды».

Несколько раз Крузенштерн с тревогой и досадой навещал в гардемаринской каюте кадета морского корпуса Бистрема, своего племянника. Измученный непрерывной морской болезнью племянник не помышлял уже ни о плавании, ни о флотской службе вообще. К счастью, повстречался английский фрегат «Виргиния». Командиром его оказался капитан Бересдорф, знакомый Крузенштерну по службе в английском флоте. Он взялся доставить кадета Бистрема в Лондон, чтобы тот мог вернуться в Россию. Отправились в Лондон на «Виргинии» также астроном Горнер, чтобы купить недостающие инструменты, и его превосходительство камергер Резанов с майором Фридрицием — для обозрения английской столицы. Вернуться на борт «Надежды» обещали в Фальмуте, где корабль должен был чиниться после шторма.

27 сентября «Надежда» благополучно пришла в Фальмут, где и встретилась с «Невою».

Погода сделалась хорошая, но люди еще жили воспоминаниями шторма. Кое-кто из пассажиров говорил между собою:

— Если такое было у берегов Европы, что нас ждет в океане?

Фальмут был последним портом перед выходом в открытый океан. Все писали письма, чтобы с попутными кораблями отправить домой. Ученые делали записи в журналах наблюдений.



Писал свой «Журнал путешествия россиян вокруг света» и главный комиссионер Российско-Американской компании, верный помощник Резанова купец Федор Шемелин.

Шемелина определили на жительство в констальскую — глубокую кормовую каюту, где хранилось артиллерийское имущество. Свет сюда не проникал, днем и ночью приходилось жечь свечу в фонаре, да и та горела слабо в спертом воздухе.

При желтом дрожании огня Шемелин описывал шторм. Сообщал будущим читателям, что люди, оказавшись в той буре, вели себя по-разному: одни проявляли неустрашимость, другие — малодушие. «Последних боязнь, — писал Федор Иванович, — простиралась до того, что с каждым наклоном судна набор представлялось им, что они погружаются уже на дно морское. Каждый удар волны об корабль считали они последним разрушением оно и прощались со светом. Те, которые являли себя храбрее на берегу, оказали себя на море всех трусливее и малодушнее».

О ком именно идет речь, в «Журнале», напечатанном в 1816 году, не сказано. И мы не станем строить догадок, дело прошлое. Но стоит запомнить мысль Шемелина, что настоящая смелость проявляется именно в суровые часы, а пустая важность и надутая храбрость при виде опасности слетают с человека шелухой.

Впрочем, ни один офицер, ни один матрос робости во время шторма не проявляли, каждый служил нес честно и умело...»

Курганов закрыл папку и опять глянул на Толика: вопросительно и виновато.

— Здорово, — сказал Толик. — Даже страшно, когда про крен: встанет ли?.. Вот интересно: знаешь, что ничего с ними не случится, а все равно страшно. Будто сам на палубе... — Толик пошевелил плечами. — Будто даже брызги за шиворот...

— Да? — Курганов стремительно встал, шагнул к Толику, взял его большими ладонями за плечи (Султан стрелками поставил уши и напряжился). — Ох, спасибо тебе... Прямо бальзам на мою грешную душу.

Толик глянул в высоту — в счастливое (и даже немного красивое) лицо Курганова.

— Арсений Викторович, а какая это будет книга? Детская или взрослая?

— Что?.. — Курганов опустил руки. — Я как-то не задумывался. Хочется, чтобы всем интересно было.

— Так, наверно, и будет, — успокоил Толик.

Опять наступило молчание. И услышав снова медный стук шестеренок, Толик спохватился:

— Ой, а который час?

Курганов поднял на животе обвисший свитер, вытянул из кармашка у пояса большие часы на цепочке.

— Почти девять...

— Мама, наверно, скоро придет домой...

— Бессовестный я человек, задержал тебя.

— Да все в порядке, мы за пять минут домчим-

ся!.. Ой!.. — Толик засопел и неловко затоптался. — Арсений Викторович, мама просила... если вы, конечно, можете... Может, у вас есть сегодня деньги за перепечатку?

Курганов хлопнул себя по затылку:

— Ну, растяпа я! Ну, субъект! Сейчас, сейчас. Конечно...

Из кармана галифе он извлек потрепанный бумажник.

— Вот, пожалуйста... Ах ты, неприятность какая, десяти рублей не хватает. Как неудобно...

Он сделался виноватый, ну прямо как первоклассник перед завучем. Толик решительно сказал:

— Арсений Викторович, если у вас последние, то не надо.

— Ну что ты, что ты! Я завтра утром получу! И сразу эти десять рублей занесу. Я знаю, где вы живете, однажды заходил. Ты извинись за меня перед Людмилой Трофимовной...

— Да пустяки, — сказал Толик.

— Нет-нет, я завтра же... А эти деньги спрячь, не вытряхни по дороге.

— Не вытряхну. — Толик расстегнул курточку. Это была тесная, еще со второго класса, курточка с потайным карманом — его пришла мама для денег и хлебных карточек, когда Толику приходилось стоять в очередях.

У горящего камина

Толик проснулся так поздно, что на замороженных окнах уже сияли солнечные искры. Потрескивала печка. Стучала машинка: значит, мама в редакцию не пошла, работает дома.

Не оглядываясь, мама сказала:

— Не вздумай читать в постели. Брысь одеваться.

— Есть, товарищ капитан! — Толик кувыркнулся из-под одеяла на половику и сел по-турецки, любуясь елкой...

В эту минуту краснощекая тетка в полушубке принесла телеграмму. И хорошее утро испортилось. Варя сообщала, что придет лишь первого числа, потому что перед самым Новым годом у нее зачет. И, конечно, что она «поздравляет и целует».

— Целует она, — сумрачно сказал Толик. — Лучше бы зачеты сдавала пораньше...

У мамы тоже упало настроение. Она добавила, что дело скорее всего не в зачете. Просто распрекрасной Варваре хочется встретить Новый год в компании однокурсников.

— Конечно, — поддержал Толик. — Там у нее кавалеры со всех сторон. Выбирай какого хочешь жениха.

— Анатолий...

— А чего? Вот подожди, сама увидишь...

Мама взяла себя в руки и сообщила Толику, что он говорит глупости. У Вари действительно важный зачет, это надо понимать. Завтра она придет, и все будет хорошо и весело. А сегодня, что поделаешь,

посидят в новогоднюю ночь вдвоем. Немножко пошучить — это тоже полезно.

Толик осторожно спросил:

— А может быть, Дмитрий Иванович все-таки придет?

— Что ему у нас делать? Я же говорила: он встречает Новый год со знакомыми на работе. У них большая компания.

Толику стало обидно за маму.

— Между прочим, мог бы и тебя пригласить.

— Между прочим, он приглашал...

— Ну и... что? — упавшим голосом спросил Толик.

Мама хлопнула его по носу свернутой телеграммой.

— Дурень. Куда же я из дома? Тем более, мы думали, что Варя придет.

— Но теперь-то знаешь, что не придет, — пробормотал Толик. Он ужасно не хотел, чтобы мама уходила, но совесть требовала поступать так, чтобы маме было лучше.

— А тебя-то я куда дену?

— Я что, грудной? Посижу у елки, книжку почи-таю. По радио концерт будет интересный... К Эльзе Георгиевне схожу...

— Очень ты там нужен...

— А потом спать лягу, — сдерживая скорбь, сказал Толик.

— Нет уж, мне там все равно праздника не будет, я изведусь: как ты один? Небось, еще елку запашишь...

Толик прикинул: достаточно ли он поуготоваривал маму? Совесть подсказывала, что надо бы продолжить разговор, а здравый смысл предупреждал: так можно и палку перегнуть — мама, чего доброго, возьмет да и поддастся уговорам.

Она посмотрела на Толика и засмеялась:

— Твои герзания у тебя на физиономии напечатаны крупными буквами. Не бойся, никуда я не пойду...

Толик засопел от стыда и облегчения и хотел пробурчать что-нибудь возмущенно-оправдательное. И в этот момент, к счастью, пришел Курганов.

Мама встретила его в коридоре и привела в комнату. Сейчас Курганов показался Толику еще более высоким и худым, чем вчера. Он был в старом, очень длинном демисезонном пальто, из-под которого торчали растоптанные валенки. меховая шапка тоже была старая, потертая до лысой кожи. Шею обматывал в несколько витков красный порванный шарф.

Покашливая, Арсений Викторович объяснил, что вот такая вчера получилась досада и он очень просит извинить, что не смог расплатиться сразу. А сейчас вот, пожалуйста...

Мама сказала, что не стоило волноваться из-за пустяка. Но все равно она рада, что Арсений Викторович зашел. Пусть он раздевается, сейчас они будут пить чай... Ох, только, пожалуйста, никаких отговорок. Раз уж пришли, будьте добры подчиниться хозяйке. Пусть Толик отнесет на вешалку пальто Арсения Викторовича...

Когда Толик вернулся в комнату, Арсений Вик-

торович сидел у стола и трепал по ушам Султана. Мама весело звякала чашками и блюдами.

Курганов неловко повозился на стуле, поводил голубыми своими глазками по елке — от пола до макушки — и сказал стеснительно:

— Да, елка у вас... Хоть во дворец такую...

— Толик постарался. Как он, бедный, ее только дотащил...

— Очень просто дотащил, — бодро сказал Толик.

Курганов на секунду прикрыл глаза, улыбнулся уголкою рта.

— Запах. Детство вспоминается. Всегда, если елкой пахнет, детство вспоминается.

— Это, наверно, хорошо... — заметила мама.

— Это хорошо, — серьезно отозвался Курганов. — Без этого нельзя. — Он опять нагнулся и стал гладить Султана.

— А у вас будет елка? — спросил Толик. Мама взглянула на него укоризненно. Однако Курганов не удивился вопросу.

— Где уж мне с елкой возиться. У меня и украшений нет... Правда, две веточки поставил в графин, для запаха. Чтобы повеселее было, когда Новый год наступит... Да еще камин, пожалуй, затоплю для настроения. Толик вчера видел, какой у меня камин. Памятник эпохи...

— Как в сказке, — сказал Толик.

— Вы что же, в одиночестве Новый год встречаете? — с вежливым сочувствием спросила мама.

— А мне не привыкать... Думал было съездить к дочери в Ленинград, да отпуск не дают. Она ко мне тоже не может, обстоятельства всякие...

— Я и не знала, что у вас дочь...

— Да. Взрослая... Жена умерла в эвакуации, а дочь вернулась в Ленинград, замужем теперь.

«А вы почему не в Ленинграде живете?» — чуть не соскочило с языка у Толика, но мама вовремя посмотрела на него. Да он и сам сообразил: мало ли какие бывают причины, нечего соваться. Но уже вырвались слова: «А вы...» И чтобы как-то закончить фразу, Толик бухнул:

— А вы... приходите к нам Новый год встречать.

Толик тут же испуганно взглянул на маму. Она, кажется, растерялась, но почти сразу сказала:

— А в самом деле... Арсений Викторович, это мысль! Мы с Толиком вдвоем остались, тоже скучать собираемся. Дочь не приехала, застряла в институте... Посидим, свечки зажжем на елке, будет очень уютно...

Курганов помолчал и ответил, не поднимая головы:

— Спасибо вам громадное... Только знаете, я уж лучше дома. Не подходящий я для праздничных компаний человек, привык все больше сам с собой.

— Ну как же так! — мама, кажется, искренне огорчилась. — В праздник можно посидеть и... как говорится, в кругу.

— Можно, конечно... — Курганов опять повозился на скрипнувшем стуле, осторожно придвинул к себе блюдо с чашкой. — Можно... Да только кругу от такого гостя, как я, всегда одно уныние. Знаете, Людмила Трофимовна, за всю жизнь не научился поддерживать застольные беседы. Очень бывает не-

удобно... — Он полушутливо развел большущими ладонями, зацепил на краю стола сахарницу, сконфузился и заболтал в чае ложечкой.

— Жаль, — вздохнула мама. — Жаль, что вы не поддаетесь уговорам.

Толик чувствовал себя виноватым за весь этот нескладный разговор. Чтобы загладить перед мамой оплошность, он сказал:

— Я маму уговаривал идти встречать Новый год со знакомыми, а она боится меня оставить. Будто мне три года.

— Да не боюсь я, — серьезно возразила мама. — Просто нехорошо это: собственного сына бросать в праздник...

Курганов задержал у губ чашку, глянул на маму, на Толика, прихлебнул. Потом торопливо допил чай и заговорил, неловко усмехаясь:

— Вы уж не обижайтесь, Людмила Трофимовна, человек я для застольных бесед в самом деле неприспособленный. А вот с Толиком вчера разговорились. Общая тема нашлась...

— Мы о Крузенштерне... — повернул Толик.

— Да, это у меня давнее... Я вот подумал... Чтобы никто не скучал в праздник... Вы только не считайте мое предложение за странность. Если, конечно, Толик согласится... Вы бы пошли в гости, а Толик ко мне. Чтобы вы не волновались, а Толик один не грустил. Мы бы с ним продолжили вчерашнюю беседу...

— Ой... ура, — шепотом сказал Толик.

Удивительно, что мама согласилась. Причем гораздо скорее, чем ожидал Толик. Много времени спустя, когда Толик вспоминал эти дни, он сообразил, что маме очень надо было в ту ночь оказаться там, в гостях. Где Дмитрий Иванович. Что-то складывалось (или, наоборот, не складывалось) у нее в отношениях с этим человеком. Но в то утро Толик подумал об этом лишь мельком и без тревоги. Для беспокойства не было причин: Дмитрий Иванович такой хороший человек...

И Арсений Викторович хороший: как он все придумал!

Конечно, мама сначала сказала, что это неудобно. Чего ради Арсений Викторович должен брать на себя такие заботы.

А он, смущенно кашляя, возразил, что забот никаких. И что он зовет Толика «главным образом из чисто корыстных соображений». Толик такой внимательный слушатель, а ему, Арсению Викторовичу, очень хочется почитать кое-что из своей рукописи. Так что это, наоборот, Людмила Трофимовна и Толик сделают ему одолжение... И пусть Людмила Трофимовна не волнуется, у него прекрасная кровать, Толику на ней будет удобно. А сам Арсений Викторович уляжется на стульях, ему не привыкать.

— Ну уж это ни в коем случае, — сказала мама. — На стульях прекрасно устроится Толик.

Толик и подумать не мог, что подкатят эти слезы...

Сначала все было замечательно.

Комната Курганова оказалась прибрана, в ней пахло елкой. Ветки в графине были не просто ветки, а густые лапы, и на них даже блестели три зеркальных шарика. У камина лежали березовые дрова. Арсений Викторович обрадовался Толику, помог раздеться, удивился и смутился, что мама дала ему с собой большой кулек замороженных пельменей, и пошел ставить для них на плитке воду (когда-то закипит!).

Султан по-хозяйски растянулся на шкуре.

Толик сел у стола с еловыми ветками.

Наступила какая-то непонятная минута. Опять стучали невидимые часы. У Курганова «не контактила» плитка, и он смущенно чертыхался вполголоса. Свежие хвойные лапы пахли очень сильно, и Толик вспомнил свою елку. И подумалось: «А почему все так?» Он здесь, в чужом, почти незнакомом доме, а елка, с которой он столько мучился и радовался, стоит никому не нужная в пустой темной комнате... А мама... она где-то с другими людьми... Нелюбовь какая-то! Почему они с мамой в этот праздник не дома?

Конечно, сам хотел. Обрадовался, когда Арсений Викторович предложил. Ждал с нетерпением вечера. Весело попрощался с мамой, бодро примчался на лыжах сюда... И вот...

Хорошо, что хоть Султанка рядом.

Толик присел возле Султана на корточки, начал гладить его, крупным глотком загнал внутрь слезы.

— Все! — сказал Курганов. — Включилась окаянная... Толик...

Ответить бы что-нибудь, но в горле будто пробка деревянная.

Курганов подошел, постоял над Толиком. Опустился рядом.

— Взгрустнулось, что ли? — тихо спросил он. — Это бывает, не стесняйся... Я помню, было мне тоже лет одиннадцать и на рождественские каникулы приехал я на дачу к товарищу. Под Лугу... Все елку наряжают, радуются, а мне вдруг дом вспомнился... Убежал я на кухню, спрятался в углу... А ты не грусти, Толик, ночь-то проскочит незаметно. Завтра прибежишь домой, все будет в порядке... А?

Стыд — хороший тормоз для слез. У Толика затеплели уши, а пробка в горле почти растворилась. Он опять глотнул.

Курганов положил ему руку на плечо.

— Это ведь само по себе праздник, что дом твой рядом и что завтра ты в нем обязательно окажешься. И елка там, и родные люди... Мне приходилось Новый год встречать, когда до дома тыщи верст и неизвестно, когда попадешь в него. И люди кругом... такие, что лучше бы никого. Вот это тоска... Крузенштерн тогда только и спасал.

Толик посопел и спросил сипловато:

— Вы сегодня про него почитаете?

— Договорились же! Про него и про других... А сперва кое о чем расскажу, чтобы тебе все понятно было...

— А камин разожжем?

— В первую очередь!



Камин разгорелся быстро. Дрова застреляли, пламя рванулось к дымоходу, высветило чугунное нутро. — Ну вот, а теперь сядем,— сказал Курганов.

Толик поставил стул боком к огню, сел верхом, как в прошлый раз. Султан примостился у ног.

— А я так, на дровишках. Мне это привычнее...— Арсений Викторович устроился на поленьях напротив Толика, по-мальчишески обнял колени. Помолчал. Свет падал на его лицо сбоку, яркие зайчики дрожали на залысинах. Глаза в тени глубоких впадин казались теперь большими и почти черными.

Толик с вежливым нетерпением качнул ногой. Курганов потер большим пальцем рубчик на уголке рта и попросил:

— Если я очень разговорюсь, ты меня останавливай. А то я могу на эту тему до бесконечности... Значит, о Российско-Американской компании ты уже читал?

— Ага... в той книжке. Но там немного...

— Много и не надо, главное, чтобы ясно было, с чего началось... Основал эту компанию Григорий Иванович Шелехов с товарищами, давно еще, в восемьдесят первом году позапрошлого века. Человек он был энергичный, умный. И мореплаватель, и торговец, и промысловик. Добывали русские люди пушнину на побережье Аляски, на Алеутских островах, а главным образом на большом острове Кадьяке. Там и главное поселение было. Возили добычу через океан, в Петропавловск на Камчатке, а оттуда в Китай, на продажу.

Трудное это было дело, опытных моряков не хватало, суда тамошней постройки были неважные, гибло их немало... Да и вообще промышленным людям жилось там не сладко. Все товары и продукты, всякую мелочь приходилось через всю глухую Сибирь везти на лошадях до Охотска, а оттуда уже морем на Камчатку и в американские поселения...

Толик кивнул. Все это он уже знал.

— А Крузенштерн решил доказать, что на кораблях прямо из России, через океаны, легче, да?

— Именно... Он ведь был к тому времени опытный мореплаватель, хотя исполнилось ему едва тридцать лет. Успел он отличиться во многих сражениях, потом служил у англичан: был, по-нашему выражаясь, на длительной практике за границей... Там тоже пришлось повоевать, с французами. Побывал он в Америке, в Африке, в Индии, а потом добрался до Китая. Все ему было интересно: как люди живут в дальних странах, какие у других народов корабли и моряки, как торговля идет. И все время он думал: почему же русские суда в большие плавания не ходят? Разве наши матросы и капитаны хуже других? И почему в России должны люди втридорога платить за товары, которые привозят иностранцы? Разве не можем мы сами вести морскую торговлю?

...И вот, когда Крузенштерн возвращался из Китая в Европу на корабле «Бомбей Кастль» (а было это в тысяча семьсот девяносто девятом году), составил он свой проект кругосветного плавания. Первая часть была о торговле. О том, что российские корабли могут везти нужные товары на русские промыслы в Тихом океане, забирать там пушнину, вы-

годно продавать ее в китайском городе Кантоне, а там нагружаться товарами, которые нужны в России и Европе. Такие же товары можно было закупать по пути через Индийский океан: в Батавии, в Калькутте...

Но это еще не весь проект. Мне кажется, Крузенштерн считал торговые дела не самыми главными. Просто этой важной причиной от старался убедить начальство в пользе кругосветного плавания. О таком плавании Крузенштерн мечтал с детства. Он ведь был, как говорится, моряк до мозга костей. Человек, самой природой предназначенный для путешествий, для открытий, для изучения всяких морских тайн, а их тогда было видимо-невидимо еще... Можно сказать, вся наша Земля тайнами дышала...

И вот писал Крузенштерн, что русский флот должен стать таким же славным и знаменитым в искусстве дальних плаваний, как самый лучший тогда — английский. И что не должны российские моряки уступать иноземцам в географических открытиях...

Ну, как ты помнишь, сперва этот проект не одобрили. Или просто-напросто затеряли среди канцелярских бумаг.

Крузенштерн разозлился на царских бюрократов и ушел в долгий отпуск, уехал в свою деревню под Таллин (тогда он назывался Ревель). Подумывал уже совсем уйти из флота...

— Как это? А говорите — «моряк до мозга костей».

— Да, он и был таким. Я ведь сказал уже, сколько он морей и стран повидал к тридцати годам... Но тут он решил: раз дальше не получается, нечего зря морской мундир носить. После всего, что было, не плавать же в Маркизовой луже (так Финский залив прозвали). Вот и подумал: займусь хозяйством или буду учителем географии в той школе, где когда-то сам учился...

Надо сказать, что ребяташек Иван Федорович любил и, видимо, к учительскому делу чувствовал какую-то тягу. Недаром стал потом заведовать Морским корпусом...

Но это потом, спустя много лет. А пока жил он в глуши, и вдруг примчался к нему фельдъегерь: «Вас вызывает адмирал Мордвинов, новый морской министр...»

Прибыл Крузенштерн к министру и слышит: «Господин капитан-лейтенант, ваш проект наконец рассмотрен и принят. Готовьтесь стать во главе экспедиции».

— Вот обрадовался-то! — воскликнул Толик.

— А вот и несколько... — вздохнул Курганов.

— Почему?

— Потому что все хорошо в свое время... У Нозикова про это, кажется, не написано... Крузенштерн тогда только женился, жена ребенка ждала... Легко ли уезжать в такую пору?

— Но все равно... Он же моряк, — тихо сказал Толик.

— Да. Но ты пойми его... Ты вот на одну ночь из дома ушел, да и то загрузил. А ему-то на три года... А ведь тогда плавания были не те, что сейчас. В наше время где бы ни был корабль, он по радио

может связаться с родным портом. А тогда что... Письма шли иногда по полгода, со случайными кораблями или по суше через половину земного шара. Плынешь и думаешь: «А как дома? Нет ли беды какой? Живы ли?..» Знаешь, Толик, не бывает хуже пытки, когда ты далеко от родных, а писем нет и нет...

Толику почему-то стало неловко, и он проговорил поскорее:

— Но ведь Крузенштерн согласился.

— Да, потому что Мордвинов сказал: иначе не будет плавания совсем. Разве мог Крузенштерн это допустить? Ну и... правильно ты говоришь, он был моряк. Как представились ему снова паруса и океан, оказалось, что это сильнее...

Но еще год ушел на подготовку экспедиции. И только седьмого августа тысяча восемьсот третьего года «Надежда» и «Нева» покинули Кронштадтскую гавань...

— Седьмого августа — это по старому стилю? — с пониманием спросил Толик.

— Да нет, по новому... Крузенштерн при описании путешествия использовал в датах стиль, принятый в Европе. Так называемый грегорианский. То есть тот, который у нас ввели только после революции... В девятнадцатом веке наши числа отставали от европейских на двенадцать суток. Крузенштерн делал астрономические вычисления по английским и французским таблицам и не хотел путаницы...

— Вот и хорошо! Сейчас не надо делать поправки, когда его читаешь, да?

— Да... Скоро корабли пришли в Копенгаген, потом направились в Англию... Какой шторм прихватил корабли в Скагерраке, я тебе вчера читал.

— И про то, как в Фальмут пришли.

— А после Фальмута вышли наши моряки в открытый океан... Потом была стоянка у острова Тенериф. Я про нее лишь мельком упоминаю, об этом и так много написано. А вот про то, как наши корабли перешли экватор — целую главу сочинил... Может, я почитаю теперь, а? Послушаешь?

Экватор

«День двадцать шестого ноября по новому стилю начался ясно, без большой на сей раз жары и при ровном ветре от румбов между зюйдом и зюйд-остом. Обросив реи на левый галс, «Надежда» шла, держась к юго-западу. На полмили впереди, высвеченная невысоким еще солнцем, тем же курсом и с той же, около четырех узлов, скоростью скользила «Нева».

Было рассчитано, что в начале одиннадцатого корабли перейдут экватор — равноденственную черту земного шара, которую не пересекало еще ни одно российское судно.

В ожидании знаменательного момента офицеры в парадных мундирах и ученые в праздничном платье вышли на шканцы и стояли группами. Не было пока лишь Резанова. Крузенштерн, астроном Горнер и штурман Филипп Каменщиков, стоя у левого фальш-

борта, брали высоту солнца. Оно белыми вспышками зажигалось на серебряных лимбах дорогих английских секстантов.

— Охота же десятый раз пересчитывать, — проворчал, глядя на них, лейтенант Ратманов. — И так все ясно по счислению...

Мичман Фаддей Беллинсгаузен сказал со строгой ноткой:

— Течения здешние мешают правильному счислению, а Иван Федорович хочет торжественную минуту определить со всевозможной точностью.

— Минута, она, конечно, торжественная, — не оставил прежнего тона Ратманов, — да уж скорее бы, а то при таком параде и свариться недолго. — Он пальцем оттянул край стоячего под самые уши, расшитого якорями воротника. — Слава богу еще, что нет вчерашней жары...

— Однако и прохлады особой нет, — лейтенант Ромберг тоже тронул воротник. — Обратите внимание, господа, какое теплое у ветра касание. — Он поднял над плечом ладонь.

Беллинсгаузен засмеялся:

— Право же, мы сегодня, как дамы в санкт-петербургском салоне: всю разговорились о погоде.

— В море погода — не для светской беседы тема, а наиважнейший предмет, — возразил слегка запальчиво Отто Коцебу, который с братом Морицем был в компании офицеров. И смешался, покраснел под насмешливо-добродушным взглядом Ратманова.

— Уж коли сухопутные кадеты начали понимать морские истины, то и впрямь, значит, наше плавание несет великую пользу, — пряча усмешку, сказал Мака́р Иванович. — А вот когда окрестят наши матросы господ Коцебу по всем нептуновым правилам, тогда и совсем моряками станете... — Он кивнул на матросов, которые между фок- и грот-мачтою наливали ведрами морскую воду в сооруженную из парусинового тента купальню.

Вода в купальне тяжело колыхалась, распирая брезентовые борта самодельного бассейна. Корабль мягко приподнимали пологие волны. Люди, уже привыкшие к плаванию, не замечали их и лишь иногда, если палуба особенно быстро уходила вниз, покачнулись, искали опоры.

Так покачулся и взялся за косяк в двери каюты действительный камергер и чрезвычайный посланник его императорского величества Николай Петрович Резанов.

Ласково пощурившись на солнце, Резанов подошел к другой группе, составляли которую люди его свиты: майор Фридрихий, надворный советник Фосс, доктор Бринкин, живописец из Академии художеств Курляндцев и главный приказчик Шемелин, который, впрочем, держался в стороне. Здесь же был и гвардейский поручик Федор Толстой. Он до недавнего времени больше льнул к дружной компании морских офицеров, но после шумной ссоры с лейтенантом Левенштерном, за которого вступились и другие, вот уже несколько дней не подходил к ним.

По дороге Резанов учтиво кивнул офицерам, которые, щелкнув каблуками, наклонили головы. Когда

же отошел он, Ратманов сказал с досадливым зевком:

— Шелковая кукла.

Было в Резанове, невысоком и щуплом, что-то от кавалера екатерининских времен — недавних, но уже отошедших в прошлое. Паричок с буклями над ушами, камергерский мундир, похожий на камзол, шелковые чулки, маленькая придворная шпага со старинной, в хитрых завитках рукоятью. И некоторая плавность и приторность в разговорах, раздражавшая флотских офицеров, воспитанных в суровых правилах Морского корпуса. Салонная манера эта не оставляла Николая Петровича даже во время споров.

Впрочем, споры пока не выходили за рамки светских приличий, хотя начались они давно, еще в Кронштадте. Тогда Крузенштерн взялся за голову, узнав, сколько помещений требуется свите посланника и сколько посольского и компанейского груза сверх расчета надобно уместить в трюмах. О чем думали раньше в дирекции компании, в министерстве и при дворе?

Крупная размолвка случилась и в Копенгагене, когда заново перегружали корабль. Резанов хотя и ласковым голосом, но с полным ощущением власти попытался излагать свои требования.

— Ваше превосходительство, — ответил тогда Крузенштерн, — взятая нами гамбургская солонина, как сообщает мне в письме тамошний консул, приготовлена прескверно. Выгрузить бочки и пересолить ее — единственное средство. В противном случае неминуема цинга, и одному богу ведомо, сколько наших служителей недосчитаемся мы тогда в долгом нашем плавании. Достаточно нам прискорбного случая на «Невзе», когда по недосмотру корабль лишился прекрасного матроса...

Резанов развел руками и поднял к потолку каюты глаза, давая понять, что на все воля божия.

Крузенштерн сухо продолжал:

— Как командир, я считаю своим долгом неизменную заботу о матросах, с тем чтобы каждый из них вернулся в отечество живым и здоровым.

Резанов сказал:

— Мы все, выполняя высочайшую волю, отправились в сие опасное предприятие и не можем теперь знать, вернемся ли. Во славу государя императора и России мы обратили себя на риск равно с рядовыми служителями. Я же замечаю, господин капитан, что о матросах печетесь вы не в пример больше, чем о других участниках экспедиции.

— Это потому, что матросы судьбою и званием своим поставлены в полное нам подчинение. Можем ли мы пользоваться недостатком их прав и забывать о тех, о ком заботиться — наша первая задача?

— Первая задача наша, — напоминал Резанов, — неукоснительное исполнение всех миссий, определенных волею его императорского величества.

— Миссии эти завершить успешно без матросов мы не в состоянии. От них зависит исход экспедиции, — отрезал Крузенштерн. И не сдержал раздражения: — Одно дело ваш повар, коего тяжело больным сочли вы нужным взять в плавание и чья неминуемая кончина ляжет только на вашу совесть. Дру-

гое дело — матросы, за которых отвечаю я, равно как и за корабли, мне доверенные. Посему, ваше превосходительство, во всех делах, связанных с плаванием, считаю себя единственным командиром...

Первый лейтенант «Надежды», испытанный моряк и кавалер боевого ордена Ратманов поддерживал капитана во всех спорах. Он бывал даже круче Крузенштерна, таков уж характер Макара Ивановича. И от других офицеров Ратманов суждений своих не скрывал. Вот и сейчас, на шканцах, продолжил он разговор:

— Да и не в том беда, что кукла он, а в том, что при пудренных своих мозгах лезет в морские дела. Здесь не императорский двор и не компанейские торга...

Лейтенант Головачев до того времени в разговоре не участвовал. Стоя у планшера, смотрел, как серебристыми верстеницами прокалывают воздух летучие рыбы. Сейчас он обернулся.

— Право же, Макар Иванович, непонятно, отчего вы так невзлюбили Николая Петровича. Мысли его не всегда совпадают с нашими, да не значит же это, что он дурной человек.

— Для своих друзей придворных, может, он и хорош.

— Да не столь уж он и придворный, и звание камергерское получил недавно. Николай Петрович просвещенный человек, недаром же служил в секретарях у знаменитого нашего стихотворца Державина. Говорят, что был знаком и с Радищевым, который чуть не лишился головы за свою книгу о непосильном рабстве крестьян...

— Знаком-то знаком, да только где сейчас Радищев, а где Резанов. Радищева камергером не жаловали...

— Ну и Николай Петрович камергерство свое не в петербургских палатах проживает, — слегка раскрасневшись, возразил Головачев. — С нами идет вокруг света. А каково ему? Жену похоронил недавно, тоскует. И о детях оставленных тревожится.

Ратманов, однако, не сдался:

— О жене, коли ее нет уже, не все ли равно, где тосковать? — грубовато усмехнулся он. — Что на берегу, что в океане... А о детях обещана ему государем великая забота...

— Капитану нашему тоже несладко, — вмешался мичман Беллинсгаузен. — От молодой жены ушел в море, от сына, который только что родился. Легко ли? Небось, ночей не спит...

— Да полно, господа, — сказал лейтенант Ромберг. — Что бы ни случилось, государь не оставит наших близких.

— Это уж точно, — усмехнулся Ратманов. — За государем мы, как за каменной стеною...

Все неловко замолчали: слова были вроде и правильные, а вот усмешка Макара Ивановича...

— А что это, господа, мы о всяческой суете беседуем! — излишне громко воскликнул Беллинсгаузен. И добавил уже искренне: — О том ли надо думать, когда близится такая минута! Ведь экватор же! Мыслимо ли?

— А и в самом деле, черт подери! — весело согла-

сился Ратманов. Тряхнул головой и засмеялся.— Сколько ни плавал в жизни, а не чаял быть при таком деле. Российские корабли первый раз вступают в другое полушарие Земли! А?

— Да скоро ли уж? — нетерпеливо сказал Отто Коцебу.

В то же время шла беседа и в группе, где стоял Резанов. Глядя на матросов, что возились с парусиновым бассейном, майор Фридриций сказал, пряча под шуткой опасение:

— Как бы капитан наш не распорядился учинить Нептуново крещение всем без различия званий. Право, господа, экватор — великое достижение, но стоит ли он насморка?

— Полагаю, господин Крузенштерн пощадит нас, — в тон майору ответил Николай Петрович, — и ограничится лишь малой церемонией. Но совсем противиться обычаю нам сегодня не пристало... По правде же говоря, обычай сей мне кажется ненужным. Подобные игрища устраиваются обычно на кораблях иных наций. Надобно ли россиянам перенимать то, что чуждо русской вере и духу? Господин же Крузенштерн столь долго служил в английском флоте, что готов и у нас завести иноземные порядки.

— Однако же английских служителей на корабли не взял ни одной души, — вставил Толстой. — Адмирал Ханьков ему за то чуть шею не перегрыз, капитан же уперся: лучше русских матросов на свете нету.

— Странно, граф, что вы так заступаетесь за капитана, — кисло усмехнулся надворный советник Фосс — белобрый молодой человек со скучным лицом. — Господин Крузенштерн вас, кажется, не жалует.

— Да и я его не очень-то жалею! Зато жалею матушку-правду, — весело разъяснил Толстой. — И матросов наших люблю за лихость. И крещение Нептуново с ними приму нынче непременно... Это подумать только, господа! Купание на экваторе! Будет что рассказать в Петербурге. Дамы станут квохтать как курицы...

— У вас, граф, одна забота: горячительные напитки да женский пол, — вздохнул пожилой доктор Бринкин. — Никто уже не чаёт услышать от вас иное.

— Я умею обращаться и с мужским полом! — немедленно взвинтился Толстой. — Для этого потребно немного: десять шагов на палубе и два пистолета!.. Да куда вам! Пистолет — не клистирная трубка...

— А дуэль — не средство решать споры, — заметил Фосс.

— Это почему же, господин надворный советник?

— Да потому, что никто не выигрывает. Одного увозят на кладбище или в лазарет, а другого сажают в крепость... Закон, как вам известно, запрещает поединки.

— Я слабо знаком с законами, — усмехнулся граф. — В квартальных приставах не служил.

Доктор Бринкин развел руками:

— Я не понимаю, господин поручик, что вам за радость каждого зацепить обидным словом?

— Граф не сказал ничего обидного, — с ленивым спокойствием возразил Федор Фосс. — Я действительно был одно время квартальным приставом в сто-

лице. В конце концов, не всем же состоять в гвардии, кто-то должен и делом заниматься.

— Вы хотите сказать, что гвардейцы — бездельники? — сощурился Толстой.

Не меня выражения лица и тона, Фосс разъяснил:

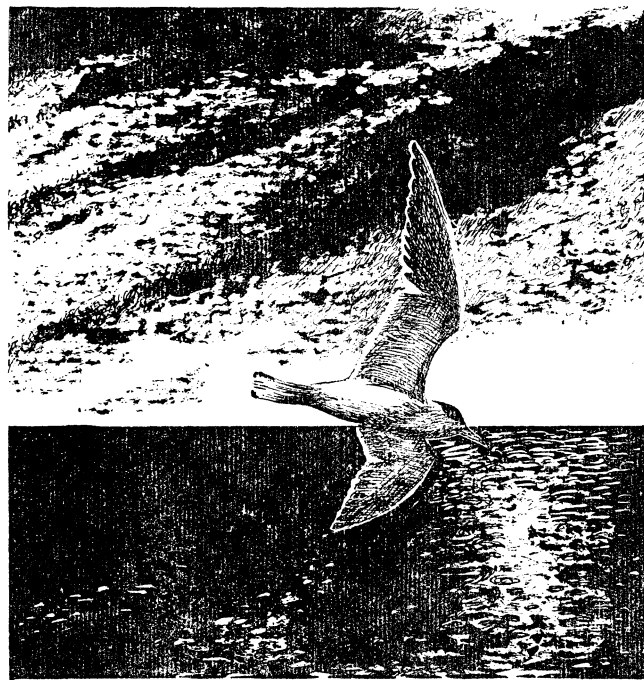
— Я хочу сказать иное. Когда кто-нибудь меня все же заставит нарушить закон, я сумею показать, что квартальные пристава стреляют не хуже гвардейских поручиков...

Граф подался вперед — с единственной, конечно, целью потребовать, чтобы Фосс доказал это в самое ближайшее время.

Но Резанов возвысил голос:

— Господа! Оставьте! Возможны ли такие разговоры в славную минуту!.. Смотрите, «Нева» повернула, идет нам навстречу.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ





Тамара Бунке



ТАНЯ-ПАРТИЗАНКА

Виктор КЛОЧКОВ

27 марта 1967 года правительственное радио Боливии передало сообщение о вооруженном столкновении с партизанами в районе Ньянкауасу. Столичная газета «Диарио де Ла-Пас» рассказала, что среди партизан была женщина...

Открытие партизанской войны в Боливии немедленно было связано с именем Че Гевары: его появления вот уже девятнадцать месяцев, в которые о нем ничего не было слышно, ожидали в любой из стран Американского континента. Западные журналисты пытались задавать вопросы Фиделю Кастро. «Мы не обязаны отчитываться перед кем-либо о местопребывании Че, — сказал лидер кубинской ре-

волюции. — Майор Гевара всегда совершал и будет совершать революционные действия».

Но если вскоре пребывание Че Гевары в Боливии было подтверждено обнаружением его «Послания к народам мира» и фотографий, где он снят в партизанском лагере, то имя его боевой соратницы оставалось неизвестным. Записи в дневнике Че Гевары проливают очень скудный свет на ее личность: «Все указывает на то, что Тانيا опознана...»

Латиноамериканская патриотка, коммунистка, гражданка ГДР Тамара Бунке, которую знали в Боливии как Лауру Гутьеррес Бауэр и которая вошла в историю революционной борьбы под именем Тани-партизанки, родилась 19 ноября 1937 года в Буэнос-Айресе, в семье немецких антифашистов, эмигрировавших в Аргентину после прихода Гитлера к власти.

Какой она была в детстве?.. Смелой. В три года ездила верхом. Отчаянной... Однажды, будучи совсем маленькой, она попала в плавательный бассейн и, увидев купающихся людей, прыгнула в воду, хотя и не умела плавать. Когда ее вытащили, она не плакала...

Но, конечно, вряд ли можно стать подлинным революционером благодаря одной только смелости. Гораздо важнее было другое. Ее родители, немецкие коммунисты, поддерживали свои убеждения и в эмиграции: в их доме пряталась нелегальная литература, проводились собрания. С малых лет Тамара принимала в этом посильное участие. «Мы объясняли, — рассказывает мать, Надя Бунке, — используя простые, понятные ребенку слова, что боремся за счастье для всех людей, говорили об Октябрьской революции, разъясняли, как наживается богатство посредством эксплуатации...»

Детство Тамары прошло в Аргентине, и она навсегда полюбила эту страну, ее обычаи, ее гордый и свободолюбивый народ. Она рано выучилась играть на гитаре аргентинское танго, бразильскую самбу, кубинскую румбу...

«Ей было всего четырнадцать лет, но она уже имела твердые политические убеждения», — вспоминает один из ее немецких сверстников в ГДР, куда семья Бунке снова вернулась в 1952 году. Тамара имела не только твердые убеждения, но и жизненную цель. Целью ее стала борьба за права свободного человека и прежде всего за свободу своей первой родины — Аргентины, куда она стремилась всей душой и в четырнадцать, и в восемнадцать, и в двадцать лет... Об этом говорят ее письма латиноамериканским друзьям: «Напиши мне о работе партии, и особенно молодежи в Аргентине», «Я вернусь самое позднее в начале 1959 года...»

Она продолжала следить за политической жизнью в Латинской Америке. Когда же Тамара узнала о создании «первой свободной территории Америки», то ликованием ее не было предела: кубинская революция стала первой победной ласточкой в борьбе за свободу на Американском континенте!

Тамару интересует буквально все: тактика партизанской войны, движущие силы, песни повстанцев... Она перевела на немецкий язык гимн «Движения 26 июля», и впервые в ГДР он прозвучал в ее переводе.

Особый интерес вызывают у нее молодые руководители новой Кубы, и среди них Эрнесто Че Гевара — аргентинец по происхождению, команданте кубинской революции и коммунист по убеждениям.

Спустя полгода, в 1960 году, Тамара лично познакомилась с легендарным революционером: она была переводчицей Че Гевары, прибывшим в ГДР во главе кубинской делегации. Именно тогда она окончательно решила ехать на Кубу.

Расставаясь с ГДР, она писала своим друзьям о зна-

чении этой страны, ее второй родины: «Здесь я делала первые шаги в создании новой жизни и строительстве социализма. Здесь я почти девять лет носила голубую рубашку Союза свободной немецкой молодежи, вступила в ряды Единой социалистической партии Германии. Именно здесь училась я любить и защищать первую социалистическую революцию в Латинской Америке...»

12 мая 1961 года Тамара Бунке прилетела на «мятежный остров», ставший ей третьей родиной. «Нет ничего более прекрасного, чем быть здесь, где все кипит и революционная борьба в полном разгаре», — писала она из Гаваны «товарищу папе» и «товарищу маме».

Тамара работает переводчицей в министерстве просвещения, становится бойцом территориальной милиции, каждое воскресенье ездит на сафру, ликвидирует неграмотность в одной из воинских частей... «Среди прочего, я работаю в радиопрограмме женской организации. Сегодня сама составляла и вела передачу на Латинскую Америку...»

И при всей своей колоссальной загруженности она, как вспоминает ее товарищ по Гаванскому университету, «все же никогда не пренебрегала своей внешностью и всегда выглядела привлекательной. Да что там привлекательной, она была просто красивой!» Двери ее квартиры не закрывались, друзей было множество; она кормила гостей вкусными обедами, пела для них свои любимые «Подмосковные вечера»... Здесь, на Кубе, встретила она свою большую любовь. «Как он выглядит?.. Типичный кубинец и очень, очень милый. Вам понятно? Ах, я забыла самое главное: он, — настоящий революционер!» — отвечала она на расспросы родителей.

И вдруг все это резко меняется. Тамару все реже видят в общественных организациях, все чаще друзья находят двери ее дома запертыми, она сторонится знакомых... Отказ от политической работы, от службы переводчицей, друзей, учебы — всего, что наполняло ее жизнь, — был первым этапом в ее подготовке к «двойной жизни». Тогда она и взяла себе подпольное имя Таня — в честь советской разведчицы Зои Космодемьянской, «Тани-партизанки»...

20 февраля 1964 года Таня получила паспорт на имя Тамары Лоренцо, переводчицы министерства промышленности, и выехала в кубинский город Сьенфуэгос со специальным заданием. После выполнения задания с ней встретился Че Гевара.

Местом ее предстоящей работы будет Боливия. В ее задачу входит завязывание прочных связей с высшими военными и правительственными кругами, изучение политического положения. До прибытия связника из Гаваны она не имеет права просить помощи, искать связи с товарищами... То есть строжайшая секретность.

Для отработки легенды, согласно которой ей предстояло жить, Таня неоднократно выезжала под именами Хильды Бауэр и Марты Ириарте в Западную Европу. Больше года она прожила в европейских странах: изучала нравы, обычаи, привычки буржуазного общества, примеряя их на себя. Нарядные платья и блузки вместо полувоенной формы, притворство и ложь вместо товарищеских отношений, апатичность во взглядах — разодетая куколка, и ничего больше... С трудом привыкала она к своему новому положению. Но в Центр сообщала, что справится с «ролью»: «...У меня есть актерские способности, я верю в свою легенду и в случае, если кто-нибудь станет утверждать обратное, я сочту его сумасшедшим».

В результате этих поездок в Центре появилось пятнадцать страниц с грифом «Совершенно секретно» — биография Лауры Гутьэррес Бауэр. Под этим именем она работала в Боливии.

Итак, Таня — подпольная кличка. Легальное имя — Лаура... Ей удалось завязать личные контакты с президентом страны и министром обороны — информация шла из первых рук. У нее сложились прекрасные отношения с ведущими чиновниками министерства иностранных дел — через них был доступ к подлинным бланкам документов. Боливийское гражданство оформлено легально — это давало возможность свободного передвижения по стране.

Лаура Гутьэррес вхожа в боливийское высшее общество... Никому и в голову не приходит, что ее занятие — революционная деятельность...

Сотрудник, посланный с нею на связь, в отчете руководству отметил громадные успехи, достигнутые за два года безупречной работы. Единственное его замечание касалось того, что «Таня чересчур экономна, я почти принудил ее купить новое платье. Больших трудов стоит убедить ее останавливаться в самых дорогих отелях... Она сказала мне: «Как бы я хотела послать на Кубу эти доллары, которые присылают мне! Революции так нужна валюта...»

Для прикрытия своей подпольной работы Таня много занималась народной культурой Боливии — музыкой, керамикой. Ею была устроена в Ла-Пасе первая выставка боливийских национальных костюмов, она собрала фонотеку народной музыки, готовила к печати книгу о песнях боливийских горцев...

И с нетерпением ждала сигнала о начале решительных действий. Момент этот наступил в середине 1966 года, когда в Боливию прибыл первый партизанский отряд. С ним — инструкции Че. На то, какое исключительное значение придавал ее работе Че Гевара, указывает такой факт: когда отряд был окружен правительственными войсками, одной из главных задач было вывести Таню. И только убедившись, что она раскрыта с помощью дезертиров, Че Гевара выдал Тани автомат, тем самым зачислив ее в отряд... Ликованию ее не было предела: наконец-то осуществилась ее мечта — сражаться с оружием в руках против солдат режима!

«Она шла впереди меня, — вспоминает капитан Гарри Вильегас, — и поэтому я могу подтвердить, насколько стойким человеком она была — выдержала до конца, наравне с мужчинами, привыкшими к длительным маршам...»

Теря товарищей, терпя лишения, голодая, отряд Че Гевары пробивался сквозь кольцо правительственных войск. По тактическим соображениям Че разделил отряд на две части. Таня заболела и скрывала это, но началась такая сильная лихорадка, что ее вынуждены были оставить с группой Хоакина. Там было много необстрелянных новобранцев, присутствие Тани и ее твердость способствовали поддержанию у них боевого духа.

Люди Хоакина должны были оторваться от войск, занятых преследованием основных сил партизан. В результате предательства группа Хоакина попала в засаду и была полностью уничтожена.

...Солдаты правительственных войск увидели женщину, в брезентовых брюках, солдатских ботинках, с рюкзаком за спиной. Она появилась из-за кустов, чтобы войти в воду. Таня успела лишь потянуться к своему оружию — пуля, выпущенная из засады, пробила ей легкое...

Не только все силы, но и жизнь отдала Тамара Бунке в борьбе за свободу боливийского народа, за лучшую долю для людей в Латинской Америке, которую считала своей родиной.

ЛЕТО, В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Рисунки Ольги Горячевой



Александр РАХВАЛОВ

МАК

Не бродите по маку.
В бутонном ряду
Запылали они у меня на виду!
Прижимаюсь к цветку —
и пылает щека,
наливаясь огнем, как глазница быка...
И опять оживаю...
Конечно, живу!!
По широкой заре, будто в лодке, плыву.

Не бродите по маку.
Свернувшись кольцом,
спит тревога во мне, как собака.
Пусть приснится ей сон про собаку
с безобидным собачьим концом.

Не бродите по маку,
когда он цветет...
Маков день,
Маков цвет,
Маков счет...

И кукушка под сердцем сосет:
не бродите по маку.

Амир МАХМУДОВ

ОКНА

Мороз на окна иней нанесет — и
Засахарятся окна, будто соты.
Мороз начертит черточки-ресницы —
Потупят взор оконные глазницы.
Стекла коснешься пальцем обнаженным —
В ответ посмотрят окна поражено.
А если угол зренья вдруг изменишь —
Стекло, как заводь тихую, оценишь,
Глядь — и влюбился, и к нему прикован,
И девой за окошком околдован.

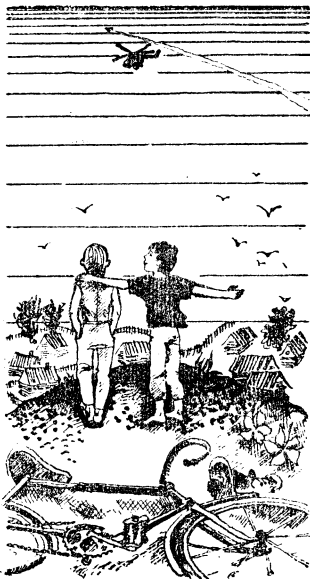
* * *

Весну проводим.

Лето, в добрый путь!

За осенью зиме придется минуть.
Себе лишь вслед нельзя рукой махнуть
Пред тем, как землю навсегда покинуть.

Перевела с татарского
Марина Кудимова



Евгений РАЗУМОВ

ГЕЛИКОПТЕР

А над памятью снова и снова
зависает волшебное слово
«геликоптер» — тире — вертолет.

Что есть мочи я жму на педали,
и кручу, и лечу — не туда ли,
где пацан восьмилетний живет?..

Эге-гей! Подо мной — огороды...
Отрицая законы природы,
аппарат мой висит над землей.

Значит, все-таки выкрутил гайку
тот пацан из чужой таратайки,
чтобы винт закрепить рулевой.

Значит, был геликоптер!.. Неправда,
что меня не возьмут в космонавты.
Понимаете — я же лечу!

Вот и двор за тесовым забором,
И Серега Колесин, с которым
ковылял я в тот день ко врачу.

ПСКОВ

На реке Великой
около кремля
голубиной книгой
шелестит земля.

Древние реченья.
Словеса скупы.
И за каждой тенью —
свет ее судьбы.

Перед этим светом
голову склоню.
Поклонитесь дедам —
вечному огню!

* * *

«Ау!» — кричат над морем души,
и кто-то вторит им на суше.
Летят навстречу голоса.
Роса на кладбище. Роса.
Скамейка. Влажная газета.
Глаза отцовского портрета
глядят из мраморных глазниц
на череду соседних лиц
и на меня, который в шляпе,
который хризантему папе
принес и думает бог весть
о чем... Еще минута есть —
вздохнуть, поежиться и — ходу.
Но звук плывет по небосводу —
«ау! ау! ау!» Ничей.
Подшвы впитывают клей.
Стою. А звук уже за лесом —
летит над кровельным железом,
где жизнь, где фото на стене,
чей голос тает в вышине.

«Остаюсь ВАШИМ ЧИТАТЕЛЕМ...»



В прошлом году (в № 6) мы обратились к вам, дорогие читатели, с коротенькой анкетой:

- ВАШ ВОЗРАСТ, РОД ЗАНЯТИЙ?
- ДАВНО ЛИ И КАК ЧИТАЕТЕ НАШ ЖУРНАЛ (ПОПАЛ В РУКИ СЛУЧАЙНО, РЕГУЛЯРНО СМОТРИТЕ В БИБЛИОТЕКЕ, ВЫПИСЫВАЕТЕ)?
- КРАЕВЕДЕНИЕ, ФАНТАСТИКА, НАУКА, ПУБЛИЦИСТИКА... КАКОЙ ИЗ РАЗДЕЛОВ ЖУРНАЛА ЛИЧНО ВАМ ДАЕТ БОЛЬШЕ ПИЩИ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ?
- ЕСЛИ БЫ ВЫ БЫЛИ РЕДАКТОРОМ, КАКИЕ РУБРИКИ ВЫ ПРЕДЛОЖИЛИ БЫ ЗАМЕНИТЬ И ЧЕМ? ДРУГИЕ ВАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УЛУЧШЕНИЮ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»?

И мы получили сотни писем. Естественно, разнообразие читательских мнений, предложений велико. Но все-таки по схожести мыслей всю почту можно было разложить на несколько стопок, что мы и сделали. Предлагаем из каждой стопки по одному письму, в котором наиболее характерные суждения.

Мы надеемся и впредь поддерживать диалог с вами, дорогие читатели; ждем ваших писем, написанных уже не только по поводу анкеты, а и под впечатлением прочитанного.

«Следопыт» читаю давно, но много лет удавалось купить лишь разрозненные номера. Теперь оформил подписку, после того как лимит на ваш журнал был снят.

Мечтаю об увеличении объема фантастики в журнале, потому что возможности этого жанра литературы в отображении проблем современности, в воспитании молодых людей большие. Жаль, что не даете переводной фантастики. Сколько неизвестных у нас, великодушных вещей опубликовано в последние годы за рубежом!

А чтобы увеличить емкость журнальных страниц, почему бы вам не применить мелкий шрифт, как, например, это делают журналы «Вокруг света» и «Юность»?

А. Висящев, инженер, 39 лет,
г. Тула.

Я из рабочей семьи и сама рабочая. Лет десять назад случайно в руки попали два номера вашего журнала. Они меня удивили, взволновали. Конечно, захотелось выписать «Уральский следопыт». В «Союзпечати» мне отказали. Обратилась в редакцию. Помогли!..

Не просто люблю читать «Следопыт», но, если можно так сказать, смакую многие рассказы и повести. Мне нравится фантастика, где не совсем уж все фантастично, а есть реальности. Люблю военную и историческую прозу. Например, «Ротмистр авиации» Ромова, «Временно исполняющий обязанности» Данилова запомнились крепко. Но особенно притягивают рассказы о жизни народов Крайнего Севера.

Очень интересен «Клуб собирателей», а также и другая рубрика — «О братьях меньших» под редакцией писателя Б. Рябинина. Побольше печатайте об историческом прошлом Родины, о природе.

Есть у вас рубрика «Люди подвига». Мне кажется, она должна быть всегда. Чтобы молодежь, увлекающаяся тряпками и машинами, не забывала о тех, кто погиб за Отечество. Если не ошибаюсь, «Следопыт» не печатает о тех, кто уехал за границу в поисках лучшей жизни... Надо показывать их раскаяние, желание вернуться... Это же урок молодежи, преклоняющейся перед заграничным. Я бы искателей легкого счастья обратно не пускала.

Л. Цингарелли,
г. Серов.

Мне 15 лет, я учащийся. Лет пять назад в библиотеке увидел впервые ваш журнал. Понравился. Стал брать чаще. С 1983 года выписываю.

Если бы я был редактором, то объединил бы некоторые рубрики. Для чего? Чтобы их было видно еще лучше. Предлагаю новую рубрику — о спорте.

Фантастику можно было бы вынести в приложение к журналу.

Андрей Макковеев,
г. Омск.

«Уральский следопыт» выписываю с 1970 года. На мой взгляд, журнал стал менее интересен в связи с злоупотреблением фантастикой. В принципе, поймите, я не против нее. Но фантастика фантастике

рознь. В 20-х годах я выписывал журнал «Всемирный следопыт». Там была фантастика более добрая, не столь жесткая. С удовольствием читаю и все другие материалы.

Л. Ипполитов, 1909 г. рожд.,
Ракитное Харьковской области.

Мне 14 лет, учусь в школе. Выписываю журнал 4 года. Больше всего меня заставляет думать краеведение. Добавил бы рубрику о молодежных ансамблях. Почаще бы писал, если бы был редактором, о подростках.

А. Радионов,
г. Челябинск.

Читаю журнал с 1978 года. Моя профессия стеклодув, мне 26 лет. Фантастика, публикуемая в журнале, оставляет желать много лучшего. Провел опрос среди своих друзей. Они того же мнения. Так что дальнейших вам творческих успехов!

Г. Пахомов,
г. Пермь.

Мне 14 лет, окончила музыкальную школу, занимаюсь бальными танцами. Журнал читаю регулярно два года. Хотела бы увидеть рубрику «Человек и закон» и побольше юмора...

Наташа Михеева,
г. Соликамск.

Мне 21 год. Работаю на заводе. Журнал увидела случайно. Его можно прочитать у нас только в читальном зале, а днем я занята. Библиотека же работает лишь до 8 вечера. Решила выписать «Следопыт». Не жалею. Уже шесть лет не жалею...

Хотелось бы видеть на страницах «Следопыта» конкурсы карикатуристов.

Еще предложение. Сделать бы встречу советского писателя-фантаста с зарубежным фантастом.

Вы публикуете списки выходящих книг. Где же их купить?! Удалось приобрести в последнее время лишь исторические романы Г. Данилевского. Ваш журнал хочу переплести. Это будут мои любимые книги...

Т. Черепанова,
г. Рубцовск Алтайского края.

Мне 13 лет. Увлекаюсь историей, краеведением. Предлагаю печатать больше материалов по истории уральских городов, а также по истории всей России. Больше рассказов о старожилах! И еще предлагаю рассказывать в журнале о рукоделии и мастерах.

Ирина Оточина,
г. Чайковский Пермской области.

Хорошо, что журнал советуется с читателями... Мне 18 лет. Учусь в Калининградском механическом техникуме. Буду радиотехником. «Следопыт» читаю

пять лет. Особенно мне нравятся «Поэтические маршруты», «Найти себя», «Мой друг — фантастика», хочу также поблагодарить художника Е. Стерлигову за оригинальные рисунки.

Дмитрий Ключников.

Мне 22 года. Студент Ленинградского технологического института. Год назад мое внимание привлек раздел «Мой друг — фантастика», также по душе рубрика «Давным-давно». Порадовали публикации И. Шакинко «Птенцы гнезда Петрова». Считаю ваш журнал одним из лучших юношеских журналов.

Александр Золотов.

С точки зрения художественного оформления «Следопыт» имеет свое лицо, но нет, на мой взгляд, в оформлении единства. Вот, например, номер шестой за 1986 год... Насчитал шесть художников, да еще один работал над обложкой. У каждого, естественно, свой стиль, своя техника. И единства нет! Может, предложить тому или другому художнику оформить целиком номер?

И такое замечание: до чего плохая бумага, на которой печатается «Уральский следопыт»!

В. Чифранов,
г. Белебей.

Зовут меня Алексей. Перешел в восьмой класс. Занимаюсь баскетболом, археологией, люблю в свободное время рисовать и читать. Если бы я был редактором, то печатал бы кроссворды, ребусы и загадки. Тогда бы журнал стал намного интереснее!

Мне еще кажется, что журнал не очень-то красочный, мало иллюстрированный.

А. Провоторов,
г. Энгельс.

Само название журнала говорит о том, что он должен быть и по содержанию — уральский. Так считаю...

У вас есть раздел «Клуб собирателей», но почему-то до сих пор вы не рассказали о таком замечательном музее, как Уральский геологический. Начата уральская сверхглубокая скважина... О ней тоже нет ничего. Не пора ли?

Больше должно быть материалов о Приполярном Урале. Ведь его осваивает молодежь. Вы пошли по всей России (тираж растет!), это прекрасно, но все-таки напомним: назад, к Уралу!

Э. Бахтин,
г. Нижняя Тура Свердловской области.

Мне 16 лет. Журнал читаю давно. Больше других разделов привлекает наука, фантастика, публицистика. Если бы я был редактором, то уменьшил бы раздел краеведения, печатал чаще репортажи из научных лабораторий.

Мало фельетонов, юморесок. Не пишете почти о буднях советской милиции.

А. Омельченко,
г. Ноябрьск Тюменской области.

Мне 25 лет, работаю электромонтером. Журнал попал в руки случайно. Начал теперь его выписывать и не думаю с ним расставаться. История и природа Урала — это не могу пропустить при чтении. Думаю, надо вести страничку о флоре и фауне Урала. Иллюстрированную. На Урале я служил в армии и полюбил этот край.

Владимир Пацаул,
г. Новомосковск Днепропетровской области.

«Уральский следопыт» увидел впервые в 1982 году, с тех пор не пропускаю ни один номер. Мне 19 лет, студент.

Ввел бы я, если бы был редактором, новую рубрику «Встреча с писателем»; уделил бы особое внимание пропаганде декоративно-прикладного искусства. Ведь Урал и Сибирь в этом смысле неисчерпаемы.

А. Аля,
Ростов-на-Дону.

Первое... Пора улучшить бумагу! Ведь страдают иллюстрации. Взять, например, в шестом номере за 1986 год портреты Пугачева. Трудно что-либо разоб-
рать!

Второе... Журнал должен отражать краеведческую работу в школах, направлять молодежный туризм, вести экологическую пропаганду. К сожалению, обо всем этом вы даёте скупое. Половину и более страниц номеров отводите прозе — «простой» и фантастической. Кстати, фантастика у вас далеко не всегда следопытская, такая-то она есть и в других изданиях.

Ближе к своему характеру! Не изменяйте ему. Отделу краеведения и следопытской жизни надо занять большую площадь. И активнее беритесь за организацию юных натуралистов и экологов — ваших потенциальных авторов.

Ю. Коршунов,
г. Новосибирск.

Мне 58 лет. Рабочий-строитель. Образование 8 классов. Журнал читаю давно, хотя и не с первых лет его издания. Номера, которых не имею, ишу у букинистов. Видите, ваш журнал интересен не только юношам!

Чем «Уральский следопыт» привлекает меня? Краеведением. Меня интересуют очерки об освоении Урала, Сибири, Камчатки. Не пропускаю публикации о топонимике.

У журнала свое лицо, характер, и его не следует менять. Огорчают некачественные снимки в тексте. Маловато юмористических рассказов.

Подумал и вот о чем: некоторые журналы имеют приложения. При нынешнем книжном дефиците приложение «Следопыта» будет встречено с благодарностью. Как все это осуществить — вам виднее. Тут я не силен, тут, как говорится, идеи наши, а бензин ваш...

А. Семиков,
г. Челябинск.

Учусь в СГПТУ. Меня в журнале привлекает проза. Предлагаю сделать журнал более молодежным и разнообразным. Хорошо бы включить раздел о киноискусстве. Не забывайте кино!

Лена Сифорт,
г. Челябинск.

12 лет, учусь в школе. Третий год выписываю журнал. Хотелось бы видеть больше рассказов об ученых разных эпох. Пишите о памятниках истории и культуры нашей страны.

Лена Гурьева,
пос. Пожва Пермской области.

Моя мама работала на почте, и там я случайно увидела «Уральский следопыт». Теперь уже шесть лет его читаю. Мне нравятся разделы «Мой друг — фантастика», «Человек и природа», «По белу свету». Давайте больше о том, где и какие есть учебные заведения.

А. Курбанов,
г. Кентау Чимкентской области.

Подумайте, пожалуйста, о моем предложении. Нужны очерки о людях с твердым характером. Всем нам — и читателям и журналистам — необходимо терять покой. Рано успокаиваться! Надо тормозить всех «спящих». Публикуйте резкие статьи о равнодушных. «Комсомольскую правду» я, например, выписываю потому, что там есть рубрика «Характеры и обстоятельства».

Л. Гребеньков,
г. Текели Талды-Курганской области.

Мне 15 лет. Журнал выписываю третий год. Мой раздел — краеведение. Ваша публикация об Игнатьевской пещере подсадила мне и моим товарищам новый туристский маршрут. Если бы вы еще подробно рассказывали о туристских тропах, давали их описание. Это бы многих ваших читателей вывело на природу...

Иван Пешко, г. Уфа.

Выписываю журнал 12 лет. Мне кажется, старые номера были интереснее. Больше писалось о революционном прошлом, о гражданской войне на Урале.

И. Лягаев,
пос. Кормовище Пермской области.

Мне 31 год. Инженер. Читаю журнал от корки до корки. Чего в нем все-таки не нахожу для себя? Не печатаете головоломки.

С. Иванова,
г. Великие Луки.

Давно собирался написать вам, и вот анкета — повод... Мне 44 года. Педагог. Руковожу кружками в Доме пионеров и школьников.

Сразу предложение... Скоро журналу 30 лет, и неплохо бы подумать о массовой книге, содержащей публикации из «Следопыта».

«Краеведение, фантастика, наука, публицистика...» Краеведение! Оно для меня на первом месте. Затем наука. Точнее же сказать: чем больше любая публикация содержит краеведческих сведений, тем она ценнее для меня.

Фантастика, конечно, меня в этом смысле не устраивает. Мне и в ней нужен краеведческий аспект. Фантазировал же на уральском материале ученый и писатель Анатолий Малахов. И, к примеру, его книга «Бунт минералов» воспринималась как открытие, она открывала в известном неизвестное.

Считаю нелишним дать в журнале уральскую викторину, чтобы привлечь ребят к краеведению. Простится также рубрика «В помощь краеведу».

Помещайте практические советы начинающему коллекционеру. Нужна серия публикаций о городах. А что, если создать на страницах журнала всеуральский краеведческий музей? Иными словами, хотелось бы повернуть «Уральский следопыт» к Уралу. Успехов Вам!

В. Непомнящий,
г. Верхняя Пышма Свердловской области.

Очень люблю читать о приключениях, фантастику, потому и подписался на «Следопыт». Подписался — разочаровался! Журнал скучный, провинциальный. Не поймешь, на какого читателя рассчитан? Ничего следопытского в нем нет. Но, будем надеяться, у вас появятся лучшие произведения отечественных и зарубежных писателей. Желаю перестроиться!

А. Воробец,
г. Старокопстантинов Хмельницкой области.

Очень хочется, чтобы вы больше печатали исторических сведений. Например, о периоде освоения Урала, о Демидовых и Строгановых. С интересом бы прочитал о том, как была подарена Томскому университету библиотека. Это — малоизвестная страница отечественной истории.

Т. Иванченко,
ст. Воровсколеская Ставропольского края.

У вас есть рубрика «О братьях меньших». Предлагаю разделчик, где рассказывалось бы только о собаках. Наверное, вы получаете немало писем, в которых вам задают вопросы по собаководству. С появлением рубрики «Что мы знаем о собаках» исполнилась бы моя мечта.

Наташа Ожегова,
г. Челябинск.

37 лет, родился в Сибири. Рабочий, шлифовщик-инструментальщик.

Читаю журнал 10 лет. Открыл его для себя случайно. Люблю историю и фантастику.

Почему у журнала не 80 листов, а 80 страниц, почему выходит не раз в неделю, а раз в месяц?

Хотя ваш журнал молодежный, но его читают люди всех возрастов. Про ваш журнал можно сказать: «Активная жизненная позиция — моральный компас в делах». Словом, это наш, рабочий журнал, спасибо!

Но я позволю себе сделать и замечания... Иные авторы преподносят «мятные конфеты» о сегодняшнем мире, о молодежи и о рабочих коллективах. На апрельском Пленуме говорилось не только о мобилизации коллективов на большие дела, но и о том, как многие думают одно, говорят другое, а делают третье. Вот об острых нравственных проблемах и пишите покрепче!

Николай Пинигин,
г. Сургут Тюменской области.

Мне 49 лет. Работаю продавцом. Журнал выписываю с 1970 года. Он нравится всей семье... Было что почитать! Сейчас «Следопыт» стал неинтересен, простите... Лучше описывайте Урал, его красоту и богатства, рассказывайте о северных народах. Не забудьте ставить в каждый номер головоломки. И журнал будет опять интересным. Я многим советую выписывать «Уральский следопыт», и у нас в поселке есть ваши читатели.

Л. Ремнева,
пос. Каменецкий Тульской области.

В шестом номере 1986 года вы напечатали анкету с вопросами о том, каким читатели хотели бы видеть «Уральский следопыт». Отвечаю на эти вопросы:

Мне 35 лет, инвалид с детства... С вашим журналом познакомился два года назад в пансионате на берегу Оки. С тех пор выписываю и читаю от начала и до конца.

Хотелось бы видеть на страницах «Следопыта» кроссворды на тему природы.

25 лет увлекаюсь филателией. Собрал четыре с половиной тысячи марок о животных, птицах, цветах... Печатайте страничку филателистов!

Борис Рыженков,
г. Тула.

18 лет. Окончил школу, работаю. Нравится фантастика, проза и наука. Кстати, в разделе «Наука и техника» не встречаю материалов об астрономии. Если возможно, сделайте беседу с астрономом.

А. Семенов,
станция Новая Заимка Тюменской области.

Отвечаю на вопросы вашей анкеты:

1. Мне 78 лет, ветеран войны и труда.
2. Выписываю журнал 10 лет.
3. Считаю, что фантастику надо публиковать реже. Дают пищу для размышлений исторические публикации, рассказы о бедствиях в природе.

С. Бородаев,
г. Бахчисарай.

Мне 24 года, работаю на заводе. Люблю фантастику. И всегда нахожу ее в «Уральском следопыте». Без фантастической викторины журнал не представляю.

Предложение: печатайте библиографию. Это расширяет поиск книг.

Мне полюбили произведения Владислава Кра-

пивина, но я смог найти только девять его повестей. Опубликуйте, если можно, полный список его произведений, где и когда они печатались.

Е. Севрюгин,
г. Комсомольск-на-Амуре.

Мне 17 лет. Журнал выписываю четыре года. Что в нем интересует? Публицистика и фантастика. Предлагаю также больше давать военных очерков и рассказов.

Игорь Сизиков,
с. Гагарино Восточно-Казахстанской области.

Мне 55 лет. Металлург. Во время войны был в эвакуации на Урале. «Следопыт» читает и мой внук. Желая журналу путешествий в отечественную историю!

А. Солдатов,
г. Ленинград.

Больше пищи для размышлений мне дают следующие разделы: наука, фантастика, путешествия и экспедиции, проза и поэзия. Если бы я был редактором, то ввел спортивный отдел, можно завести также и шахматную рубрику.

И другое. Редко вспоминаете о русских писателях-классиках.

Существующие рубрики надо оставить.

Владимир Соколов,
с. Новая Рачейка Куйбышевской области.

Мне 23 года. После случайной встречи с журналом в читальном зале уже шесть лет выписываю «Следопыт». Сама пытаюсь писать, хожу в литобъединение. Печатаюсь в областной прессе, песню на мои слова даже записали для радио. Ох, что-то я расхвасталась!

Ближе к делу: читаю у вас фантастику в первую очередь; но должна сказать: а почему у вас такой слабый раздел юмора?

Н. Сергунова,
г. Джекказган.

Особенно интересуюсь краеведением. Журнал выписываю много лет. Хотел бы видеть больше публикаций о самоцветах и камнерезах — прошлого и настоящего времени.

В разделе фантастики вы печатаете слишком, на мой взгляд, длинные повести, а некоторые из них я бы вообще заменил более полезными публикациями. Буду надеяться, что в этом году в «Следопыте» будут перемены в лучшую сторону...

Д. Захаров,
г. Касли Челябинской области.

Мне 24 года, военнослужащий. Журнал читаю с тех пор, как научился читать... С 1968 года! Интересуюсь фантастикой и приключениями. Неплохими бывают материалы по краеведению, науке и технике. По душе стихи и проза.

Несколько замечаний: трудно было добраться до смысла повести С. Другаля «Василиск». «Тополиную рубашку» тоже трудно отнести к удаче писателя

В. Крапивина. Читая журнал, можно сделать вывод, что Урал — это Свердловская область. Так бы и называть журнал «Среднеуральский следопыт». Это — проявление местничества...

Валерий Подюков,
Кировская область.

Мне 85 лет. Журнал выписываю второй год. Интересуюсь краеведением, наукой, историческими очерками, острой публицистикой.

Извините за критику: желает лучшего иллюстрирование, иногда трудно разобраться, что изображает рисунок.

В. Верещагин,
г. Глазов.

Хотелось бы видеть регулярно на страницах вашего журнала краеведческие материалы из республик.

В. Рафалович,
г. Алма-Ата.

Мне кажется, «Уральский следопыт» любят за разнообразие жанров — это поистине кладовая ценной информации! Цели у журнала благородные: воспитывать патриотов. Безусловно, журнал всегда уделял внимание памятникам истории, культуры и природы. Однако внимание к экологическим проблемам, мне думается, надо углублять. Об этом говорилось на последнем съезде писателей России. Мудрое слово было у писателя Юрия Бондарева. Острее ставить вопросы о сыновнем отношении к земле, к братьям меньшим!

Василий Юровских,
г. Шадринск.

Мне 16 лет. Учусь в школе с математическим уклоном. Но регулярно читаю «Литературную газету», журналы «Нева» и «Новый мир», «Вопросы философии».

В вашем журнале краеведение и публицистика интересны. Наука представлена скудно, фантастика бывает серенькой, конъюнктурной, неоригинальной. Люблю рубрику «Читатель — редакция — читатель». Она появляется, увы, редко. В ней можно было бы печатать наиболее интересные письма, содержащие предложения по улучшению журнала.

С уважением, остаюсь вашим читателем —

С. Садовский,
г. Тамбов.

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ГОДА

Валерий МИРОНОВ
Рисунки Ольги Горячевой



М А Й

Май — самый бурный весенний месяц, период подлинного расцвета всего живого. Народный майский месяцеслов полон мудрости, наделен особыми фенологическими приметам и прогнозами, распространяющимися не только на ближайшее время, но и на весь год.

Последний месяц весны древние греки нарекли в честь мифической богини гор Майи, дочери Атланта (Зевса), матери бога торговли Меркурия и верховного божества — Юпитера. По-гречески Майя — мать, кормилица, на Востоке — прародительница, мать мира. У древних римлян она — покровительница женщин, богиня обольщения, плодородия, внешнего обновления земли.

Созвучное этому носит имя в ряде стран и союзных республик: «манси» — в Грузии, «майс» — в Латвии, «май-айы» — в Азербайджане, «майуш» — в Венгрии, «майо» — в Испании и Португалии, в арабских странах и на эсперанто, «мей» — в Англии и Голландии, в Индонезии и на суахили, «майнос» — в Греции, «маи» — в Индии (на урду), «маджо» — в Италии, «ме» — во Франции.

Однако в некоторых других странах и наших республиках май имеет свои названия. На Украине за ним сохранилось старославянское «травень», в Сербии-Хорватии он — «свибань», в Финляндии — «тоукокуу», в Японии — «гогацу» (пятый) и «сапуки» (месяц ранних посевов), в Китае — «пятая луна». Украинцы называют этот месяц еще и так — «ярець», в честь мифического славянского бога весеннего солнца — Ярилы. А по-чешски май — «квитен», то есть «месяц цветов».

Во Франции по республиканскому календарю, введенному в период Великой французской революции, в названии месяцев учитывались особенности времен года. Тогда на май приходилось две трети месяца «флореаль» («месяц цветения») и треть месяца «прериаль», что означает «месяц лугов».

Современное название пятого месяца года пришло к нам из Византии. Но на Руси издавна называли этот месяц по-своему: «листопок» (из слов «лист» и «пук травы»), «мур» (связано с появлением травы «муравы»), «росеник», «пролетень», «маковей».

По китайскому сезонному сельскохозяйственному календарю двухнедельный период до 6—7 мая назывался сезоном «урожайные дожди» (дожди для злаков), до 21—22 мая — «начало лета», а потом «малое изобилие».

Согласно так называемому календарю цветов, маю посвящается лилия, а по календарю «счастливых камней» ему соответствует изумруд.

Во многих странах мира бытуют также календари камней, приуроченных к созвездиям. По такому календарю маю до 20 числа соответствуют сапфир и созвездие Телец, а после этого числа — агат и созвездие Близнецов. До 14 мая солнце движется по созвездию Овен, а потом — по созвездию Телец.

Многие древние майские празднества, обычаи, обряды связаны с культом расцветающей растительности.

Разнообразные майские обряды, совершаемые по-разному в различных странах, имеют, тем не менее, много общего. Главным событием их было

праздничное внесение в селение зеленого деревца, которое у всех народов называлось совершенно одинаково — «май» или «майское дерево». Деревце ставили на просторной площади, украшали его, водили вокруг него хороводы, пели и танцевали. Свежей зеленым украшали и себя и жилища.

Первомай — Международный день солидарности трудящихся — родился в Чикаго сто лет назад. 1 мая 1886 года рабочие этого американского города организовали забастовку и демонстрацию, выдвинув требование о восьмичасовом рабочем дне. Через три года в Париже было принято решение о проведении ежегодных международных манифестаций «в раз навсегда установленное число». Таким днем стало 1 мая. Впервые этот день, как международный праздник, отмечен в 1890 году во многих странах мира. А спустя год первая мавка состоялась и в нашей стране — в Петербурге.

В СССР первое и второе мая — календарный всесоюзный праздник.

ПРИМЕТЫ, ПОГОВОРКИ, ПРИСЛОВЬЯ...

- Май — сердце весны.
Май — юность года.
Май — месяц цветов и любви.
Май — пора сева.
Май в году один.
Май на май не приходится.
Май холодный — год хлебородный.
Майский мороз не выдавит слез.
Майская трава и голодного накормит.
В мае все вокруг принарядится — там листком, тут цветком, а где и травницей.
В мае даже ветер поет.
Январь зародит, февраль пригреет, март — напоит, апрель — почки раскроет, а май — лист развернет.
Март сухой да мокрый май — будет каша да каравай.
Апрель с водою, май — с травой.
Ай, ай, месяц май, — и тепел и холоден.
Весел май — под каждым кустиком рай.
Холодный и ветренный май полезен для урожая.
Пришел май — о долгом сне не вспоминай.
Много майских жуков — к засухе.
Не бойся зимы, а бойся отзимка.
Весна днем красна, да и то не сполна.
Вешний день год кормит.
Красна весна, да голодна.*

Сильный ветер во время дождя предвещает хорошую погоду.

Ясная кругорогая луна — к хорошей погоде.

Хорошая погода сохранится, если восход и закат солнца чистые, золотистые или бледно-розовые.

Необычайно быстрое просыхание (иссушение) поверхностного слоя почвы, луж — к суховею.

Ненастная погода окончится, если к вечеру появляется туман в низких местах.

Если утром или днем видны барашки облаков, а к вечеру появляются слоисто-кучевые облака, то можно ожидать грозы.

После дождя образовалась радуга — дождь больше не пойдет.

Идет продолжительный дождь и вдруг запели птицы в небе — наступит солнечная погода.

Заморозок возможен, если утром стоит ясная погода, а к полудню появляются кучевые или разорванно-кучевые облака, которые увеличиваются до полудня, а к вечеру вновь исчезают.

Если при пасмурной погоде вечером уменьшается облачность, утихает ветер, улучшается видимость — к заморозку.

Наступит похолодание, если при ясной и тихой погоде вечером температура воздуха понизилась до 10—12 градусов тепла и ниже.

Если луна рождается в дождь, то дождливо будет до полнолуния.

Если влажность воздуха утром сильно уменьшается, а к вечеру опять возрастает, то это признак ясной погоды.

Месяц ощербился без дождя. Так, наверно, достоин без дождя весь месяц.

Весной облака теплы, голубоваты, завились — к холоду.

Когда звезды начинают прятаться, скоро пойдет дождь.

Бродячие облака воды не несут. Безветренная золотистая вечерняя заря — к хорошей погоде.

Чем сильнее первый удар грома по весне, тем лучше будет урожай.

Первый гром яркий, сильный и гулкий — к ядреным хлебам.

Если первая весенняя гроза придет с востока — жди хорошего урожая хлебов, с юга — умеренного, с запада и севера — будет недород.

Если первый гром с лета (юга) гремит, то хорошее лето будет, добрый урожайный год.

Первый весенний гром при северном ветре — к холодной весне, при южном — к теплой, при восточном — к сухой и теплой, при западном — к мокрой, дождливой.

Если первый гром прогремел ут-

ром, лето будет умеренное, если в полдень и с южной стороны — теплое и плодородное, под вечер — теплое, то осень холодная.

Вовремя вспашешь — веселее сплашешь.

Кто весной трудиться рад, будет осенью богат.

Сей, посевай да на небо взирай.

Небо нахмурилось, плывут тучи, а цветки одуванчика открыты — дождя не будет.

Папоротник и костянка за 15—20 часов до дождя загибают свои листья вверх, а перед солнечной погодой — закручивают их вниз.

Утром трава сухая — к ночи ожидай дождя.

Перед дождем цветки желтой акации выделяют больше нектара и сильнее пахнут, ипомея складывает лепестки, цветки лугового сердечника поникают, резкий запах издает донник, закрываются цветы козлобородника и мать-и-мачехи...

Шишки еловой много — жито можно сеять, уродится, а рожь — по сосне узнают.

Дождливый год будет, если из березы весной течет много сока.

Береза зеленеет за 5—6 дней до перехода средней температуры воздуха за плюс десять градусов тепла.

Пора пахать, когда лес одевается.

Лес сей от начала пыления ольхи до зазеленения березы.

Что вперед тронется в рост — рожь или трава, тому и урожай.

Дрема белая цветет — первоцвет пускает мед.

Если береза перед ольхой и кленом лист распустит — лето будет сухое, если ольха и клен наперед — мокрое.

Чем раньше распустится березовый лист, тем теплее будет лето.

Если журавль садится на гнездо на низких местах, то можно сеять хлеб на мокрых местах. Если журавль садится на высокие места, то хлеб на низких местах сеять нельзя — запрет.

Иволга кричит дикой кошкой — перед дождем.

Воробьи гнездятся — к ведру.

Первой касатке не верь — одна ласточка весны не делает.

Сова кричит — на холод.

Если дикие утки строят свои гнезда у самой воды, лето будет сухое, а чем дальше от воды, тем оно дождливее...

Птицы выют гнезда на солнечной стороне — к холодному лету.

Скот ложится под кровлю — к ненастью, а на дворе — к ведру.

Если муравьи вдруг затевают переселение на сухое место с твердым



грунтом, то это предвещает обильные дожди.

Пчелы с утра весело летают — будет солнечный день.

Если небо в тучах, даже гром гремит, а пчелы не прячутся, энергично трудятся — это значит, что дождя все-таки не будет.

1 мая. Что весной посеешь, то осенью и пожнешь.

Зацветание ивы-бредины указывает на начало сева редиски и моркови, лука и укропа.

Ольха зацвела — сей гречиху.

Цветение фиалки указывает, что настало время сеять морковь и петрушку.

Цветение осины указывает срок сева моркови.

Если начало мая теплое — в конце будут холода, и — наоборот.

3 мая. Влагу сбережешь, так с поля повезешь.

Пересоший пласт урожая не даст.



4 мая. День глиновяз, водошелл, маковистая заря, грачи — стадом.

Пишеница хорошо родится, если весной муравей сытый и чистый.

Рано зацвела черемуха, будет теплое лето. Чем раньше она начинает цвести, тем жарче будет лето.

5 мая. Теплый май весну сряжает (начинает).

Ночью заморозит, так сорок утренников еще на хлеб падет, сорок утренних морозов на все лето, пока хлеб в поле стоит.

Выходили на сев с первой майской росы.

Закуковала кукушка — морозу больше не бывать.

Регулярно кукует кукушка — погода будет теплая, заморозки прекратятся.

Закуковала кукушка — пошли грибы.

6 мая. Скотопас, начинают пасти коров.

Если день с теплом, то 22 мая — с кормом, а если с водой (росой), то через полмесяца — с травой.

Если день с кормом, то 6 декабря — с мостом (реки станут).

Теплый май со дня на день лето ждет.

Три похолодания случаются весной: на птицу, на вербу и на черемуху.

Прилет ласточки — добрая примета настоящей весны.

Ласточка прилетела — можно начинать сев яровых.

Ласточкина трава (чистотел) встречает деревенскую пташку (ласточку).

Соловей появляется и запекает тогда, когда может напиться росы с березового листа.

Если соловей запел в еще голом лесу — не быть урожаю.

Если березовый лист в полушку, то в сентябре положишь хлеб в кадучку.

Появляются первые грибы — сморчки.

7 мая. С этого дня бывает еще 12 морозов.

Урожай сморчков, крупные почки на осине, сильная завязь орехов — к урожаю проса.

8 мая. Прилет певчих птиц стаями на родину.

Цветет чистотел — прилетают ласточки.

Осина в сережках — урожай на овес.

9 мая. Ранопашец, первые строчки.

10 мая. Как лист березы развернется полностью, так можно сажать картофель.

11 мая. Теплый ветер приносит здоровье.

В мае два холода: дуб распускается и черемуха цветет.

Рябина цветет рано — много овса будет.

12 мая. В первой половине мая всегда возможны возвраты холодов с заморозками на почве.

13 мая. Ясный восход солнца — ведрое лето.

Теплый вечер и тихая звездная ночь — к урожаю, ведренному, сухому лету.

Если вечером взойдут звезды и подует с юга теплый ветер — лето будет теплое, с изобильным плодородием.

14 мая. Запрягальник, ярмяк, время пахоты и сева.

Последняя встреча пролетья — последняя неделя сева.

Когда на елке шишки станут красными, а на сосне зелеными — сей ячмень.

Пала роса с вечера — к ясному дню.

15 мая. Свистозарник, соловьиный праздник, сеют хлеб.

Соловей в середине мая запел — к дружной весне.

Запоет лучший солист весны — примета добрая: по соловьям и погоде.

В хорошую погоду соловей может петь всю ночь, а перед грозой и дождем всегда молчит.

Запел соловей основательно — весна пошла на убыль, а лето — на прибыль.

Запел соловей, зацвела черемуха — жди двухнедельного похолодания.

Если в середине месяца солнце всходит ясно, то всему лету быть таким — ведренным.

16 мая. Молочницы, коровьи заботницы, зеленые щи, рассадницы. В зеленые щи крапиву ищи.

Жеуча крапива родится, да в щах пригодится.

17 мая. На дубе лист в пятак — быть яровому так.

18 мая. Рассадницы, капустницы, лопатницы, высаживают огурцы и капустную рассаду.

Если рассада пьет много поливки — к сухому покосу, а не выбирает поливку — мокрым будет покос.

Чем раньше начинает цвести черемуха, тем жарче будет лето.

Цветет черемуха — лучший срок посадки картофеля.

Когда черемуха цветет, всегда холод живет.



Лопнули черемуховые почки — весна в полной силе.

Когда у черемухи много цвета, лето будет мокрые.

Цветы черемухи цветут — похолодание тут как тут.

19 мая. Огуречник, горошник, сеют горох, россеник — росы распусти.

Когда в саду зацвела калина,

значит, пришла пора высевать на грядки огурцы, тыкву, бобы, кукурузу.

Большая роса, ясный день — к хорошему урожаю на огурцы.

Появились сережки на цветущих кленах — пора сеять свеклу.

Майская роса — коням лучше овса.

Отсутствие утренней росы после поры ее ежедневного появления — к перемене погоды.

21 мая. Пшеничник, посев пшеницы.

Не сей пшеницы раньше дубового листа.

День с дождями — гриб пойдет полками.

22 мая. Травный день.

Лягушки квакают в трясине своей — овес сей.

Сеять можно до тех пор, пока цветет черемуха.

Лягушка квачет — овес скачет.

Где гроза, там и ведро.

23 мая. Оживают поля, озимые дыбятся.

Лопаются сережки у березки — время сеять хлеб.

Пшеницу сей, когда босая нога вытерпит прохладу почвы в борозде.

Копают коренья на зелья.

24 мая. Мокрый день, мокросей, дождя не сей.

Если поземный туман, образовавшийся вечером, расходится до восхода солнца, близится ненастье.

Коль багрянен восход — лето грозное придет.

Если туманно и багровый восход солнца, а днем дождь — будет лето мокрое и грозное.

Лошадь трясет гривой — к дождю. Послеобеденный дождь затягивается надолго.

Если небо прохудится, все лето будет дождик литься.

25 мая. Утро в красном кафтане — к пожарному лету.

В сухую погоду насекомых у акации не бывает, то же самое происходит и со смородиной, донником, жимолостью.

Желтые цветки акации раскрываются и выделяют много нектара — перед дождем.

26 мая. Грецинищцы, комарницы, появляются комары, начинается сбор лекарственных трав.

Греча знобу (холода) не любит.

Гречиху сей, когда трава хороша.

Гречиху надо сеять, когда зацветает рожь.

Сеют рожь с той поры, как взовьются комары.

Крупный комар — к доброму году.

27 мая. Огуречник, мотыльковый беспечник.



Ласточки летают высоко в небе — к хорошей, солнечной погоде, а если низко — к дождю.

Ласточка день начинает, соловей вечер кончает.

Появились на прудах листья белой кувшинки — к окончанию заморозков.

28 мая. Теплый день, бокогрей.

Если тепло — все лето теплое.

Осина в обильных сережках — урожай на овес.

Когда осина покроется сережками, на березах проклюнутся молодые листья, а папоротники развернут завитки листьев, — начинается первый грибной сезон.

29 мая. Житник, посев ячменя.

Зацвела рябина — наступит тепло.

Рябина ясна — зима опасна.

31 мая. Овсяник, сев овса.

Нарциссы сигналият желтым цветом: пора сеять в грунт салат, редьку, краснокочанную капусту, маргаритки, флоксы, люпины.

Дождь в мае лишним не бывает — хлеба поднимает.

Последний дуб лист развернет.

Дуб перед ясенем лист пустил — к сухому лету, будет летом забота — измучит сухота.

Дуб одевается — скотина наедается.

Если дождей в мае много, то их мало будет в сентябре (и наоборот).

Если весна ранняя, так рано заосенит.

Поздняя весна не подведет, не обманет.

По холодной весне градобойное лето.

Весной летит много тенетника (паутины) — к хорошему, жаркому лету.

Если солнце ложится спать бледным, то завтра будет дождь.

Идет ливневый дождь, дует резкий холодный ветер, повышается давление, затем дождь прекращается,

облака рассеиваются, температура понижается — к заморозку.

Наступит похолодание, если при ясной и прохладной погоде дым из трубы и от костра идет вверх.

Если кучевые облака к вечеру не рассеиваются и не исчезают, то можно ожидать ухудшения погоды и дождя.

Сполохи играют — перемена погоды будет.

Солнце красное заходит — к ветру, в морок — дождь будет, в облако — другой день ненастный.

Если дождевая туча шумит, будет град или сильный ветер.

Пар идет от земли — к дождю. Волна бьет навстречу текучей воде — будет дождь.

В холодный год родятся хлеба, в дождливый — травы.

Поздний расцвет яблони и рябины — к долгой осени.

В пору цветения рябины тепло — все лето будет сухим и погожее. Листья конского каштана за 3—5 часов до дождя выделяют липкий сок.

В небе солнце, а цветки одуванчика закрываются — дождь пойдет.

Отцветший одуванчик в сухую погоду легко разбрасывает пушинки, а перед дождем их не сможет оторвать даже сильный ветер.

Перед дождем соцветия ноготков закрываются, мальва поникает, увядает, фиалка сгибает стебелек, жимолость и дрема облеплены насекомыми.

Сирень и жасмин сильно пахнут — перед дождем.

Когда дятлы очень слышны — будет дождь.

У вороны (грачей или галок) в гнезде пять или семь яиц — к хорошему году, три или четыре — к плохому.

Чибисы с вечера кричат — к ясной погоде.



ПО ВАШЕЙ**ПРОСЬБЕ**

*«Дорогая редакция!
У меня к вам просьба. Сынишка
подрастает и очень любит сказки.
Если можно, включите в свой жур-
нальный раздел «Для самых маленьких»,
хоть полстранички.*

*Думаю, меня поддержат многие
родители, выписывающие «Уральский
следопыт».*

М. МЯКОШИНА, медсестра,
г. Куйбышев».

Выполняем просьбу читательницы.

У Юрия Блинова это первая журнальная публикация. По специальности он — горный инженер, живет в городе Ноябрьске Тюменской области, руководит партией мерзлотного надзора на строительстве нефтепромыслов.

Автором «Пилата» является известный башкирский писатель, главный редактор сатирического журнала «Ханек» (Вилы) Марсель Салимов. Его рассказы и фельетоны публиковались в детских изданиях Москвы, Уфы, Казани.

Юрий БЛИНОВ

ЗАЙКА

От автора. Моя дочь Наташа, третьеклассница, сядет уроки делать — вся согнется, скособоится. Замечания не помогают, наказания — тоже. Дурные привычки плохо изживаются. Задумался, что бы такое изобрести. И... написал сказку.

— Прочти внимательно, — говорю дочке. И уехал в командировку.

Недели две меня не было. Захожу домой, смотрю: Наташа уроки делает, спинку свою прямо-прямо держит. Я обрадовался, потом подумал: может, моя сказка и другим детям поможет?

Жил в лесу зайка, и все ему было нипочем. Никого он не слушал. Сядут они есть, мать ему:

— Коська, сиди прямо. Горб вырастет.

А у Коськи слова мимо ушей летят. Назло больше ссутулится, боком на стол ляжет, щипом хлебает. «Ничего у меня не вырастет, — думает Коська. — Пугает мамка».

Пошел зайка в школу.

— Коська, сиди прямо, — говорит учитель. — Стариком станешь.

Коська для вида выпрямится, а через минуту снова тетрадь ушами перелистывает.

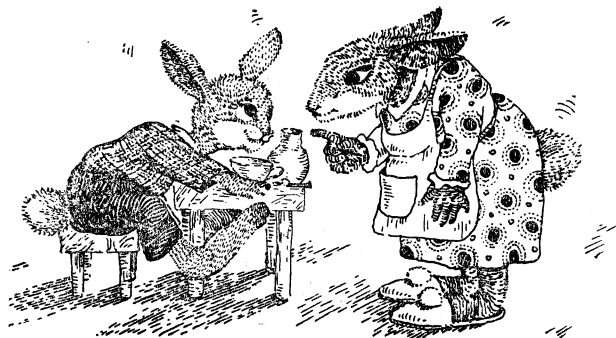
Стал зайка большим, глядь-поглядь в реку, а у него плечи в дугу, на спине шишка торчит — горб пророс. Захотелось ему как-то капусты, залез ночью в огород. Крадетса тихо-тихо, а проклятый горб кочаны сшибает. Услыхали собаки, погнали зайку. До крови покусали, всю шкуру испортили, еле удрал. Три дня раны залечивал, вздыхал. На четвертый соскочил, ремнем подпоясался, усы растопорщил.

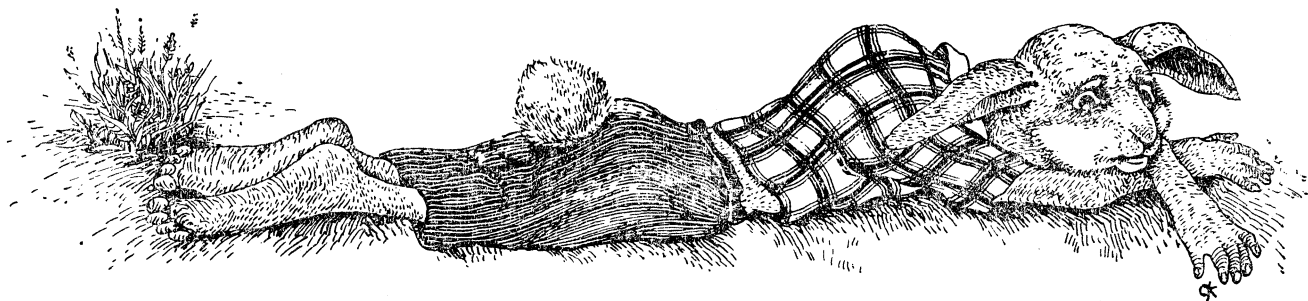
— Начхать мне! — кричит. — Я и без капусты проживу. Пойду в зоопарк, у меня данные!

Достал костюм двубортный. В плечи дочечку вшил, в талии заузил. Надел и сам себя не узнал. Ничего от Коськи не осталось. Для форса усы подкрасил, брови выгнул и двинулся.

Хозяин зоопарка — медведь. Ответственный, косопалый, в шапке норковой. Покрутил зайку, загудел, как в трубу:

— Хорош заяц! Хоро-о-ош. Плечи-то! Моих шире. А грудь! И вид товарный. Пойдет.





ГОРБУН

Определил зайку в лучшую клетку, на довольствие поставил по первой категории. Славная жизнь началась у зайки. Капуста, морковь отборная — ешь не хочу. Спи сколько влезет. Зрителей мало — зима, холодно.

Пришло лето — жаркое. Солнце палит с утра до вечера. Терпит зайка, потом обливается, от крана с ледящей водой не отходит. Тут еще ливень начал, кожа зудит — спасу нет, особенно горб донимает. Как ни жалко ему было, а пришлось костюм сбросить.

Увидели посетители, засмеялись, заулюлюкали. Детишки пальцем показывают, дразнятся: «Зайка Горбун, зайка Горбун». А уж как его медведь трепал за обман, про то лучше и не рассказывать.

Уковылял зайка в лес, упал под куст, зарылся горько.

Бежала мимо зайчиха, увидела горемыку, пожалела, взяла к себе. Стали вместе жить-поживать. Сначала шепотки отовсюду слышались: такая, мол, красавица, а вышла за уродца, но потом как-то стихли.

Купили супруги телевизор, стали кино дома смотреть, а там у них и детки пошли, после внуки. Зайка на детишек не нарадуется, нянчится, играет, колыбеленки складывает. Сам душой оттаял, про свое горе забывать стал.

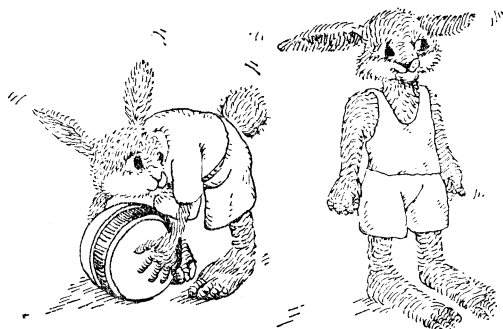
Но, бывало, сядут они есть и шалун какой-нибудь раздурится, управы нет. На замечания не реагирует — горбатится. Старый зайка соскочит, сам не свой станет. За уши дерет, по плечам, как по барабану, колотит.

Дитенок расплачется, к бабушке бежит, в подол уткнется, жалуется. Бабушка его успокоит, на дедушкин горб покажет. «Такими хотите стать?» — спросит и про горькую дедушкину молодость расскажет. Зайчатки ее слушают, на ус мотают — ходят прямо, сидят не сутулятся. Растут стройные, сильные, грудь высокая — колесная, плечи — сажень косяя.

Старый зайка горд ими, с похвальбой смотрит вслед. А толкнет в бок бабушку:

— Гордись, старая! Моя школа!

Бабушка на него лучисто взглянет, улыбнется мягко и промолчит.



ПИЛАТ

Марсель САЛИМОВ

Звонok будильника прервал сладкий сон Талипа. Семь утра. Пора вставать. Только Талипу нисколечко не хотелось вылезать из теплой постели. Ведь столько дел на него обрушится, едва откроет глаза!.. Даже страшно представить. Надо и кровать заправить, и почистить ботинки, а погладить брюки — все равно что «двойку» получить. Он прихлопнул звонок будильника рукой и снова юркнул под одеяло...

И вдруг кто-то ткнул Талипа в бок. Он откинул одеяло и увидел возле себя мальчугана примерно одинакового с ним возраста.

— А я штаны твои погладил, — сказал мальчик Талипу, улыбаясь.

Талип застыл с открытым ртом.

— Ты кто такой? — спросил он, ничего не понимая.

— Меня зовут Пилат.

— Хи-хи-хи, Пилат! — засмеялся Талип, издеваясь над ним. — Нашел имя!

Но тот нисколько не обиделся.

— Если хочешь знать, — спокойно произнес он, — я твое отражение. Поэтому и имя у меня твое, только наоборот.

У Талипа глаза вылезли из орбит. Он чуть с кровати не упал.

— Этого не может быть!

— Может! Если хочешь знать, у каждого человека имеется обратное отражение. У трудолюбивого бывает ленивый двойник, а у ленивого — наоборот.

— Значит, ты мой двойник? — Глаза Талипа заблестели. — Если так, — сказал он Пилату, хитро улыбаясь, — то собери мои книги, тетради...

Пилат, не дожидаясь, пока Талип закончит, заглянул под кровать, залез на шкаф, выбежал в гостиную и всюду находил то книгу, то тетрадь. Талип с интересом наблюдал за ним с кровати. Дождавшись, когда Пилат сложил все необходимое в сумку, он отдал новый приказ:

— Почисти мне ботинки!

Когда ботинки стали, как картинки, Талип нехотя слез с кровати. Лениво сполоснул лицо и взялся за сумку. Перед уходом обратился к Пилату, который торопливо убирал кровать.

— Пока я буду в школе, собери макулатуру,

да смотри, чтобы было не менее десяти килограммов!

К возвращению Талипа Пилат собрал целую гору старой бумаги. Радости Талипа не было предела.

— Ура! Я больше всех в школе собрал макулатуры! Здорово!

Талип швырнул сумку под кровать, схватил со стола шоколад под названием «Гулливер» и выбежал на улицу. Пилат тоже было последовал за ним, но Талип его остановил:

— Ты делай домашние задания, а я погоняю футбол.

Вернулся Талип поздно. К этому времени по русскому языку упражнения были сделаны, задачи по математике решены. Пилат даже воду натаскал из родника.

Утром Талип, не вставая с постели, привычно приказал Пилату:

— Бери сумку и лети в школу!

Но на этот раз Пилат ему не подчинился.

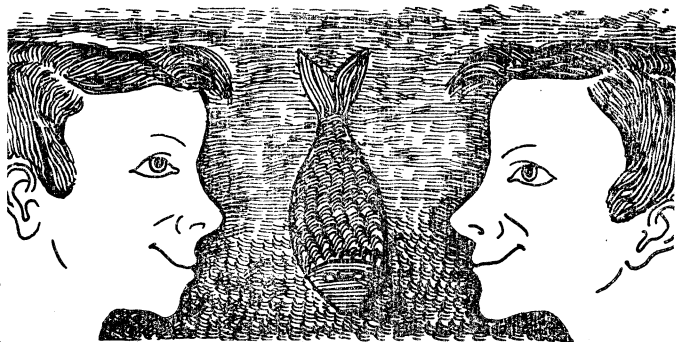
— Впредь на меня не рассчитывай! — сказал он и сдернул с Талипа одеяло...

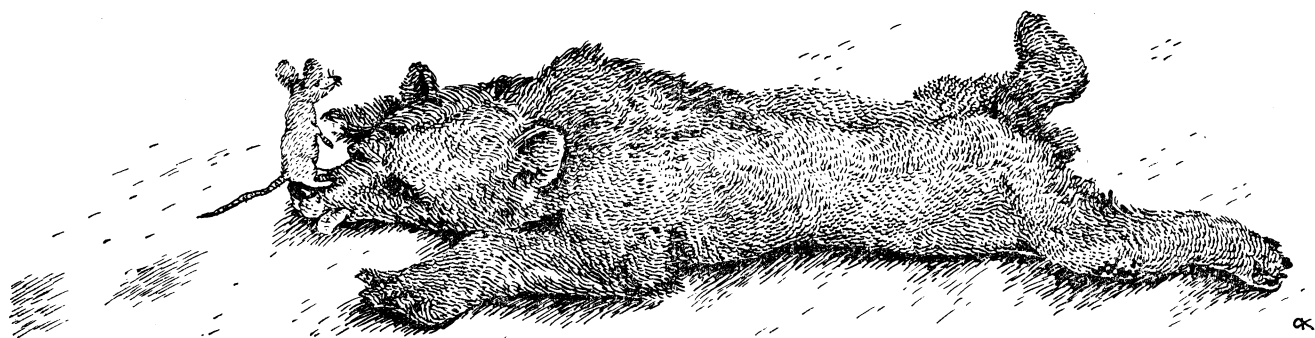
Вот тут Талип окончательно проснулся. Открыв глаза, не обнаружил рядом Пилата. Странно-но... Поняв, что все это ему приснилось, Талип чуть не заплакал.

— Эх, как жаль! Какой хороший мальчик был!..

Талип протер опухшие глаза и взглянул на часы. Было уже около девяти утра. Он быстро собрал разбросанные под кроватью тетради, книги и, запихав их в сумку, побежал в школу.

С башкирского перевел автор





МЫШОНОК

Из хантыйских сказок

Жил Мышонок в сосновом бору. Летнее гнездышко у него было высоко на сушине в узком дупле, таком узком, что никто Мышонка не мог достать оттуда.

— Много солнца, много теплого ветра, — радовался Мышонок. — Спустишь вниз — еды много! Кто такой урман для меня приготовил? Кто в нем хозяин?

Вот один раз зашел Мышонок в черничник — отведать, вкусна ли ягода черника. А там медведь пасся. Схватит пастью большой куст и жуёт ягоды с листьями, сосет их. Шмыгнул Мышонок, хотел спрятаться, да попал нечаянно медведю на язык. Проглотил Мышонка медведь, не заметил...

Разозлился Мышонок и грозит медведю:

— Вот я тебе шкуру продырявлю! Зачем проглотил?

— Не заметил я, — отвечает медведь. — Не сердись. Я пошире пасть открою, ты выскочивай!

Слышит Мышонок, что медведь его жалеет, и ну насмехаться над хозяином тайги:

— Нет, так не хочу! Возьму и не выскочу. Продырявлю твой живот, потом через дырку вылезу.

— Мне больно будет, — говорит медведь жалобно. — Ты ведь меня поранишь. Я упаду. Как же тайга без хозяина будет? Упаду, долго хвотать стану.

— А мне-то что! — пищит Мышонок.

Начал он грызть живот медведю, прогрыз дырочку и вылез. А медведь упал и заболел.

Мышонок радуется:

— Теперь я хозяин лесов, болот и озер, хозяин всех речек!

Обежал он сосновый бор, всем рассказал: — Медведь захворал. Лежит, не встает. Может, вовсе не встанет. Давайте праздновать!

Собрались все, кто не любил медведя: муравьи, пчелы, мыши, куропатки, белки, бурундуки, зайцы. Принялись угощаться, плясать-веселиться.

Три дня пировали, три ночи шумели.

Тем временем выздоровел медведь. Подполз он к поляне, где лесная мелкота веселилась, — как рывкнет! Побежали во все стороны зверюшки и насекомые. Хотел Мышонок в свое дупло залезть, а медведь по сушине принялся лапой хлопать — выжил его.

Юркнул Мышонок под корни. Так с того времени в земле и живет. А медведь и до сих пор ходит, землю нюхает: не прячется ли где Мышонок, его давний обидчик?

Не может хозяин тайги простить Мышонку, что он ему, медведю, живот повредил.

Ведь сильных тоже жалеть надо!

Запись Т. ЧУЧЕЛИНОЙ
Обработка Г. САЗОНОВА и Г. СЛИНКИНОЙ

САБЛЯ Салавата Юлаева

Булат ДАВЛЕТБАЕВ

См. фото на 4-й стр. обложки

Найдена сабля поэта и национального героя башкирского народа Салавата Юлаева... Ее обнаружили в фондах бывшего Военного музея в Риге. В инвентарной книге сохранилась запись на латышском языке: «Сабля ближайшего помощника Пугачева Салавата Юлаева. Сабля без ножен, длина 96 см, ширина 3 см, вогнутая. Ручка из желтой меди с изображением головы льва и украшениями из мелких камней. На лезвии длинная, несколько потухшая надпись на арабском языке. Найдена в деревне Курмантаево Уфимской губернии». И еще: «Сабля продана музею С. Р. Минцловым в 20-х годах».

И вот сабля в Башкирском государственном объединенном музее. Памятник героического прошлого Башкирии вернулся на родину.

Находка ставит перед нами сразу много вопросов. Действительно ли сабля принадлежала Салавату Юлаеву? Как она оказалась в деревне Курмантаево? Кто такой Минцлов?

Легче оказалось ответить на последний вопрос. Сергей Рудольфович Минцлов (1870—1933) — историк, писатель, библиограф, путешественник, собиратель старины. Минцлова привлекал Южный Урал. Весной 1910 года в качестве земского начальника он направился в самый центр Башкирии — Богоявленский медеплавильный завод (теперь Красноусольск, центр Гафурийского района); служебное положение Минцлов использовал для облегчения своих поисков и исследований. Немногим более чем за год он обследовал все памятники природы и остатки древней и средневековой истории — курганы, следы крепостей и городков, пещеры, реки, озера и др. Все виденное записывал. В его архиве имела запись «Подневные записки с 1907 по 1913 год». К сожалению, она пока не обнаружена. Но на ее основе написана одна из интереснейших работ Минцлова «Дебри жизни. Дневник», почти наполовину посвященная уфимскому периоду его деятельности. Другое «башкирское» произведение Минцлова — «Очерки Приуралья». В обоих сочинениях с документальной точностью описаны поиски краеведа.

Больше всего Минцлова интересовали события Крестьянской войны. Сразу же после приезда в Уфу он обследовал дела местного архива, часть которых была «посвящена Салавату Юлаеву и его отцу, пособникам Пугачева». Находясь на Богоявленском заводе, Минцлов записывает предания о Пугачеве, собирает ядра, наконечники стрел, оставшиеся с времен Крестьянской войны. Минцлов установил хорошие связи с башкирами и татарами, предки которых приняли активное участие в Пугачевском восстании. Бывал он и в деревнях Кси-Табынской волости Курмантаево, Бурлы и других, где летом 1910 года в его честь был устроен даже сабантуй. Во время таких

посещений, очевидно, Минцлову подарили или продали саблю, подчеркивая, что она принадлежала самому Салавату Юлаеву.

Однако Минцлов ни разу не упомянул о ней. Его молчание можно понять: ведь тема о Пугачеве и его сподвижниках в то время была запретной. Сохранившиеся же материалы свидетельствуют о научной добросовестности и стремлении к исторической истине Минцлова.

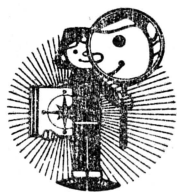
Как сабля Салавата Юлаева оказалась в Курмантаево — вдали от мест его боевой деятельности? Возможно, сабля была доставлена в эти края как трофей?

Осенью 1774 года восстание пошло на убыль. В сентябре Пугачев был выдан властям. Однако восстание продолжалось под руководством Салавата Юлаева. Командующий войсками Панин требовал повиновения повстанцев, угрожая «лютейшими смертями». 29 октября генерал Потемкин обратился с письмом к Салавату: «Покайся, познай вину свою и приди с повинованием». Однако салаватовцы не изменили клятве: «до самой погибели не покоряться». Тогда царские власти снарядили специальную команду карателей во главе с подполковником Аршеневским, которая 25 ноября 1774 года настигла Салавата и четырех его товарищей в лесу близ глухой деревушки Миндишево. Среди карателей были люди из Табынского округа, куда относилась и деревня Курмантаево. Спустя много лет один из карателей — Муксин Абдусалаямов обратился к Екатерине II с просьбой пожаловать ему офицерский чин, так как он «главного злодейского наперсника-башкирца Салаватку Юлаева, поймав, представил властям». Вполне допустимо, что каратели, схватив Салавата, ограбили его, отобрали и великолепную саблю с золотой надписью. То, что они были не прочь поживиться имуществом восставших, подтверждается множеством фактов. Еще до ареста Салавата его семью пленили, а имущество разграбили. Дом отца его тоже разорили...

От кого же ее получил Минцлов? Ясно одно: сабля дошла до нас в отличной сохранности благодаря заботливому отношению тех людей, которым была дорога память о Пугачевском восстании, о Салавате Юлаеве.

Сабля изготовлена в XVIII веке мастером для какого-то башкирского военачальника. Известно, что башкиры привлекались правительством для походов и войн России. Хотя сабля по форме напоминает гусарский клинок, но в то же время золотой инкрустацией и оформлением рукояти, имеющей набалдашник в виде звериной головы, она напоминает восточное оружие.

С волнением смотришь на боевой памятник прошлого. Если бы сабля могла говорить! Она поведала бы нам, в каких яростных рубках участвовала...



МИР НА ЛАДОНИ

Серьезное с курьезным

Землепроходец в поэзии, поэт в географии

Таким может быть эпиграф к экспозиции недавно открывшегося в селе Парфеньево Костромской области мемориального музея Сергея Николаевича Маркова. Расположен он в доме, где родился и провел детские годы этот удивительный человек, соединивший в себе таланты литератора, географа, историка и краеведа.

Не случайно в витринах музея соседствуют пишущая машинка и компас, рюкзак и чернильница. Им поочередно пользовался писатель, собирая материалы о Дежнев, Пржевальском, Валиханове, Семёнове Тянь-Шанском, их сподвижниках.

Славные дела многих русских первопроходцев вернуло из забвения не знающее покоя перо С. Маркова. В музее экспонируются различные документы, рукописи, фотографии, свидетельствующие о неустанным кропотливом труде писателя-следопыта. Результат этого труда — книги. «Юконский ворон», например, представлен здесь во всех изданиях, выходящих на русском и других языках. Обширно и поэтическое наследие С. Маркова.

Активно участвовали в создании музея юные следопыты села. Они помогли реставрировать родной дом писателя, устраивали субботники.

В. ПАШИН

Вечная живопись

Сколько поистине славных страниц вписали уральские камнерезы в историю русского прикладного искусства, сколько создали они изумительных произведений!

Недавно на старейшем свердловском заводе «Уральские самоцветы» была изготовлена еще одна уникальная работа камнерезного искусства. По эскизу заслуженного художника РСФСР Евгения Васильева для Казанского университета уральцы «нарисовали» из яшмы мозаичный портрет «Ленин — вождь».

Для изготовления этого портрета размерами полтора на два метра и весом более полутоны потребовалось около тысячи различных кусочков красной яшмы и белого магнетита.

Камнерезы В. Торхов, Е. Дмитриев, М. Семеновский и резчик камней В. Чернявских блестяще справились с трудной задачей по выполнению крупной монументальной работы из камня.

Мозаичный портрет «Ленин — вождь» занял почетное место в мраморном зале одного из новых корпусов Казанского университета.



Вслед за портретом В. И. Ленина для Казанского же университета уральскими мастерами было изготовлено еще одно «полотно вечной живописи» — мозаичный портрет великого русского математика Н. И. Лобачевского.

Автор этого эскиза тоже художник-камнерез Е. Васильев. Вместе с ним трудились камнерезы М. Семеновский, И. Погодин, В. Торхов.

Портрет Лобачевского размером 156 на 116 сантиметров весит 300 килограммов, собран он из кусочков полевского мрамора разных тонов и оттенков.

Г. КУМАНОВ

На снимке: мозаичный портрет Н. И. Лобачевского.
Фото И. Горячева

Что в чаше Гиппократа!..

Змея и чаша Гиппократа стали символом медицины. Яд — незаменимое лекарство. Випралгин, випротуктан, випротокс, випрозид, випроксин — перечислить все препараты, выпускаемые нашей и зарубежной фармацевтической промышленностью, невозможно.

Где добывают яд сегодня? В нашей стране девять серпентариев. Крупнейший из них — ташкентский. Здесь змеи находятся в особых вольерах, где поддерживается необходимая температура.

В среднем от змеи за ее жизнь в серпентарии получают в худшем случае 30—40 миллиграммов сухого яда, в лучшем — до 300—400 миллиграммов.

Цифры невелики, а если учитывать, что в неволе кобра живет шесть лет, гадюка — до трех лет, а другие змеи и того меньше, то станет понятным, насколько острым уже сегодня стоит проблема получения змеинного яда. Чтобы получить один килограмм сухого яда, бригаде змееловов необходимо отловить 800 гюрз и 100 кобр. Каждый килограмм сухого яда невзрачного желтого цвета обеспечивает нашей стране сто тысяч рублей чистой прибыли. Назрел вопрос о создании змееохотничьих хозяйств, которые неизмеримо выгоднее серпентариев. При этом отпадает проблема кормления змей, кстати сказать, весьма нелегкая. Естественные условия продлевают жизнь змеям, восстанавливают экологическое равновесие в природе.

Р. ПОВИЛЕЙКО

Самоубийство робота

Робот, названный в шутку Джозефиной, был так прилежен и неутомим, что его хозяева не могли и представить, что вскоре произойдет. А Джозефине, похоже, дьявольски надоела однообразная работа (она склеивала швы). Взяв руками-манипуляторами банку с растворителем, она вылила ее содержимое в свое электронное нутро. Это «самоубийство» произошло на одном из предприятий американского штата Огайо.

Школа искусств

Владимир ПОПУГАЙЛО

Участник Великой Отечественной войны врач Андрей Васильевич Зубарев, ветеран 22-й армии, и не предполагал, какой резонанс вызовут его беседы о боевых буднях медиков на войне среди юных слушателей — воспитанников свердловской школы искусств № 2. Начинающие художники, затаив дыхание, слушали рассказы фронтовика, встречавшего День Победы в Берлине. Перед их глазами вставали картины боев, самоотверженный труд санитаров, санинструкторов, врачей... Под свист пуль и взрывы снарядов — молоденькие девчужки, с большой сумкой с красным крестом, с автоматом через плечо, подползали к раненым, перевязывали их и оттащивали в ближайшую воронку, в лесок или другое укрытие. В медсанбатах, фронтовых и тыловых госпиталях ни на час не прерывалась напряженная работа, равная подвигу: что может быть выше и благородней цели — спасти жизнь раненых, вернуть им здоровье, вернуть их в строй!

Много ярких эпизодов вспомнил Андрей Васильевич.

И вот передо мной большая серия рисунков, выполненных акварелью и гуашью, которая родилась под впечатлением этих бесед. Дети с 7 до 13 лет рисуют войну, уличные бои, танковые и морские сражения, подвиги партизан, зверства фашистских оккупантов, возмездие, радость освобождения, награждение героев. 40 рисунков. 15 из них посвящены медикам, их фронтовым будням.

Восьмилетний Миша Халуга, избегая «красивостей», одним коричневым цветом рисует тяжелый бой. На переднем плане — санитар перевязывает пострадавшего. «Сестра милосердия» (как сердечно звучат эти полузабытые слова!) Иры Костровой, «Боевая подруга» Нади Выдриной, картина «В уличных боях» Виктора Слободчикова выполнены, я бы сказал, с большим чувством, изображают работу санитаров.

Несколько картин относится к жизни военных госпиталей. Вот «Письмо родителям» Иры Богдашиной: медицинская сестра пишет под диктовку раненого, у которого повязка покрывает глаза. «Джурство» Эли Лебедевой: юная художница нарисовала красивое, одухотворенное и спокойное лицо медсестры у постели раненого.

Дети рисуют войну... Но в каждом рисунке, как бы хорошо он ни был исполнен, — не идеализация войны, а протест против нее и — преклонение перед геро-

измом сражающегося народа, защитников Родины, вера в победу и мир на земле.

Школа искусств № 2 при школе-интернате № 8 г. Свердловска открыта 1 сентября 1979 года. Здесь три отделения: изобразительных искусств, хореографии и общего эстетического образования.

Директор школы В. Н. Матиаш, заведующий отделением изобразительных искусств В. А. Храмов, преподаватели В. Г. Курбалева, Г. А. Письмак и другие прикладывают много сил, умения и инициативы, чтобы развить у детей эмоционально-чувственное отношение и восприятие окружающего мира.

Творческая группа малышей (1—3 классы) смотрит спектакли Свердловского кукольного театра, а затем об увиденном и услышанном дети рассказывают на языке красок.

В летние месяцы юные художники выезжают на загородную практику, откуда привозят этюды — уральский пейзаж. В 1985 году художник В. А. Храмов с двадцатью воспитанниками провёл лето на крымском побережье. В местном историко-художественном музее в память об этих днях можно увидеть работы, подаренные ребятам.

Воспитанники школы участвуют во многих городских и областных выставках. Работы школьников отмечены почетными грамотами и призами.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«Хронометр» — продолжение первой книги нового романа В. Крапивина «Острова и капитаны»;

фантастические рассказы Р. Подольного, Г. Дурнайкина, И. Белогруда и А. Климова;

«Чем славен Урал!» — статья Ю. Липатникова;

«Бортжурнал самолета 025» — очерк В. Пашина, посвященный 50-летию чкаловского перелета через Северный полюс в Америку;

юмористические миниатюры Г. Дробиза, стихи В. Сибирева.

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (заместитель гл. редактора), Н. Г. НИКОНОВ, О. А. ПОСКРЕБЫШЕВ, Г. В. ИВАНОВ (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, В. А. СТАРИКОВ (ответственный секретарь), А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), В. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Голчарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пишаев (художественный редактор), Ю. В. Шинкаренко, Н. А. Широкова (отдел публицистики и следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (фантастики, прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 09.02.87. Подписано к печати 25.03.87. НС 23250. Формат бумаги 84×108/16. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 11,76. Уч.-изд. л. 11,0. Тираж 409 000 экз. (1-й завод: 1—250 000). Заказ 468. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.



В ГОСПИТАЛЕ. Олена Рымарева, 13 лет.



НА МОСКОВСКОМ ФЕСТИВАЛЕ.
Лера Садыхова, 14 лет.

КРЫМСКИЙ ПЕЙЗАЖ. Толя Бритов, 14 лет.



НА ДЕЖУРСТВЕ. Лена Майорова, 13 лет.



4/2-10

Очерк Булата Давлетбаева САБЛЯ
САЛАВАТА ЮЛАЕВА читайте на стр. 78.

4-ю стр. обложки оформил художник Родольф Кап-
тиков.

